

Российская академия наук
Уральское отделение
Коми научный центр
Институт языка, литературы и истории
Коми отделение Российского комитета историков-финноугроведов

**ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ
И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ
НА КРАЙНЕМ СЕВЕРЕ ЕВРАЗИИ**

*Сборник научных трудов
Выпуск 1*

Сыктывкар 2004

УДК 947 (470.13)

**ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ
НА КРАЙНЕМ СЕВЕРЕ ЕВРАЗИИ.** Сборник научных трудов. –
Сыктывкар, 2004. – Вып. 1. – 232 с. (ISBN 5-89606-193-5).

В первый выпуск новой серии сборников трудов, посвященных этническим, демографическим, этнолингвистическим, этнокультурным и этнополитическим процессам, происходившим в различные исторические эпохи на Крайнем Севере Евразии, включены материалы, посвященные расселению древнего и средневекового населения Северного Приуралья, этнокультурным связям населения европейского Северо-Востока и Зауралья в эпоху железа, роли климатического фактора в этногенезе коми-зырян, причинам миграций жителей региона в XVII в., проблеме достоверности материалов переписи населения 1926 г., демографическим процессам в Коми в середине XX в., использованию лингвистических и фольклорных материалов при изучении этнодемографических процессов и др.

Сборник подготовлен при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Этнокультурное взаимодействие в Евразии».

Редакционная коллегия

А.Ф.Сметанин (главный редактор), И.Л.Жеребцов (зам. главного редактора), И.О.Васкул (отв. секретарь), А.А.Попов, Е.Н.Рожкин, В.А.Семенов, Е.А.Цыпанов, Ю.П.Шабаев

Ответственный редактор выпуска
и составитель д.и.н. И.Л.Жеребцов

Рецензент
д.и.н., проф. В.И.Чупров

ISBN 5-89606-193-5

© Институт языка, литературы и истории
Коми НЦ УрО Российской АН, 2004
© И.Л.Жеребцов, состав., 2004

ВВЕДЕНИЕ

Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН и Коми отделение Российского комитета историков-финноугроведов начинают выпуск серии сборников трудов, посвященных этническому, демографическому, этнолингвистическому, этнокультурному и этнополитическому процессам, происходившим в различные исторические эпохи на Крайнем Севере Евразии.

Основное внимание предполагается уделять этнодемографической проблематике. Изучение этнодемографических процессов играет существенную роль для исследования всех аспектов истории каждого народа, каждой страны, поскольку движение и состав населения оказывают огромное воздействие на экономическое, социальное, политическое и культурное развитие. Чрезвычайно важным является, в частности, выявление общности и своеобразия историко-демографического развития различных российских регионов, в особенности национальных, истории их заселения и хозяйственного освоения. Среди малоизученных и требующих внимания проблем историко-демографических исследований стоит назвать изучение динамики общей численности населения за длительные промежутки времени по современным административно-территориальным единицам; к числу важнейших вопросов относятся взаимосвязи демографических, социальных и этнических процессов.

Исследования миграций населения, его численности, состава, расселения и освоения территории, влияния экономических, природных и социальных факторов на демографические процессы, подготовка обобщающих работ по этим проблемам являются актуальными задачами региональной истории, но, к сожалению, на настоящее время количество историко-демографических исследований локального характера остается недостаточным.

В результате выполнения серии проектов ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН – «Влияние климатических изменений на демографические процессы (на материалах Коми края XI – начала XX в.)» (1999–2000), «Лингвистические и фольклорные данные как источник для изучения этнической истории (на материалах Коми края XI–XIX в.)» (2001–2003), «Управление социально-демографическими и этническими процессами в национальном регионе (на примере Республики Коми XV–XX вв.)» (2001–2003), «Формирование и развитие региональной системы расселения в этнически смешанном регионе (на материалах Республики Коми с древнейших времен до конца XX в.)» (2001–2003) и др. на основе материалов писцовых и переписных книг и ревизий населения, летописей и других источников – исследовалось этнодемографическое раз-

витие обширного региона со специфическим этническим составом населения на протяжении длительного периода времени, прослежена его связь с климатическими изменениями. Определена численность населения Коми края и динамика ее изменения, основные направления и интенсивность миграционных процессов, соотношение коми и русского населения в различные периоды времени, основные факторы, влиявшие на демографические процессы. Собранный и частично введенный в научный оборот материал является солидной основой для подготовки крупного обобщающего труда по этнокультурной истории европейского Севера и Зауралья, позволяющий перейти на качественно новый уровень организации дальнейших исследований.

В настоящее время в ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН начаты исследования по академическим темам «Демографические процессы в Коми в XIX–XX вв.», «Социально-экономическое, политическое и культурное развитие Коми в XX веке», «Этнографическое районирование Республики Коми», которые могут служить базовыми для предлагаемого направления исследований. Активно ведутся топонимические исследования. Таким образом, научным коллективом ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН накоплен достаточный опыт для выполнения дальнейших изысканий по проблемам историко- и этнодемографического и этнокультурного развития Крайнего Севера Евразии. Как представляется, институт имеет возможность выступить в роли своего рода координатора или даже центра этнодемографических исследований на европейском Севере России и в Приуралье.

В первый выпуск новой серии, подготовленный при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Этнокультурное взаимодействие в Евразии», включены материалы, посвященные расселению древнего и средневекового населения Северного Приуралья, этнокультурным связям населения европейского Северо-Востока и Зауралья в эпоху железа, роли климатического фактора в этногенезе коми-зырян, причинам миграций жителей региона в XVII в., проблеме достоверности материалов переписи населения 1926 г., демографическим процессам в Коми в середине XX в., использованию лингвистических и фольклорных материалов при изучении этнодемографических процессов и др.

А.Ф.Сметанин,
главный редактор серии, зам. председателя Коми научного центра УрО РАН, директор Института языка, литературы и истории, председатель Коми отделения Российского комитета историков-финноугроведов.

И.Л.Жеребцов

**К ВОПРОСУ О РОЛИ КЛИМАТИЧЕСКОГО ФАКТОРА
В ИСТОРИИ ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ**

История финно-угорских народов богата событиями и разнообразна. Судьба разбросала их по разным частям Евразии – от Западной Сибири до Прибалтики, от Северного Ледовитого океана до Дуная. Велики различия в культуре, образе жизни. Сегодня венгр, финн, коми, манси не поймут друг друга. Однако их языки сохранили древнейшие пласты лексики, свидетельствующие об общности происхождения этих народов. Постепенное же дробление, распад их древней общности, а также ряд других важных этапов развития финно-угорских народов оказываются весьма тесно связанными с глобальными изменениями климата, на значение которых в истории человеческой цивилизации обращали внимание в той или иной мере многие российские и зарубежные исследователи [4; 5; 16; 75; 76].

Их труды, равно как и обстоятельное изучение важнейших аспектов истории финно-угров, финно-угорских языков учеными различных специальностей – лингвистами, археологами, историками, этнографами, – и в особенности их указания на взаимосвязь между некоторыми сюжетами этой истории и изменениями природно-климатических условий [1; 12; 41; 49; 62; 68; 73] делает возможным предпринять попытку составить общий обзор роли климатического фактора в истории финно-угров. Необходимость или, по крайней мере, целесообразность его диктуется тем, что, на взгляд автора, далеко не все еще связи климатических изменений с этноисторическими процессами у финно-угорских народов стали предметом обсуждения.

Автор заранее приносит извинения читателям за то, что должен будет повторить многие достаточно хорошо известные (из работ П.Хайду, В.В.Напольских и других авторов) сюжеты, поскольку видит задачу данной публикации не столько в изложении каких-либо новых данных, сколько в более системном изложении самого подхода к означенной выше проблеме, а также отчасти в постановке (хотя бы в предварительном порядке) некоторых новых связанных с ней вопросов, представ-

ляющих, на взгляд автора, научный интерес. Автор взял на себя смелость выступить с подобной работой, поскольку сам отнюдь не чужд исследованию проблемы взаимосвязи климата и этнодемографических процессов и занимается ею уже десяток лет [17–24].

Все развитие человечества в той или иной мере было связано с его сопротивлением пагубному воздействию неблагоприятных природно-климатических условий, со стремлением найти «место под солнцем», позволявшее бы избежать этого воздействия или хотя бы минимизировать таковое. Естественно, что никакими человеческими усилиями невозможно было остановить или замедлить глобальные природные катаклизмы, подобные оледенениям. Напор ледников ломал относительно устоявшуюся жизнь палеолитического человека, стирал с лица земли или заставлял перемещаться на огромные расстояния древние племена, лишая их возможности развивать свою культуру. И лишь тысячелетия спустя с отступлением льда перед людьми появилась возможность обживать новые пространства, осваиваться, постепенно формируя свои особенные традиции жизнедеятельности.

Около 15 тысяч лет назад началось быстрое глобальное потепление климата, открывшее пути для складывания различных этнокультурных, языковых общностей, а уже около 12700 г. до н.э. климат в Западной Европе был почти таким же, как в наши дни. За 10 тысячелетий до начала н.э. стало значительно теплее во всех частях Земли. Ледниковые щиты северного полушария начали быстро таять в последующие тысячелетия. В VII тысячелетии до н.э. (так называемый бореальный период) в Европе стало теплее, чем теперь; теплый воздух проникал далеко на северо-восток; в основном растаяли северные ледниковые щиты. В последние века этого тысячелетия несколько похолодало, но затем бореальный период сменился еще более теплым атлантическим (VI–IV тысячелетия до н.э.). [5, с. 40]. Новая фаза потепления ознаменовалась рождением уральской языковой общности, объединявшей далеких предков нынешних финно-угорских и самодийских народов. Исследователи говорят о ее существовании уже применительно к VI тысячелетию до н.э. [68, с. 159; 49, с. 125; 43, с. 13].

Ранее, при бореальном потеплении VII тысячелетия, этой общности, скорее всего, еще не было, поскольку Западная Сибирь в ту эпоху оказалась менее избалована климатическими сдвигами к лучшему, нежели, например, Дальний Восток или крайний Северо-Восток Евразии; более того, исследователи отмечают имевшее место в Западносибирском регионе некоторое похолодание [5, с. 48], что явно не благоприятствовало людям, пожелавшим бы обустроить здесь свою жизнь. А ведь именно в этом регионе локализуется, по мнению исследователей, прародина

уральских народов: от Уральских гор на западе до Енисея и низовьев Ангары и Подкаменной Тунгуски на востоке и от Полярного круга до низовьев Тобола и северных предгорий Саян и Алтая [49, с. 132; 62, с. 105]. В атлантический же период (VI–IV тыс. до н.э.) Западная Сибирь относилась к тем регионам, где наблюдались наибольшие положительные аномалии климата [5, с. 48].

По мере потепления климата росло население, находившее все больше возможностей для пропитания. Со временем границы прародины стали тесны для значительно увеличившегося количества людей. Конечно, в сравнении с современностью, плотность населения, несмотря на прирост, оставалась весьма низкой; однако охотничье-рыболовецкий тип хозяйства требовал обширных резервных территорий освоения, которые в районе проживания того или иного рода были отнюдь не беспредельны. В результате либо тормозился рост численности населения (вследствие нехватки продовольствия, голода и повышения смертности), либо часть жителей вынуждена была переселяться в иные районы.

Возможно, с этим относительным перенаселением и было связано (как полагал, в частности, П.Хайду [68, с. 172]) разделение уральской языковой общности на самодийскую и финно-угорскую, которое произошло на рубеже V и IV тыс. до н.э.; при этом исследователи называют разные даты: «не позднее, чем к концу V тыс. н.э.», первая половина IV тыс. до н.э.; конец IV тыс. до н.э. [41, с.43; 43, с. 13; 49, с. 125; 62, с. 105]. П.Хайду в своей монографии «Уральские языки и народы» в одном разделе пишет, что «предки говорящих на самодийских языках народов примерно в IV тыс. до н. э. выделились из уральской языковой общности», а в другом определенно указывает, что «отделение предков самодийцев от финно-угров» произошло «не позднее, чем на рубеже V и IV тыс. до н.э.» [68, с.122, 172].

Если исходить из относительной перенаселенности как важного фактора разделения уральцев, то, учитывая изменения климата, более вероятным представляется, что отделение самодийцев от финно-угров произошло в конце V тыс. до н. э., поскольку в начале следующего тысячелетия наступил пик теплого периода (климатический оптимум), проявившийся в большинстве регионов Евразии, в том числе и в Западносибирском [5, с. 41, 48], где, как уже говорилось выше, климат атлантического периода был одним из самых благоприятных в Евразии. Без сомнения, новое улучшение климатических условий дало возможность получать больше продуктов питания в обжитых районах. Например, потепление позволило, очевидно, вылавливать больше рыбы во внутренних водоемах, поскольку, как отмечают исследователи, «для боль-

шинства пород рыб повышение температуры воды и продолжительности теплого периода способствует быстрому росту рыбы... Климатические факторы, регулирующие качество воды, могут выступать в роли физиологических стимуляторов, особенно в период размножения рыбы» [3, с. 86]. Расширились, несомненно, возможности сбора различных ягод и прочих даров леса; во всяком случае, П.Хайду, исходя из данных языкознания, пишет о важной роли, которую играли лесные и болотные ягоды в жизни финно-угров, а также о появлении лесного пчеловодства [68, с. 179]. Все это оказало благотворное воздействие на демографические процессы. Вследствие чего в начале IV тыс. до н.э. проблема относительной перенаселенности, вероятно, была снята с повестки дня, и бывшее ранее «избыточным» население получило возможность добывать средства пропитания на родине, а не искать их в иных регионах. Следовательно, массовые миграции и, как следствие их, отделение одной группы уральцев от другой должны были произойти не в это благоприятное время, а в предшествующий период, до наступления климатического оптимума, т.е. в конце V тыс. до н.э.

Климатический оптимум продолжался в течение почти всего IV тысячелетия до н.э., хотя, разумеется, порой имели место временные похолодания, не имевшие, вероятно, катастрофических последствий для населения. Видимо, это позволило финно-уграм сосуществовать более тысячелетия в относительном единстве – относительном, потому что, как справедливо полагает П.Хайду, в условиях низкой плотности населения, больших расстояний, отделявших местожительства разных родов, нечастых контактов между ними неизбежно возникали различия в местных говорах, диалектах [68, с. 171], да и, вполне возможно, в культурно-бытовой и хозяйственной специфике разных локальных групп. Однако даже условия климатического оптимума не могли, естественно, обеспечить беспредельный рост числа жителей, поэтому время от времени, вероятно, в отдельных локальных группах все же появлялось относительно избыточное население, которое вынуждено было переселяться за пределы прародины. На этот процесс, надо полагать, оказали свое воздействие и упоминавшиеся временные похолодания, одно из которых происходило на рубеже первой и второй трети IV тыс. (около 3680 г.) до н.э. [5, с. 43]. Возможно, именно в этот период имело место перемещение части финно-угров за Урал – в частности, в бассейн Камы. Следует отметить, что археолог А.Х.Халиков указывал на общность населения, жившего в IV тыс. до н.э. в бассейне Камы и по другую сторону Урала [69], т.е. на той части территории западносибирской прародины уральцев, где в этот период обитали финно-угры.

Середина IV тыс. до н.э. была теплой, но и существенно более сухой, чем предшествовавший период. В результате, вероятно, произошло определенное изменение ландшафта: почва становилась более сухой, степи постепенно лишались растительности, становясь полупустынями, а степная полоса сдвигалась на север, где ранее располагались луга; вслед за изменением растительного мира вынуждены были перемещаться и животные (об аналогичных процессах применительно к существенно более позднему времени писал Л.Н.Гумилев [14, с. 200]). Вследствие этого население районов, лежавших к югу от территории расселения финно-угров, спасаясь от засухи, вынуждено было, видимо, в поисках пропитания переселяться севернее, отесняя или смешиваясь с финно-угорскими племенами. Не случайно именно в середине IV тыс. до н.э., по данным А.Х.Халикова, фиксируется приток на былую уральскую прародину инородных пришельцев с юга [69]. Результатом вызванных именно засушливым климатом миграций и стало, во-первых, усиление разрыва между финно-уграми и самодийцами; последние (населенные к тому времени верхнее течение Иртыша и Оби), как полагают исследователи, в основном отошли в направлении Енисея, а обитавшие непосредственно по обеим сторонам Урала финно-угры смешались с пришельцами [68, с. 122, 160].

Вторым результатом притока переселенцев с юга могла стать миграция оттесняемой ими с места первоначального жительства части финно-угров на запад, в сторону Волги, а отдельных групп – даже Балтики, включая и Север Европы, который в условиях весьма теплого климата той поры мог оказаться вполне привлекательным для переселенцев. В.В.Напольских, например, указывает на расширение зоны лесов в целом на север и расширение зоны широколиственных восточно-европейских лесов на север и на восток как на фактор, благоприятствовавший миграционным процессам в указанные направления [49, с. 194]. Постепенно осваивая эти пространства, финно-угры могли добраться и до берегов Балтийского моря. Во всяком случае, некоторые ученые говорят о появлении на территории современной Финляндии приблизительно в 3300–3200 гг. до н.э. нового народа, возможно, имевшего финно-угорские черты [73, с. 41].

В конце IV тыс. до н.э. климат повсеместно начал меняться [5, с. 43]. Он стал, во-первых, более влажным. По мере увлажнения вновь стал меняться ландшафт, полупустыни отступали к югу, восстановился травяной покров в степях, лежавших южнее финно-угорских земель, так что они вновь стали вполне пригодными для жизни, и приток переселенцев из этих районов на финно-угорскую территорию если и не прекратился полностью, то, во всяком случае, значительно ослаб, что

должно было дать финно-угорским племенам возможность развиваться в более спокойных условиях, без значительного внешнего давления и печальных перспектив ассимиляции. Это положительное следствие начавшихся перемен климата было, однако, «нейтрализовано» другой стороной происходивших перемен – некоторым похолоданием, что по понятным причинам оказало, вероятно, замедляющее влияние на рост популяции финно-угров – меньше стало растительных «даров природы», возникли, вполне возможно, некоторые проблемы с рыболовством (сошлюсь на мнение исследователей относительно негативного воздействия даже незначительного снижения температуры воды на популяции речных рыб, многие виды которых вообще не размножаются, если вода не достигает определенной температуры [3, с. 87]). В этих условиях снова появляется относительно избыточное население, которое в поисках пропитания вынуждено было мигрировать в другие места. Не случайно именно в этот период племена культуры ямочно-гребенчатой керамики (которая, по некоторым предположениям, относится к протофинноуграм), появившиеся в Карелии во время потепления, расселяются по всей территории региона [31, с. 21].

Климатический оптимум завершился к концу IV тыс. до н.э. Новый суббореальный период (III–II тыс. до н. э.) был вначале относительно терпимым: если зимние периоды стали холоднее, то летние пока оставались еще теплыми. Однако для этого периода были в целом характерны климатические аномалии, отнюдь не способствовавшие стабильности хозяйственного развития, а в середине III тысячелетия наступил весьма холодный период [5, с. 43, 50]. Как пишет венгерский ученый П.Вереш, из-за ухудшения климата на Западно-Сибирской равнине началось интенсивное заболачивание, и параллельно с этим в значительной мере изменились границы географических зон [7].

Естественно, что в этих условиях в финно-угорских родах и племенах вновь возникла проблема «избыточного» населения, и усилилась миграционная подвижность жителей. Одни переселялись на запад, за Урал, где уже имелось родственные племена – в бассейн Камы, а также в верховья Вычегды и Печоры, а затем, возможно, и дальше – есть предположения, что какие-то группы финно-угров в III тыс. до н.э. дошли до Прибалтики и, в частности, появились на территории современной Эстонии [68, с. 79–80, 161–162; 35, с. 5]. На территорию Эстонии племена с финно-угорскими чертами могли прийти из более северных районов, с территории Финляндии или Карелии (как уже говорилось выше, есть предположение, что они появились там в 3300–3200 гг. до н.э.) вследствие похолодания середины III тыс. до н.э., вынудившего людей мигрировать в более южные районы.

Другая часть населения Западной Сибири пока оставалась на старом месте жительства – освободившись от «лишних ртов», древняя прародина еще могла обеспечить оставшихся продуктами питания, тем более что крупных биогеографических сдвигов, считают ученые, не произошло, поскольку период похолодания и увлажнения климата оказался непродолжительным – около 2200 г. до н.э. климат несколько изменился к лучшему (так называемая среднесуббореальная фаза потепления) [5, с. 48; 49, с. 194; 71, с. 163-164], в результате чего переселения за Урал, видимо, резко сократились, если не прекратились совсем. В итоге этих процессов началось постепенное обособление разделенных Уральскими горами финно-угорских племен на две ветви, контакты между которыми слабели. П.Вереш полагает даже, что финно-угорская общность во второй половине третьего тыс. до н.э. распалась, причем именно по природно-климатическим причинам, и в Зауралье между 2600–2100 гг. до н.э. сложилась угорская этнолингвистическая общность [7]. Другие исследователи, однако, датируют этот процесс существенно более поздним временем.

Вероятно, потепление климата в 2200 г. до н.э. и улучшение условий жизни способствовали и ослаблению интенсивности переселений «европейских» финно-угорских народов далее на запад, что может свидетельствовать в пользу мнения П.Хайду о том, что финно-угры жили тогда не западнее Волги и устья Камы [68, с. 161]. Это же потепление, полагаю, содействовало появлению в Прибалтике с юга балтских скотоводческих племен, что произошло, по мнению исследователей, как раз около 2200 г. до н.э. [35, с. 6]; возможно, в районах прежнего обитания балтов (на юге) началась засуха, а северные районы, напротив, в условиях более теплого климата стали вполне пригодными для ведения скотоводческого хозяйства.

На рубеже III и II тыс. до н.э. наступило новое (опять-таки не слишком продолжительное) похолодание. В Европе климат был весьма влажным [5, с. 42–43]. Аналогичные условия сложились и по обеим сторонам Урала. В очередной раз заявила о себе проблема «избыточного населения», решавшаяся, как и прежде, за счет миграций. Восточные (зауральские) финно-угры оказались к тому же перед лицом хозяйственного кризиса: на древней прародине леса в условиях влажного климата стали заболачиваться, подъем уровня воды в реках приводил к затоплению пойменных лугов – основной базы раннего скотоводства в лесной зоне [49, с. 196], и их обитатели в конце концов вынуждены были начать освоение иных земель и направились по рекам Ишим и Тобол на юг, где лесная полоса постепенно отвоевывала у степи новые территории. Там восточные финно-угры стали активно контактировать с жившими

южнее иранскими народами, что оказало влияние на их переход в дальнейшем к ведению производящего хозяйства [41, с. 43; 68, с. 191].

Археологи приводят свидетельства значительных переселений, происходивших в тот период и по другую сторону Урала. Жившие в европейской части племена финно-угров продвигались из ставших перенаселенными районов, в первую очередь, на запад, в бассейн Оки, и далее до Прибалтики, где они стали доминировать [35, с. 7; 74, с. 101]. По мнению П.Хайду, тогда же имели место и миграции в другом направлении – в более северные районы, на Вычегду и Печору, которые привлекали переселенцев относительным малолюдством и, вследствие этого, немалыми возможностями для охоты и рыболовства [68, с. 162]. Полагаю, однако, что – поскольку похолодание рубежа тысячелетий все же существенно препятствовало освоению северных районов – более вероятно некоторое отставание по времени переселений на север от миграций в западном направлении. Северные миграции (во всяком случае, относительно массовые), видимо, начались несколько позднее, после 2000 г. до н.э., когда началось потепление. И по мере улучшения климатических условий, приток населения на север увеличивался, достигнув, вероятно, пика к самой середине тысячелетия, поскольку около 1500 г. до н.э. климат и зимой и летом практически на всей территории нынешней России был теплее и суше [5, с. 49; 31, с. 32].

В последующее время (примерно между 1400 и 1300 гг. до н.э.) климат снова изменился к худшему. Похолодание и увлажнение климата привели к постепенному отступлению широколиственных лесов на юг и запад; их место занимала еловая тайга, в которой зверя и птицы водилось в полтора, а то и в два раза меньше [49, с. 194; 71, с. 163–164], и прокормиться в них было куда сложнее. Так что миграции в северные районы если и продолжались, то в меньших масштабах. Напротив, похолодание могло воздействовать на отток части населения с севера; возможно, именно тогда началось движение населения Северного Зауралья (которое ученые связывают с древними уральцами [62, с. 106]) в более южные районы Зауралья и смешение их в тех местах с северной частью угорских племен.

Вызванные климатическими изменениями и относительным перенаселением миграционные потоки, двигавшиеся в расходящихся направлениях (на юг, запад и север), привели на рубеже тысячелетий к распаду финно-угорской общности на две или даже три группы: угорскую, прафинно-волжскую и прапермскую (П.Хайду полагает, что прапермская и прафинно-волжская общности отделились друг от друга в середине II тыс. до н.э.) [68, с. 172, 199; 62, с. 105–106].

Конечно, учитывая разнонаправленность миграций финно-угорских племен в европейской части (одна группа расселялась на север, другая – на запад), значительную отдаленность одного осваивавшегося региона от другого, их заметное природно-климатическое отличие, а также вполне вероятные значительные этнокультурные различия между до-финноугорскими обитателями двух этих регионов, влившимися в конце концов в состав финноязычных пришельцев, резонно предположить, что прафинским народам сложно было сохранить языковую общность, так что разделение прапермской и прафинно-волжской общностей вряд ли особо отстало по времени от выделения угров. Однако, поскольку, как уже отмечал автор выше, миграции прафинских племен на север в силу климатических условий все же скорее всего отставали по времени от переселений на запад, то и различия между двумя группами прафинских (северной, прапермской, и южной или, точнее, юго-западной, прафинно-волжской) племен, возможно, более ярко проявились не на рубеже II и I тысячелетий, а ближе к середине II тыс. до н.э.

Как отмечает П.Вереш, сложные эколого-климатические условия последних веков II тыс. до н.э. сыграли важную роль в этнокультурной истории древних угров, живших в лесостепи Зауралья. В результате климатических изменений располагавшаяся на юге Западной Сибири территория их расселения подвергалась заболачиванию. К концу бронзового века в связи с ухудшением климата Западной Сибири, подчеркивает П.Вереш, в зауральских лесостепях сократилось поголовье рогатого скота и возросла доля лошадей, одновременно значительно увеличилась роль охоты. В результате, по мнению П.Вереша, уже около XII в. до н.э. начался процесс разделения древних угров, часть которых (будущие предки венгров) переселяется южнее, в степную зону; П.Вереш связывает с этой миграцией продвижение в степь племен черкаскульской археологической культуры между XII–X вв. до н.э. [7].

Конец II тысячелетия до н.э. принес очередное изменение климата и вызвал к жизни новый этап в истории финно-угров. Усилилось размежевание древнеугорских племен на мадьяр и обских угров. На юге Урала начались засухи, тайга отступила, и северные угры (будущие ханты и манси), пытаясь сохранить прежний комплексный экономический уклад (в котором, как говорилось выше, к этому времени значительно возросла роль охоты), решили уйти из засушливого региона на юге Урала и переселились на среднюю (и, возможно, нижнюю, как полагает П.Вереш) Обь. Южные угры (будущие мадьяры) остались в степях и приспособились вести в изменившихся условиях иной образ жизни, перейдя к кочевому скотоводству [7; 41, с. 45; 43, с. 14; 68, с. 196, 197].

Разумеется, это разделение произошло не спонтанно, различия в способах хозяйствования складывались в более ранний период, поскольку, как подчеркивает П.Хайду, и ранее приграничные со степью районы Зауралья (где жили южные угорские племена) были удобны для развития скотоводства [68, с. 193]. В связи с этим уместно вспомнить мысль Л.Н.Гумилева о том, что именно пограничные ландшафты оказывают огромное влияние на формирование новых этносов [14, с. 186–187]. То, что именно в этот период (к концу II тыс. до н.э.), по мнению П.Хайду, финно-угры достигли Белого моря [68, с. 163], очевидно, также следует связать с потеплением, способствовавшим освоению высоких широт.

В первые века I тыс. до н.э. температура понизилась, что стало особенно заметно в IX в. до н.э., когда наступил холодный субатлантический период с влажными ветренными зимами и преобладанием холодных летних сезонов [4; 5, с. 49, 50, 55]. Это естественным образом вновь привело к появлению относительно избыточного населения, интенсификации миграционных процессов. Полагаю, именно с этим можно связать наиболее интенсивное заселение прафинно-волжскими племенами ряда регионов, и в частности, Прибалтики, о чем пишет П.Хайду, называющий тот период «началом прибалтофинской эпохи», а также возможный распад прафинно-волжской общности на прибалтийско-финскую, прамордовскую и прамарийскую [68, с. 80; 62, 105–106; 49, с. 125].

Наступившее похолодание сказалось и на окончательном отдалении друг от друга угорских народов. Тайга продвинулась на юг, тесня лесостепь. В результате обские угры оказались полностью в таежной зоне, и им пришлось изменять свой хозяйственный уклад (перспектив для ведения животноводства в условиях сокращения возможностей для выпаса скота практически не оставалось). Свою роль сыграл, вероятно, и усилившийся приток на их территорию упоминавшихся уже переселенцев (возможно, древних уральцев) с севера, вынужденных из-за похолодания мигрировать в более благоприятные места обитания. В конце концов обские угры, перейдя к присваивающему хозяйству, забыли культуру коневодства. А правенгры, уходя от надвигавшейся тайги и следуя за отступающей степью, переселялись на юг, где усилились их контакты с иранцами. В итоге дороги праугорских народов разошлись окончательно, и к середине I тыс. до н.э. их общность полностью распалась [68, с. 196, 197; 41, с. 44, 45; 43, с. 15].

В самой середине I тыс. до н.э. климат несколько улучшился (впрочем, ненадолго). Возможно, с некоторым потеплением можно связать продвижение саамов в Финляндию и Скандинавию, о котором

пишет П.Хайду [68, с. 111], а также начало (или усиление) контактов прибалтийско-финских племен с балтскими – последние, возможно, под воздействием потеплевшего климата продвинулись севернее, где столкнулись с предками ливов и эстонцев. Во всяком случае, П.Хайду относил этот процесс как раз к середине I тыс. до н. э. [68, с. 80]. В эпоху потепления (VI–V вв. до н.э.), вероятно, на территории Карелии появились племена позднебеломорской (связанной с ананьинской историко-культурной общностью), а также позднекаргопольской (истоки которой – в Среднем Поволжье) культур [31, с. 45, 53].

Как уже говорилось, потепление климата оказалось недолгим, и вторая половина тысячелетия в целом, в особенности последние века оказались весьма холодными (в некоторых регионах – самими холодными в этом тысячелетии). Эти условия привели к кризисным явлениям в демографическом развитии финно-угорских народов: в Карелии и в Финляндии сократилась численность населения [36, с. 268]. С похолоданием же можно связать и начавшийся процесс распада прапермской языковой общности, которую исследователи связывают с памятниками ананьинской археологической культуры. В период похолодания, когда, пользуясь выражением археолога В.А.Оборина, в Приуралье происходило сосредоточение населения на более компактных территориях при сохранении внутри их племенных вариантов, ананьинская культура разделилась (во II в. до н.э.) на новые, одна из которых связана с предками удмуртов, а другая – гляденовская – с предками коми и коми-пермяков [32]. Территория расселения племен гляденовской культуры сократилась в сравнении с предшествовавшим периодом, что в условиях ухудшения климата и неудивительно. (Следует отметить, что разделение ананьинской археологической культуры на две части еще не означало окончательного распада прапермской языковой общности. Процесс расхождения языков продолжался еще несколько веков, а его завершение П.Хайду относит к VIII или IX вв. н.э. [68, с. 49, 173, 200]).

Вполне вероятно, на том же этапе (последние века н.э.) активизировались миграционные процессы из-за проблем с пастбищами (вследствие менявшегося ландшафта) и появления относительно избыточного населения у протомадьяр: есть предположение, что они уже в этот период появились на территории нынешней Башкирии, кочуя с иранскими племенами, хотя вероятнее, что это имело место в более позднее время [41, с. 45].

Отмечу, что тогда же значительное развитие, вероятно, получили миграции у обских угров – в связи с чем, видимо, и началось выделение прамансийского и прахантыйского языков из обско-угорской общности (П.Хайду датирует начало этого процесса именно последними веками

до н.э. [68, с. 36]), а также и у самодийцев, которые, по мнению П.Хайду, достигли Алтайского нагорья, явно стали контактировать с тюрками [68, с. 122]. Вполне вероятно, что эти переселения также были связаны с появлением относительно избыточного населения вследствие нехватки продуктов питания из-за ухудшившегося климата. Очевидно, эти интенсивные миграции стали шагом к распаду прасамодийской общности на северную и южную подгруппы. Завершился этот распад – равно как и разделение обско-угорских языков – позднее, когда климат стал снова меняться. П.Хайду относит распад самодийцев на северную и южную подгруппы и завершение разделения прахантыйского и прамансийского языков к первым векам нашей эры [68, с. 122].

Можно предположить, что это произошло вследствие климатических изменений. Климат в первой половине I тыс. н.э. оставался неустойчивым, потепления чередовались с похолоданиями; наблюдались и существенные региональные различия. Похолодания вызывали увлажненность почв, затопление пойм, заболачивание, ограничивая природные ресурсы и вынуждая население либо менять тип хозяйствования, либо мигрировать в более благоприятные южные регионы [66, 1994, с. 297; 12, с. 261]. Вероятно, эти процессы сказались на усилении миграционной активности обских угров и самодийцев. Но и частичные потепления также вызывали миграции, но уже обратной направленности, когда, с одной стороны, кочевые южные народы, следуя за отступавшими на север степями, стали теснить прасамодийцев (Л.Н.Гумилев писал, что, в частности, III в. н.э. был весьма засушлив для всей степной зоны Евразии, что вызвало значительные миграции хуннов [14, с. 200]); с другой стороны, более северные регионы Сибири становились приемлемее для обитания, и часть самодийцев и обских угров переселялась туда.

С вызванными колебаниями климата переселениями хуннов непосредственно связана, вполне возможно, и история протомадьяр. Л.Н.Гумилев предположил, что одна из ветвей хуннов, переселившаяся на запад в середине II в. н.э., «перемешалась с уграми Волго-Уральского междуречья и превратилась за 200 лет в восточно-европейский этнос, который... принято называть “гуннами”» [14, с. 218–219]. В связи с этим предположением уместно вспомнить о созвучии названий этих народов: Hungarus (венгры) и Hunni (хунны, гунны); как пишет П.Хайду, первая согласная в названии «Hungarus» заимствована у хуннов (гуннов) [68, с. 34]. Не исключено, что часть протомадьяр (или угров, как выразился Л.Н.Гумилев) могла действительно смешаться с хуннами. Остальные протомадьяры под давлением последних переселились в другой регион; вероятно, появление протомадьяр в Башкирии было связано именно с

этим и произошло, таким образом, не в конце I тыс. до н.э., а во второй половине IV – первой четверти V в. н.э., когда миграции хуннов (гуннов) особенно активизировались вследствие наступившей кульминации временного усыхания степей на западе [41, с. 45; 14, с. 200]. В конце IV в. одна из групп протомадьяр, уходя от напора хуннов, переселилась в Северное Прикамье (Кунгурскую лесостепь), оказав влияние на местные племена [12, с. 276–277].

Климатическая ситуация, меж тем, вызвала к жизни новую волну миграций, на сей раз тюркских народов. Под их влиянием протомадьяры либо, согласно одной из гипотез, опять-таки появляются на территории Башкирии (если не оказались там раньше) [41, с. 45], либо, наоборот (что представляется более вероятным), под влиянием тюрков постепенно уходят из Башкирии в южнорусские травянистые степи, а оттуда дальше на запад [68, с. 16, 196].

Вызванные климатическими изменениями миграции, вошедшие в историю как Великое переселение народов, сыграли свою роль и в этногенезе марийцев. Давление разноязыких кочевников, а также, вероятно, славянских (или славяно-германских) племен из Северного Причерноморья (черняховская археологическая культура), вторгавшихся в районы обитания прафинно-волжских народов и на соседние с ними территории в III и в конце IV вв., вызвало отход племен городецкой археологической культуры, живших на границе леса и лесостепи, на север – по Суре и Оке к Волге, затем в Поветлужье и на Большую Кокшагу. В приволжской части Окско-Сурского междуречья и в Поветлужье в последующее время (V–VII вв.) произошло формирование древних марийцев. Возможно, в этом процессе приняли некоторое участие переселившиеся на Большую и Малую Кокшаги с Вятки племена азалинской археологической культуры. Можно предположить, что обособление предков марийцев и родственной им мери (самые ранние мерянские памятники относятся к VI в.) также стало следствием Великого переселения народов [51, с. 166-186; 52, с. 202-203; 37, с. 43-54; 29, с. 10; 12, с. 261–277, 45, с. 26, 30, 36, 38].

Существенное значение имели переселения той эпохи и в этногенезе мордвы: исследователи отмечают миграции цнинско-мокшанских племен на территории расселения верхнесурской и окско-сурской мордвы, следствием которых стала значительная трансформация культуры местного населения. Видимо, и обособление мещеры и муромы от древнемордовских племен также явилось следствием бурных миграционных процессов той эпохи и распада городецкой общности [8, с. 126–127; 57, с. 86; 13, с. 117–118].

Не избежали воздействия миграционных процессов и праудмуртские племена. Выше уже говорилось о миграции протомадьяр в Прикамье в конце IV в. Появились здесь и древнеславянские племена, и еще одна группа угров из Зауралья (на рубеже VI–VII вв.). А древнеудмуртские племена, обитавшие в междуречье Уфы и Белой и в бассейне р. Тулвы, в результате массового притока иноязычных зауральских и южноуральских переселенцев, в VI–VII вв. были либо ассимилированы, либо вынуждены были отойти к северу и западу [12, с. 285, 289, 309]. Вероятно, с давлением пришлое населения связано заселение предками удмуртов верхнего течения р. Чепцы во второй половине V в. или на рубеже V–VI вв. [12, с. 364; 30, с. 208–209].

Даже в отдаленные районы европейского Северо-Востока в V–VI вв. вторглись группы скотоводческого населения, которые археологи связывают с южными кочевниками-скотоводами, возможно, добравшимися сюда из степей Южного Зауралья; этническая принадлежность их дискуссионна. Это могли быть племена, имевшие отношение к гуннскому союзу, угорские народы, тюрки или смешанные по составу переселенцы, которые, видимо, слились с коренными обитателями края, войдя в состав населения вновь возникавших объединений [32; 63, с. 39; 25].

По мнению археологов, с вторжением кочевников связано разделение единой общности предков коми и коми-пермяков на две разные. В VI–VII вв. в Прикамье образовалась ломоватовская археологическая культура, которая связывается с предками коми-пермяков. Упомянутые выше пришлые племена не сыграли в ее формировании ключевой роли. В.А.Оборин отмечает, что ломоватовская культура не имеет связи с тюрками [32]. В Вычегодском крае и на верхней Мезени складывается ванвиздинская археологическая культура, этническая принадлежность которой – один из наиболее дискуссионных аспектов проблемы происхождения коми [48; 58; 63; 61, с. 314–317]. Говоря коротко, можно, как представляется, отметить следующее. Во-первых, ванвиздинцы, бесспорно, сформировались в результате смешения целого ряда этнических групп с различной численностью и различным ареалом расселения на территории Европейского Северо-Востока. Во-вторых, не представляется возможным выделить какой-либо компонент, сыгравший бы определяющую роль в формировании населения на всей без исключения территории, занятой ванвиздинской культурой. В то же время в различных частях ванвиздинского ареала в указанном процессе на местном уровне могли доминировать различные этнические компоненты, в том числе и пермский (гляденовский); а то, что местное гляденовское население участвовало в сложении ванвиздинской культуры, несомненно. Большинство исследователей сходятся во мнении, что ванвиздинцы

говорили на одном из языков уральской семьи и, скорее всего, на одном из финно-пермских языков. Как отмечал, в частности, Л.Н.Жеребцов, «нет оснований выделять ванвиздинский период из круга финно-пермских культур и считать его привнесенным со стороны» [26].

На нижней Оби, Печоре и верхней Вычегде появились угры и самодийцы, двигавшиеся на север и северо-запад по мере потепления климата. О довольно позднем появлении самодийцев в полярных районах свидетельствуют языковые данные [62, с. 106; 1; 26; 27; 70; 72]. Это и логично – подобные миграции могли произойти лишь во время или, по крайней мере, в преддверии климатического оптимума. Аналогичным образом происходили, очевидно, и переселения обских угров.

«Великое переселение» непосредственно затронуло и южную часть расселения прибалтийско-финских племен. Так, исследователи отмечают вызванные переселениями народов военные столкновения, происходившие в середине I тыс. н. э. в Эстонии (где, замечу в скобках, жители занимаются земледелием, переход к которому был вполне логичен в менявшихся климатических условиях) [35, с. 7]. Может быть, с этим связан отток части населения из Восточной Эстонии в IV–VII вв. в Ингерманландию [46, с. 187]. Быть может, с «великим переселением народов» связано и начало процесса распада прибалтийско-финской общности, имевшего место, по мнению ряда исследователей, в VI–VIII вв. [68, с. 91]; на лингвистической карте Европы появились предки ливов, эстонцев, ижоры, вепсов, карел и финнов.

Великое переселение не затронуло разве что территории нынешних Карелии и Финляндии, куда волна степняков, очевидно, не дотянулась. Но и здесь переселения происходили довольно активно. Постепенное потепление климата благотворно сказалось на развитии хозяйства и демографических процессах. Уже в первой половине I тыс. н.э. стало расти население, создавались новые поселения, расширялась заселенная территория. Предки финнов, вепсов и карел постепенно переселялись на север, становившийся все более благоприятным для жизни. Освоившиеся там ранее саамы отступали севернее. По мере потепления, более успешного развития хозяйства, роста населения ширилась миграционная активность, увеличивалась заселенная прибалтийско-финскими племенами территория. Заселив Карельский перешеек, Прионежье, они все более интенсивно проникали на территорию Финляндии, продвигались в сторону Кольского полуострова и Белого моря [36, с. 269; 68, с. 92, 111].

Дальнейшие климатические изменения привели к малому климатическому оптимуму VIII–XIII вв., сыгравшему весьма важную (в ряде случаев – ключевую) роль в истории финно-угорских – да и не только

финно-угорских – народов. Уместно вспомнить, что Л.Н.Гумилев именно к рубежу тысячелетий относил период нового подъема деятельности человека и образования средневековых этносов [14, с. 209].

В самом начале климатического оптимума, как уже было сказано выше, завершился распад прибалтийско-финской и пермской общностей. Во время климатического оптимума завершилось заселение Карелии (заключительной датой этого процесса исследователи считают XII век), в Приладожье появляется (в XI–XII вв.) сельскохозяйственное производство, что способствовало росту численности населения [68, с. 95; 31, с. 63, 67]. Активно шло и заселение Финляндии, происходившее уже не за счет притока переселенцев извне (этот процесс закончился, по мнению П.Хайду, примерно в VIII в. [68, с. 92], т.е. опять-таки в начале оптимума), а за счет прироста местного населения, что стало возможным в благоприятных климатических условиях. А в XI–XII вв. в ходе миграций и смешивания населения формируется финский язык [68, с. 91]. Во второй половине I тыс. н.э. возросла плотность населения Эстонии [35, с. 7].

Аналогичные процессы происходили в этот же период и в других регионах. Так, переход мордвы к пашенному земледелию [55] также позволил получать больше продуктов питания и способствовал росту числа жителей. Увеличивалась и численность марийцев. Обские угры и самодийцы в этот период, очевидно, окончательно осваиваются в Северном При- и Зауралье. Обские угры (и, в частности, вогулы, т.е. древние манси) в XII в. все более активно обживают берега Вычегды, тесня обитавших там древних коми [15; 26; 27; 70; 72]. По данным археологов, древние коми обитали в районе современных Сторожевска и Пезмога в XII в., а затем были вытеснены оттуда вогулами [42, с. 139–191]. Возможно, в это время имел место какой-то приток обско-угорских племен в Вычегодский край.

Одна из групп угорских переселенцев, видимо, смогла продвинуться существенно ниже по Вычегде (в районе между устьями Сысолы и Выми коми поселений не было еще долгое время, да и нижняя Вычегда была заселена значительно слабее, чем Вымь, где в XII–XIII вв. сосредотачивалась основная часть древних коми), вплоть до устья Яренги. На нижней Вычегде в районе Яренска имеются названия с окончанием на «-луг (-лук)» (Базлуг, Казлук, Матлуг и Морготлуг), связанные с речными старицами (курьями). По предположению лингвиста Б.А.Серебренникова, в тех местах в древности была какая-то колония обских угров, близких по языку к хантам [67, с. 5]. Учитывая, что, с одной стороны, как уже говорилось, в XII в. коми еще жили на верхней Вычегде и ушли оттуда позднее, а с другой – что во второй половине XIV в. ниж-

ную Вычегду населяли только пермяне (ни о каких вогулах или иных народах, живших в этом районе, документы не сообщают), переселение вогулов на нижнюю Вычегду в район Яренска, видимо, могло произойти после XII и до XIV в. – в XIII столетии. А в последующее время, в конце XIII – середине XIV вв. обитатели названного района либо ушли на верхнюю Вычегду под давлением древних коми, чья численность на нижней Вычегде постепенно увеличивалась, либо (что, на наш взгляд, менее вероятно) смешались с пермянами. Впрочем, это, разумеется, всего лишь гипотеза, требующая дальнейшего рассмотрения.

Венгры были застигнуты потеплением, очевидно, в травянистых степях, куда ушли с территории Башкирии [68, с. 196]. Вновь, как двумя тысячелетиями раньше, им пришлось уходить с обжитых мест из-за аридизации и постепенного изменения ландшафта. Полагаю, эстонский ученый Х.Сарв в докладе на III Международном историческом конгрессе финно-угроведов (Йошкар-Ола, октябрь 2003 г.) вполне справедливо связал переселение мадьяр на территорию современной Венгрии именно с малым климатическим оптимумом. В IX в. мадьяры были уже в Задунавье, где, как отмечали исследователи, географические условия территории весьма благоприятны для продолжения занятий скотоводством и развития земледелия [43, с. 15].

В тот же период, в IX в., на верхней Каме и ее притоках сложилась родановская археологическая культура, принадлежавшая предкам коми-пермяков. Помимо ломоватовцев, сыгравших основную роль в возникновении родановской культуры, некоторое участие в формировании родановцев приняли небольшие группы обско-угорского и ненецкого населения, приходившие в Прикамье из Северного Зауралья и предгорий Северного Урала. С верховьев р.Чепцы в верховья Камы и в верховья Иньвы и Обвы переселялись удмурты, ассимилированные затем коми-пермяками. Кроме того, в состав северных родановских племен вошли и выходцы из Вычегодского края – вначале ванвиздинцы, появившиеся в Северном Прикамье в VII–IX вв., а затем, с рубежа I–II тысячелетий – древние коми-зыряне (пермь вычегодская) [32]. Особенно значительным было участие переселенцев из бассейна Вычегды (и конкретно с р.Сысолы) в формировании зюздинских коми-пермяков на верхней Каме. Некоторое время Верхокамье и Верхняя Сысола составляли одну административно-территориальную единицу [24]. Ряд исследователей говорит о близости верхнесысольских коми и верхнекамских коми-пермяков. Об этом свидетельствуют, в частности, данные языкознания (большое сходство между диалектами, на которых говорят верхнесысольцы и зюздинцы) [26; 28]. Наконец, в состав коми-пермяков вошел и определенный славянский компонент.

Малый климатический оптимум VIII–XIII вв. оказал непосредственное влияние и на складывание предков древних коми (зырян) – археологической культуры перми вычегодской. Отмечу, что проблема ее происхождения по-прежнему является дискуссионной. Согласно одному мнению (выдвинутому археологом В.И.Канивцом и развитому и наиболее последовательно отстаиваемому археологом Э.А.Савельевой), эта культура (называемая также вымской) сформировалась на основе древнекоми ванвиздинской культуры и генетически связана с ней; пермяне вычегодские (древние коми-зыряне) являются, таким образом, автохтонным населением Вычегодского бассейна. Данная точка зрения отрицает какие-либо значительные перемещения населения из Прикамья в Коми край и участие камских переселенцев в формировании пермян вычегодских как не подтвержденные археологическими материалами [25; 58–63].

Вторая точка зрения, напротив, предполагает ведущую роль переселенцев из Прикамья в формировании культуры перми вычегодской. Местное ванвиздинское население (не древнекоми, но родственное ему западно-финское, угорское или какое-либо иное) было ассимилировано переселенцами. Определенное участие в сложении пермян вычегодских группы славяно-русского и волжско-финского населения также не отрицается. Языковеды В.И.Лыткин и В.А.Ляшев ссылались при этом на лингвистические данные. Археологи Г.М.Буров и А.М.Мурьгин обращают внимание на археологические данные, говорящие, по их мнению, о такой близости перми вычегодской и родановской культуры по ряду признаков, которую можно объяснить лишь переселениями раннеродановского населения в бассейн Вычегды. Этнографы Л.П.Лашук и Н.Д.Конаков в подтверждение этой же точки зрения указывают на резкую смену хозяйственно-культурного типа населения Вычегодского бассейна на рубеже I и II тысячелетий н.э. [6; 43; 44; 47; 48].

Как представляется, истина должна быть где-то посередине между двумя этими воззрениями. (В этом плане представляются весьма перспективными изучение археологом Н.Н.Балиной локальных вариантов ванвиздинской и вычегодской культур, Т.В.Истоминой – сысольских памятников перми вычегодской, ряд наблюдений К.С.Королева в отношении средневековых средневычегодских памятников). Можно предложить следующую гипотезу. Вероятно, в формировании древних коми участвовали две основные этнические группы – как местное ванвиздинское население, так и переселенцы из Прикамья (причем обе эти группы были родственными между собой), но роль их в сложении пермян в разных районах края была неодинакова. На Выми и нижней Вычегде, очевидно, главным элементом стали ванвиздинцы, а на Сыsole и, быть

может, верхней Вычегде, наоборот, сильнее было влияние переселенцев из Прикамья (по крайней мере, последние исследования археологов позволяют говорить о весьма тесных связях сысольцев с Прикамьем). В сложении прилузских коми (в Прилузье, кстати, до сих пор не найдено ванвиздинских археологических памятников) свою роль сыграли также группы прибалтийско-финского и волжско-финского населения.

Еще раз подчеркну, что «рождение» коми народа стало, можно сказать, в известном смысле следствием климатических изменений. Ведь переселения из Прикамья на территорию современной Республики Коми начались, вероятно, еще в VIII в., когда потеплевший климат сделал природные условия Севера более пригодными для живших южнее земледельцев и животноводов (замечу в скобках, что развитие земледелия и животноводства в Вычегодском крае, на территории, заселенной ранее ванвиздинцами, стимулировалось не только перениманием опыта пришельцев-южан, но и самими климатическими изменениями, позволившими «бывшим ванвиздинцам», становившимся в той или иной мере пермью вычегодской, получать от производящих форм хозяйства куда большую отдачу, чем это было бы возможно ранее). Безусловно, эти переселения являлись не единым актом, произошедшим в течение относительно короткого отрезка времени. Это был длительный процесс, занявший не одно столетие, состоявший, вероятно, из нескольких этапов или миграционных волн, причем миграции шли, видимо, не на дальние расстояния, не сразу с Камы на Вычегду, а постепенно, с освоением промежуточных территорий. Такого мнения придерживался, в частности, Л.Н.Жеребцов [26].

Малый климатический оптимум приносил финно-уграм отнюдь не только благо, но и немалые проблемы, связанные с тем, что территории их обитания стали, во-первых, более привлекательными для населения более южных районов, а во-вторых, более доступными, поскольку плавать по главным для той эпохи морским и речным путям стало куда проще. Так, вследствие благоприятной ледовой обстановки в северных морях во второй половине I тыс. н.э. и особенно в IX–X вв. оживились морские набеги скандинавов на восточное побережье Балтики и, в частности, на территорию Эстонии [3, с. 28; 35, с. 10; 74, с. 102]. Имели место и набеги викингов на север нынешней России, в так называемую Биармию, населенную, очевидно, финно-угорскими народами, которая, как полагают многие исследователи, располагалась на Северной Двине или еще дальше к западу, вплоть до Кольского полуострова или Карелии. А в 1100 г. начался «период крестовых походов» шведов в восточную Прибалтику [36, с. 269].

Не отставали от скандинавов и русские властители: с X в. начались походы в Эстонию киевских князей, с XI в. – новгородцев [35, с. 11]. Уже по крайней мере в XI в. Новгородская республика предпринимает шаги по установлению контроля и над территориями обитания финно-угорских народов Севера. В «Повести временных лет», составленной в XII в. и включившей в себя более ранние летописи XI столетия, упоминаются жившие на северо-востоке Европы народы «пермь» и «печера», которые «дань дают Руси» (и конкретно Новгороду). В 1032 г., согласно тому же документу, состоялся неудачный поход новгородского воеводы Улеба «на Железные врата» (возможно, к Уралу). В 1096 г. был предпринят поход новгородцев, отправленных Гюрятой (Георгием) Роговичем, на Печору за данью и в Югру (Зауралье). Еще один известный поход новгородцев на Северо-Восток состоялся в 1114 г. Как подчеркивает исследователь истории климата Е.П.Борисенков, в период потепления в X в. новгородцы вышли на берег Русской Арктики, а в 1132 г. ходили к Железным воротам, (под которыми, предположил ученый, подразумеваются Карские ворота), что указывает на сравнительно благоприятные ледовые условия в XII в. [3, с. 28]. А в XII в. между Швецией и Новгородом началась борьба за господство в Финляндии и Карелии [73, с. 42].

Вслед за воеводами двигались и крестьяне. Уже в VI–VIII вв. славяне начали проникать в южную Ингерманландию, в X в. их приток в Ингерманландию стал более массовым [46, с. 188]. В XI в. русские жители появились в Приладожье [ИК, с. 66], в XI – начале XII вв. в западной части бассейна Северной Двины (низовья Северной Двины, верхняя Сухона), а в XII в. – и на землях древних коми, живших тогда значительно западнее нынешней территории их расселения. Э.А.Савельева считает XII столетие началом периода активной древнерусской колонизации европейского Северо-Востока, с которой связано, в частности, появление древнерусских городищ на нижней Вычегде и Выми [60; 62]. Но если в Вычегодско-Вымском крае возникновение городищ не сопровождалось массовыми крестьянскими переселениями, то в более западной части территории расселения древних коми (пермян вычегодских) складывалась иная ситуация. Продвигавшиеся туда новгородцы и суздальцы основали ряд населенных пунктов на Северной Двине, Ваге, Сухоне, Юге и других реках. Особенно большое значение имело основание в конце XII – начале XIII вв. Гледеня и Устюга, сыгравших огромную роль в присоединении к Русскому государству земель по Малой Северной Двине, Югу, нижней Сухоне (где могли жить пермяне), Лузе и низовьям Вычегды, где, несомненно, имелось древнекоми население. Гледень, а затем Устюг стали опорными пунктами, вокруг кото-

рых началась русская земледельческая колонизация, со временем охватившая все вышеназванные районы.

В XIII в. приток переселенцев в бассейн Северной Двины из русских княжеств возрос вследствие разорения последних из-за монголо-татарского нашествия (интересно, что скандинавские саги упоминают о том, что от татар пострадали даже «биармийцы», многие из которых бежали к викингам, прося у них помощи). Возможно, именно вследствие усиления притока русских переселенцев жившие на Северной Двине и ее западных притоках пермяне и представители других финно-угорских этносов были, за небольшими исключениями, ассимилированы. Некоторая часть древних коми могла отойти в районы, расположенные севернее территории первоначального расселения – в частности, на Вашку и Пинегу.

Проникновение русских в Прикамье и, в частности, в районы расселения древних коми-пермяков, началось на исходе XII в. В конце XII в. суздальцы создают первые опорные пункты на северных подступах к Уралу, стремясь сдержать проникновение новгородцев. В свою очередь в конце XII – начале XIII вв. на Вятке появился ряд новгородских укрепленных городков. Миграция русских в Приуралье усилилось в XIII–XIV вв. Часть русских переселенцев оседала в коми-пермяцких населенных пунктах, входила в состав их соседских общин [32; 53]. Наибольшее давление славян испытали меря, мурома и мещера, которые в конечном итоге были ассимилированы [13; 45; 57]. Жившие в более отдаленном регионе мордва и мари избежали подобной участи.

Скандинавы и славяне были не единственными европейскими народами, представлявшими тогда естественную угрозу для финно-угров. С юга на земли прибалтийских финно-угров двигались немецкие феодалы. Движение немцев на восток началось еще в VIII в., но лишь к 60–70-м гг. XII в. они вышли к границам Польши и Литвы, а в 1208 г. состоялся первый поход немцев в южную Эстонию; за ним последовали и другие. В наибольшей мере испытали на себе последствия немецкой экспансии ливы [11, с. 147; 35, с. 10, 11, 12; 74, с. 103]. Немало немцев обращало взор и на Венгрию, которая и в XI–XII вв. несмотря на прирост населения (страна не знала голода, зерно было дешевле, чем в Западной Европе) оставалась относительно малолюдной. Однако здесь колонизация шла мирным путем (должно быть, страх перед венгерскими стрелами еще не был изжит), да и места на окраинах страны было в изобилии, тем более что земледелие у венгров еще не играло видной роли в хозяйстве [41, с. 86]

Продвижение сразу трех мощных военно-политических сил на территории финно-угорских народов, оказавшееся для абсолютного боль-

шинства их (кроме венгров) едва ли не катастрофическим и приведшее к тому, что ни один из финно-угорских народов (кроме опять-таки венгров) не создал своего национально-государственного образования вплоть до XX в., было вызвано, естественно, не случайным совпадением по времени, а тем, что скандинавы, немцы, русские (славяне) в этот период (примерно с VIII в.) проходили один цикл развития. В связи с этим уместно, во-первых, вспомнить о приводившемся уже высказывании Л.Н.Гумилева относительно периода нового подъема деятельности людей и формирования этносов на рубеже тысячелетий, связав это, в частности, и с развитием (подъемом) государств.

Во-вторых, еще более уместным представляется вспомнить о теории демографических циклов, в соответствии с которой история человеческого общества, конкретных цивилизаций и государств состоит из повторяющихся демографических циклов. Каждый цикл включает два периода длиной от нескольких десятилетий до одного или даже более столетий: период внутренней колонизации (называемый также периодом восстановления), для которого характерны рост населения, освоение новых земель, внутривнутриполитическая стабильность, относительно высокий уровень потребления основной массы населения и др., и в целом – низкий уровень так называемого «демографического давления»; и период сжатия, суть которого в замедлении или прекращении роста населения, упадке сельских поселений, низком уровне потребления основной массы, политической нестабильности и некоторых других явлениях, характеризующихся в целом как высокий уровень «демографического давления», приводящий, как правило, к этносоциальному кризису и даже демографической катастрофе [50, с. 19].

Эта в целом весьма интересная теория, достаточно обоснованная рядом зарубежных и отечественных ученых (особо отмечу работу С.А.Нефедова [50]), вполне применима и к анализу интересующих нас вопросов. Правда, она нуждается, на мой взгляд, в определенном развитии, причем довольно значимом, а именно в сопоставлении демографических циклов с изменениями климата, колебания которого, как уже неоднократно говорилось, вызывают к жизни значительные перемены в хозяйственной деятельности, уровне потребления и, соответственно, в конечном итоге, пользуясь терминологией теории демографических циклов, в уровне демографического давления. Таким образом, с моей точки зрения, как раз климатическими изменениями и определяются демографические циклы. Ситуация с демографическим циклом, приходившимся в Европе на период климатического оптимума и последующее время, довольно ярко об этом свидетельствует.

Исследователи отмечали, что в Западной Европе, в частности, в XI–XIII вв. имело место увеличение численности населения, сопровождавшееся расширением посевных площадей, экономическим ростом, приобретением все нового «жизненного пространства» и т.п. [50, с. 8], т.е. по крайней мере с начала II тысячелетия (а вполне вероятно, еще с VIII в., с начала климатического оптимума, максимум которого, по мнению Е.П.Борисенкова, в Европе пришелся, вероятно, на 1200–1250 гг. [3, с. 25]) западноевропейские страны, а также и русские княжества переживали первый период такого демографического цикла – период внутренней колонизации (или, как писал Л.Н.Гумилев, подъема этносов).

В последующее время ситуация стала меняться. Климатический оптимум завершился, и в XIV в. маятник природы качнулся в обратную сторону: началось постепенное похолодание. И именно тогда начался второй период демографического цикла в западноевропейских странах – период сжатия. Западные ученые указывали, что рост численности населения в Германии в XII–XIV вв. привел к исчерпанию ресурсов пахотных земель; продолжавшийся демографический рост привел к перенаселению, к измельчанию крестьянских наделов, росту числа безземельных крестьян, падению реальной заработной платы, нехватке продовольствия, росту цен на зерно, голоду и высокой смертности населения, народным бунтам. А пандемия чумы («Черная смерть») 1347–1353 гг. в этих условиях (даже не считая «рецидивов» 1361 и 1369 гг.) привела к гибели около половины ослабшего от голодовок населения Европы. Этот «кризис XIV века» рассматривается как демографическая катастрофа, завершившая демографический цикл [50, с. 7, 8].

В связи с этим остается добавить, во-первых, что голод вызывался неурожаями, которые повторялись год от года (исследователи и сами отмечают, что голодные годы в тот период стали учащаться, и в 1310-х гг. вся Европа была охвачена страшным голодом). А участвовавшие и усиливавшиеся неурожаи как раз и стали следствием усилившейся в период перехода от климатического оптимума к климатическому минимуму внутрисезонной изменчивости климата с присущими ей такими климатическими экстремумами, как засухи, наводнения, тайфуны и др., на что указывает Е.П.Борисенков, отмечающий, что потепление прекратилось в Европе примерно в начале XIV в. [3, с. 25], как раз накануне неурожая 1310-х гг.

Во-вторых, исследователи справедливо объясняют, что опустошительное действие «Черной смерти» объяснялось тем, что она обрушилась на население, ослабленное постоянными голодовками [50, с. 8]. Однако можно ли только изнуренностью населения объяснить возникновение

пандемии? Ведь ничуть не менее и даже куда более жестокие неурожаи и голод имели место в 1640-х и 1690-х гг. в Европе едва ли не повсеместно, однако же эпидемии чумы в тот период отнюдь не приобретали характер пандемии. Очевидно, сам период таил в себе какие-то условия, способствовавшие возникновению и развитию пандемии. И этими условиями могли быть как раз изменения климата. Случайно ли пандемия возникла именно в переходный период от теплого к холодному климату? Может быть, изменившиеся условия стали более благоприятными для развития чумных микробов?

Известно, что сезонная изменчивость климатических условий влияет на возникновение и распространение разнообразных вирусных заболеваний, что многие вирусы и иные возбудители болезней могут развиваться и размножаться только при определенных климатических условиях [3, с. 84, 101]. Естественно, что и на микроорганизмы, микробы климатические условия оказывают воздействие. Можно ли объяснить случайным совпадением, что за два тысячелетия нашей эры известны три пандемии чумы – VI («Юстинианова Чума»), XIII (упоминавшаяся «Черная смерть») и конца XIX вв. (которая, к счастью, не имела столь катастрофических последствий благодаря развитию медицины) [2, т. 29, с. 258], и все они приходятся именно на переходные климатические периоды – от холодного на рубеже эр к климатическому оптимуму рубежа I и II тысячелетий, от климатического оптимума к малому ледниковому периоду (пик которого пришелся на конец XVI–XVII вв.) и, наконец, назад от холодного периода, окончательно завершившегося в XIX в., к новому потеплению XX в. Три переходных сезона с их климатической изменчивостью, три пандемии чумы... Впрочем, спешу на всякий случай принести извинения специалистам – разумеется, это не более чем наивная гипотеза дилетанта.

Финно-угорские народы, стоит это отметить, пандемия чумы затронула, видимо, в меньшей степени. Во всяком случае, Венгрию она обошла стороной (вероятно, из-за малолюдности, обширных незаселенных пространств) [41, с. 113]; нет никаких сведений о проявлениях свирепствовавшей по всей Европе «Черной смерти» в Финляндии [73, с. 46], Карелии, Коми и других финно-угорских регионах. Пожалуй, последствия начавшихся перемен климата тяжелее других отразились лишь на населении Эстонии. Вероятно, бунты местного населения в 1343–1345 гг. (вошедшие в историю как «Восстание Юрьевой ночи») были вызваны не только (и, быть может, даже не столько) тяжестью повинностей, произволом и национальным гнетом властей, как традиционно объяснялось [35, с. 16; 74, с. 104–105; 2, т. 30, с. 420], но и наложением всего этого на вызванные упоминавшейся уже сезонной

изменчивостью климата неурожаи и вызванный ими голод. Во всяком случае, Е.П.Борисенков и В.М.Пасецкий приводят данные о целой серии стихийных бедствий, имевших место в конце 1330-х и первой половине 1340-х гг. и отраженных в русских летописях [4, с. 88–92]. Вполне вероятно, что эти бедствия (или, по крайней мере, часть их) захватили и Эстонию.

Венгрия, где земледелие в XIV в., видимо, уже заняло весьма важное место в хозяйстве, была, возможно, также затронута неурожаями и голодом; во всяком случае, во второй половине XIV в. стоимость рабочей силы там возросла, так что, очевидно, ощущалась ее нехватка [41, с. 122]. Впрочем, возможно, дело в относительной малонаселенности страны и в том, что земледелие как раз переживало здесь период быстрого развития, конкурируя с традиционно развитым животноводством.

У северных финно-угров земледелие еще не играло в XIV в. доминирующей роли, так что неурожаи для них не могли иметь катастрофических последствий. В Финляндии в это время население быстро росло, вследствие чего произошло сплошное заселение Южной Финляндии и побережья Похьянмаа (Эстерботния). Карелы обживали северные и некоторые другие, незаселенные ранее районы. В целом в этом регионе за неполный XIV в., отмечает Э.Ютиккала, заселение охватило территорию более обширную, чем за предшествующее тысячелетие [73, с. 46; 54, с. 59]. Росло население Коми и Коми-Пермяцкого края.

В том же XIV в. усилился приток русских крестьян в Восточную Карелию [31, с. 74] и западные районы Коми (на нижнюю Вычегду, нижнюю Лузу); даже в самом центре Коми края, близ устья Выми, возникло русское поселение – Усть-Вымский городок. В XIV – начале XV вв. появилось оседлое русское население на свободных землях Верхнего Прикамья. В XV в. процесс русской колонизации региона от Ингерманландии и Карелии до Коми края и Верхнего Прикамья продолжался и даже усиливался. Наибольшее число переселенцев оседало в Подвинье, постепенно превращавшемся из финно-угорского в Русский Север. В других районах финно-угорские народы продолжали доминировать. В Ингерманландии, например, в конце XV в. количество русских еще значительно уступало финноязычному населению [46, с. 188]. Несмотря на некоторое сокращение территории расселения, абсолютная численность коми и других северных финно-угров в XV в. продолжала увеличиваться.

Даже в первой половине XVI в., несмотря на вполне явственно проявившееся похолодание климата, население еще продолжало расти. Исследователи отмечают, в частности, прирост числа жителей Карелии в этот период [54, с. 80; 31, с. 136]; возросло и количество обитателей

Коми [24; 25]. По мере увеличения численности населения возникли проблемы: требовалось добывать все больше зверя, птицы, рыбы. Нужны были новые охотничьи и рыболовные угодья, а вблизи селений найти их было уже очень трудно. В конце концов, в старожильческих районах не осталось свободных промысловых угодий. Охотники в поисках добычи вынуждены были уходить все дальше и дальше от дома. Начался перепромысел зверей: их становилось все меньше.

В этих условиях все большее значение в хозяйстве карел и коми приобретало земледелие и животноводство, к которому они приноровились в период климатического оптимума. Правда, у карел земледелие приобрело доминирующее значение, вероятно, лишь к середине XV в. [31, с. 69], а у коми и того позже. Даже в начале XVI в., по слова польского историка той эпохи М.Меховского, в Пермской (Коми) земле, Карелии и Югре «не пашут, не сеют, не имеют ни хлеба, ни денег, питаются лесной дичью, которая у них водится в изобилии, и пьют только воду» [64]; правда, в трудах западных авторов излагались, как правило, сведения, относившиеся к существенно более раннему времени – информация, передававшаяся «из уст в уста», запаздывала на десятилетия. В первой половине XVI в. земледелие играло важное место в хозяйстве жителей Карелии и Коми, став во многих районах (особенно южных) ведущим источником пропитания. (Замечу в скобках о примечательном совпадении – в далекой Венгрии именно в XVI в. также наблюдался, по выражению историка Л.Контлера, «сельскохозяйственный бум» [41, с. 174]).

Но в середине столетия ситуация изменилась. Удобные для земледелия площади по берегам рек в заселенных районах довольно скоро оказались заняты (например, в Карелии из возделывавшейся в конце XVII в. пашни 90% были освоены к середине XVI в., а за последующее столетие удалось вовлечь в сельхозоборот лишь 10%) [31, с. 148]. Нужно было расчищать пашню в лесах, однако несовершенство существовавших орудий труда делало такие расчистки слишком трудоемкими. Земли перестало хватать, у коми и карел начался «земельный голод». Ощущался и недостаток сенокосных угодий, необходимых для содержания скота. Трудности в сельском хозяйстве усугублялись изменениями в климате. Наступил так называемый малый ледниковый период. Если первые десятилетия XVI в. были еще относительно если не благоприятными, то, по крайней мере, терпимыми, то затем резко возросло количество экстремальных природных явлений. Температура понизилась, частыми явлениями стали различные стихийные бедствия (ранние заморозки, засухи или чрезмерно обильные дожди, град и т.п.) [5, с. 189]. Это приводило к неурожаям, подрывавшим хозяйство крестьянина, вызывавшим голод и высокую смертность населения. К тому же по мере

похолодания климата тайга стала наступать на и без того немногочисленные открытые пространства, луга зарастали или в условиях повышенной увлажненности заболачивались.

В поисках новых промысловых и сенокосных угодий и пахотных земель люди обращали взоры к соседним оставшимся еще необжитыми или слабозаселенными районам. В Карелии жители мигрировали на восток, на Олонецкую равнину и к Онежскому озеру, и на север, в Лопские погосты и к Белому морю. Эти переселения, происходившие еще в конце XV в., значительно усилились в XVI столетии [31, с. 116–117, 139, 143]. Переселения коми на восток и север поначалу препятствовали враждебные отношения с обским уграми (вогулами) и самодийцами (самодью), а переселения на юг (в частности, на Летку) – с русскими (вятичами). Но «вогульская» и «самодийская» проблемы в XVI в. решились сами собой: обские угры откочевали с верховьев Вычегды и Печоры за Урал, а ненцы, вероятно, перестали посещать верхнюю Мезень и среднюю Ижму. Можно предположить, что эти события были связаны с упоминавшимися выше воздействиями климатических изменений на некоторые ландшафтные изменения, вследствие которых для кочевых угро-самодийских народов перечисленные районы перестали представлять интерес. Вследствие этого коми получили возможность в середине и второй половине XVI в. начать освоение верхней Мезени, Ижмы, района близ впадения Сысолы в Вычегду (где появилась нынешняя столица Коми Сыктывкар) и двигаться дальше вверх по Вычегде. Однако такие переселения относительно избыточного населения могли принести лишь временное облегчение.

Дополнительные трудности для этнодемографического развития вызывал и продолжавшийся приток на финно-угорские земли русских крестьян. Если в более плодородной Венгрии, где в XVI в. также имела место значительная иммиграция славян, это процесс не имел сколь-либо существенных негативных последствий для венгерского населения, имевшего свою государственность [41, с. 203], то на севере с его скудными почвами появление многочисленных иноязычных переселенцев с иным культурно-бытовым и хозяйственным укладом независимо от чьего-либо желания создавало как для традиционного местного охотничье-рыболовецкого хозяйства, так и для производящих отраслей хозяйства (возникла естественная конкуренция за угодья). В конце XV–XVI вв. после освоения нижней и средней Мезени и низовьев Вашки русские появились в низовьях Печоры, населенных самодийцами, где возникли Пустозерский городок и Усть-Цильма. В этот же период русские стали большинством населения на Пинеге и нижней Вычегде – до р.Яренги и деревни Межог (на нижней Вычегде коми, однако, жили еще и в

XVII в.). Переселения вызывались социально-экономическими изменениями, происходившими в Русском государстве. Во-первых, росло крупное землевладение, что сопровождалось усилением крепостничества, когда вместе с укреплением феодального способа производства и ростом крепостнических отношений все более массовые масштабы принимало бегство крестьян из центральных районов страны на Север. Кроме того, на восток стали переселяться жители ранее освоенного Подвинья, где начала ощущаться нехватка пахотных земель [38, с. 79; 39, с. 233, 237]. Если бы переселения русских крестьян на европейский Северо-Восток продолжались в больших размерах и далее, то коми и карелы, скорее всего, разделили бы судьбу финно-угорских племен Подвинья, ассимилированных пришельцами так же, как когда-то ранее финно-угры ассимилировали обитавшие тут до них племена.

Однако похолодание климата сделало земли карел и коми с их скудными северными почвами далеко не столь привлекательной для русских земледельцев, как в предшествовавшие столетия. Поэтому, когда под ударами «государевых ратей» пали Казанское, Астраханское и Сибирское ханства и перед русскими крестьянами открылись просторы Поволжья, Приуралья, Сибири, то тысячи переселенцев устремились на эти территории и, в частности, на земли марийцев и мордвы. Исследователи отмечают значительный приток русских в Марийский и Мордовский края во второй половине XVI в. Так, из 92 селений Арзамасского уезда конца XVI в. только 46 оставались чисто мордовским, во всех остальных наличествовали и русские жители [56, с.102-103, 55, с. 71, 84, 110]. Разумеется, и Карелии и Коми продолжали появляться русские переселенцы. Так, часть русских мигрантов с Подвинья, проходя через Коми край, задерживалась здесь. Но массовый приток переселенцев на этническую территорию коми и карел прекратился, а имевшие место в конце XVI–XVII вв. миграции уже не оказывали былого воздействия на развитие карельского и коми этносов. Именно с прекращением массовых миграций русских на территорию Коми края следует, в частности, связать стабилизацию западной границы этнической территории коми в конце XVI – начале XVII вв., о которой писал видный ученый Л.Н.Жеребцов [26]. В последней четверти XVII в. в Сибири насчитывалось около 130 тысяч переселенцев из европейской России, примерно две трети которых проживали в самом западном Тобольском регионе, по соседству с Коми краем [9; 10]. Что было бы с коми народом, если бы всего лишь четверть от этого числа поселилась в Коми крае, где в середине XVII в. насчитывалось всего 15-16 тысяч коми?..

Пик малого ледникового периода (климатический минимум) пришелся на вторую половину XVI–XVII вв. В частности, участвовавшие

стихийные бедствия приводили к неурожаем, подрывавшим крестьянское хозяйство, вызывавшим голод и высокую смертность населения. Русские летописи, в частности, полны сообщений о «хлебном недороде» и «великом гладе». С климатическим минимумом был связан острый демографический кризис, проявившийся в замедлении прироста населения, а в ряде случаев – и в сокращении численности населения в финно-угорских регионах.

В Венгрии потери населения вследствие проявившихся кризисных явлений в земледелии (запустение пашни) усугубились еще и военными потерями. Правда, во второй половине XVI в. венграм еще удалось избежать большой убыли населения благодаря развитому животноводству, для которого сокращение посевных площадей было даже выгодным (бывшие пашни использовались, как пастбища), однако уровень общей численности населения страны удалось поддержать лишь за счет славянских переселенцев. Но в XVII в. по мере усугублявшихся климатических катаклизмов, на которые наложились последствия войн, демографическое развитие Венгрии явственно перешло в кризисную фазу: в начале XVII в. система расселения пришла в упадок, сельские поселения пустели и подолгу (а то и вовсе) не восстанавливались, население умирало от голода и добравшейся-таки до венгров почти через три века после «Черной смерти» чумы, эпидемии которой бушевали в стране в середине столетия несколько десятилетий. В 1685 г. в Венгрии жили 3,5 млн. человек – весьма много по финно-угорским меркам, однако примерно столько же жителей было в стране еще в конце XV в. [41, с. 203, 211, 245].

Еще более печально складывалась ситуация в Эстонии. Как отмечают историки, к концу XVI в. в северной Эстонии запустела половина хуторов, на острове Сааремаа – треть; Западная Эстония пострадала еще сильнее, а в окрестностях г. Тарту опустело свыше 70% хозяйств. Если в середине XVI в. в Эстонии проживало не менее 250 000 чел., то к исходу столетия здесь осталось около 100 000. В 1630–1640-х гг. в Эстонии насчитывалось 70, в лучшем случае 100 тысяч жителей [74, с. 108; 35, с. 27]. Отмечу, что исследователи обычно сводят причины демографической катастрофы в Эстонии к последствиям Ливонской, шведско-польской и шведско-датской войн второй половины XVI – первой трети XVII вв. и эпидемии чумы. Однако, как и в Венгрии, негативное и, безусловно, сильное воздействие этих явлений стало поистине катастрофичным лишь вследствие наложения на тяжелейшие неурожаи, вызванные капризами климата. Русские летописи содержат немало сообщений о летних заморозках, граде и т.п. в соседних «западных странах» – в частности, в Восточной Прибалтике – в 1619, 1621, 1623,

1625 гг., вызвавших «голод великий», чрезвычайную дороговизну хлеба, употребление в пищу падали и даже людоедство [4, с. 108; 5, с. 190–191].

Обезлюдела в последней трети XVI в. значительная часть Ингерманландии [46, с. 189]. В Корельском уезде во второй половине XVI в. произошла, по оценке исследователей, демографическая катастрофа. В Задней Кореле в 1571 г. подати платили лишь 6%, в Передней Кореле – 11,8% тех, кто делал это ранее. Видимо, остальные – констатируют историки – либо разорились, либо умерли, либо бежали. В Заонежских погостах в 1563–1582 гг. число жителей уменьшилось на 38%, из 3878 жилых деревень и починков осталось 2290. В этот период в регионе были частым явлением неурожаи, сопровождавшиеся голодом и повышенной смертностью; в частности, неурожаи имели место в 1563, 1573, 1577 и 1579 гг. В начале XVII в. (в 1610-х гг.) в Карелии значительно сократилось количество жителей; обитаемых поселений осталось меньше, чем опустевших. К неурожаям добавилось и воздействие Ливонской и русско-шведских войн, опричнины [54, с. 83, 108–109; 31, с. 136–138].

Показательной в этом плане является ситуация на тех территориях расселения финно-угров, которые не были непосредственно затронуты военными действиями. При этом ученые отмечают, что хотя отдаленность севера Карелии в известной мере уберегала его обитателей от разорения и гибели из-за военных действий в период русско-шведских столкновений, однако же и здесь демографическое положение было примерно таким же, как в южных («прифронтовых») районах [31, с. 140]. Очевидно, что раз кризис проявился на всей территории Карелии, а не только в военной зоне, то вызван он был не только бесчинствами войск, но в значительной мере и иными, более глобальными явлениями, а именно неурожаями и голодом.

Показательным является и то, что в далеком от каких бы то ни было военных действий в Коми крае демографическая ситуация складывалась тоже не самым лучшим образом. Во второй половине XVI в. сократилась пашня и численность населения в обширной и самой населенной Вычегодской земле. И в конце XVI – начале XVII вв. в ряде волостей Коми уменьшилось число жителей. Так, в 1602 г. «много людей государевых померло, потому в Руси голод великий был два лета. Пермьки (т.е. коми – Авт.) многие в голод тот разбрелись вятским и сибирским городам, а инии померли с неядения», — рассказывает об этих событиях Вычегодско-Вымская летопись [23]. Таким образом, несомненным представляется негативное воздействие климатических изменений на демографические процессы у финно-угров. Вместе с тем нельзя не отметить, что в условиях ведения военных действий кризисные явления значительно усиливались и протекали значительно острее, чем, скажем, в

отдаленном от них Коми крае. Убыль населения в первой четверти XVII в. из-за голода, бегства от нищеты, гибели во время восстаний и военных действий отмечалась и в Марийском крае [56, с. 114-115; 29, с. 27]. В Мордовии, где на голодные годы также наложились кровавые события «Смуты», многие жители «вымерли, а иные побиты в смутное время..., а тех мертвой мордве... жены да их и дети вымерли, и иныя побиты...», сообщает документ [55, с. 90, 111].

В середине 1620-х – середине 1630-х гг. в Карелии, Коми, Мордовии, Мари происходил рост населения, распаивались запустевшие и вовлекались в оборот новые пашни [54, с. 127; 31, с. 142, 56, с. 115, 55, с. 111]; в Коми крае осваивались новые «приграничные» районы на Летке и верхней Вычегде [23]. Некоторые исследователи связывают это с более благоприятной для крестьянства налоговой политикой, проводившейся властями [31]. Бесспорно, ослабление налогового бремени сыграло важную роль, однако нельзя не указать на то, что время с середины 20-х до середины 30-х гг. XVII в. было относительно благоприятным (во всяком случае, близким к норме) и для хозяйственного, в первую очередь земледельческого развития из-за временного сокращения экстремальных природных явлений [5, с. 191].

Но во второй половине 1630-х – начале 1640-х гг. новая череда сильнейших неурожаев привела жизнь финно-угорского крестьянина, да и вообще жителя севера России, в полнейшее расстройство. Из-за «хлебной скудости», голода, высокой смертности, бегства населения в более «хлебородные» регионы заметно сократилась численность коми, причем некоторые районы (Вымская земля, Прилузье) обезлюдели почти наполовину. В Печорском крае в 1638 г. «крестьянишка помирают голодной смертью, а питаются рябиновым листом и ... травой», писали очевидцы. В Прикамье в 1644 г. летом «снеги выпали великие, и хлеб позяб без остатку и от того хлебного непомерного голоду... многие... люди... разбежались... в хлебородные места, и многие... деревни запустели» [23].

К 1646 г. уменьшилось население и в Карелии, и в последующие несколько лет этот процесс продолжался. К неурожаям (исследователи отмечают, в частности, неурожайный 1643 г.), голоду, становившемуся привычным что в коми, что в карельских землях самоуправству властей, особенно болезненному в подобное время, вновь добавились военные столкновения [31, с. 133; 36, с. 457–470]. Рост числа дворов, запустевших из-за смерти или бегства жителей вследствие вызванной стихийными бедствиями «хлебной скудости», имел место в XVII в. в Мордовии. Так, в Арзамасском уезде в 1628–1678 гг. запустело 17,5% селений; «а мордва из той деревни бежала», констатировали документы [55, с. 122, 124-125].

В Марийском крае воздействие неурожая усугубилось еще и «моромым поветрием» (чумой) 1650-х гг., в результате которой некоторые земли Мари лежали «впусте» даже в конце 1670-х гг. [56, с. 124]. Много людей (около трети православных и около 5% лютеран) погибло в середине XVII в. в Ингерманландии – как от голода, так и в результате военных действий в ходе русско-шведской войны [46, с. 190].

Голодавшее, нищавшее население умирало или вынуждено было уходить из родных мест. Коми и коми-пермяки мигрировали в Сибирь. Во второй половине 20-х – середине 40-х гг. XVII в. из Коми края в различные регионы ушли более тысячи человек, более 800 из них – в Сибирь (причем это минимальное число, которое удалось установить по весьма неполным источникам), что для коми народа, насчитывавшего в середине XVII в. только 15–16 тыс. чел., было весьма значительной долей [23]. Карелы переселялись в Тверской край и другие районы [31, с. 132; 36, с. 457–470], а некоторые из них попали даже в далекий Коми край [23]. В Россию же переселялись и православные ингерманландцы [46, с. 190].

Во второй половине XVII в. в жизни финно-угров, казалось, наметился поворот к лучшему. Число экстремальных природных явлений уменьшилось, народ вздохнул свободнее, стал восстанавливать заброшенные поселения, распахать пашню, осваивать новые пространства. Исследователи отмечают быстрый рост населения Карелии [31, с. 142]. Стала увеличиваться и численность населения Коми, активизировалось освоение «приграничных» районов, возобновлялись заброшенные ранее пашни (отчасти, как, например, в Прилузье – за счет пришлого населения из соседних районов) [23]. Зброшенные земли Северной и Восточной Ингерманландии стали возвращаться в хозяйственный оборот за счет притока переселенцев-лютеран из Финляндии [ПБФ, с. 190, 191].

Однако малый ледниковый период весьма скоро и решительно напомнил о себе сначала на рубеже 1670-х – 80-х гг. – не только неурожаями зерновых (имевшими место, в частности, в Коми крае), но и недостатком рыбы даже в богатейшей р. Печоре (напомню, что понижение температуры самым непосредственным и негативным образом влияет на развитие популяции рыб). Очевидец сообщал, что обитатели Печорского края «гладом тают и умирают... и такая нужда в сей стране повсюду на Турье, Ижме, Усть-Цильме и на Пустозерском остроге... Прежде, сказывают, рыбы здесь был достаток, и на продажу было, а ныне не токмо на продажу, но с самой весны... до сытости сами никто не ел» [23].

А особенно тяжелые, даже катастрофические для некоторых народов последствия имел возврат холодов в 1690-е гг. Э.Ютиккала пишет, что в Финляндии заморозки постоянно портили посевы, а самым жесто-

ким оказался неурожай 1696 г., из-за которого четверть или даже треть населения Финляндии погибла от голода и эпидемий, распространявшихся среди обнищавших жителей [73, с. 47]. Неблагоприятные погодные условия 1690-х гг. вызвали неурожай и голод, разорение, бегство значительной части жителей Карелии. Частыми были неурожай и в первой четверти XVIII в.; значительная часть пашни запустела [54, с. 164–165; 31, с. 142–143]. В связи с этим вряд ли можно безоговорочно согласиться с мнением карельских историков о том, что именно «политика определяла направленность демографических процессов в Карелии – как в сторону увеличения плотности населения, так и в сторону уменьшения», хотя, безусловно, их вывод о «начальном этапе складывания государственной политики в области демографии», отнесенном к XVII в., чрезвычайно интересен и важен [31, с. 142–143].

Тяжело отозвались неурожай 90-х и в Коми. «Вологодская летопись» информирует, что в 1695 г. на севере европейской России повсеместно «хлебы не сыпели и великими мразы побило. И жители тех стран, людие мужеска полу и женьска и с малыми детьми, пошли все на росходы в поволские грады и в уезды, где бы кому препитатися, доколе бог изволит». Многие переселились из Коми края в Сибирь и на Урал: только по данным переписных книг, очень неполным, в конце XVII – начале XVIII в. туда ушли 817 человек [23].

Судя по тому, что народ уходил с севера в «поволские», т.е. поволжские селения, там, должно быть, климатические сдвиги 90-х не имели столь суровых последствий, так что мордва и марийцы могли развиваться более стабильно. Не случайно историки отмечают приток переселенцев в Мордовию в XVII в. [55, с. 110–111]. Тем не менее и этим народам не удалось избежать бедствий рубежа столетий. В начале XVIII в. численность жителей Марийского края сократилась из-за вызванного неурожаями голода и бегства, а также болезней. Особенно много народу ушло из Мари в 1707–1712 гг. Некоторые уезды опустели на четверть, а то и наполовину [29, с. 45, 46]. Многие переселились в Башкирию, на Урал, в Сибирь. Так, казанский губернатор (большая часть марийских земель относились к этой губернии) докладывал в 1714 г., что к башкирам ушли многие «ясачные люди». В 1730 г. отмечалось, что за 20 лет население Башкирии резко возросло; в частности, «казанские черемисы перешли в Башкирию с ясаков целыми селами и деревнями» [56, с. 152, 159, 160].

Эстония не избежала вызванного колебаниями климата демографического кризиса 1690-х гг. Трагичным оказался для местного населения те же 1695 и 1696 годы: в 1695 г. урожай погиб на полях из-за непрекращавшихся дождей и необычно ранних заморозков, в 1696-м

дожди также сыграли свою роковую роль. В результате, как пишут историки, Эстонию охватил голод, начавшийся еще зимой 1695–1696 гг. и продолжавшийся вплоть до 1697 г. Голодная смерть и бегство в поисках пропитания стали обыденным явлением. Очевидец рассказывал: «Многие сильные и здоровые люди бродили с места на место и слезно молили, чтобы их Христа ради приняли на работу за кусочек хлеба. Многие почернели от голода и так ослабли, что падали с ног... Деревни, дороги, поля были завалены трупами, по весне их отвозили на телегах и по 30, 40, 50 и даже больше хоронили в одной яме». Только тогда, за три года погибло 70-75 тыс. чел., примерно пятая часть населения Эстонии. Очевидно, с этим голодом (а не только с процессом «редукции имений») были связаны и восстания эстонских крестьян в 90-е гг. Но этим дело не кончилось. Голодные годы имели место и в предыдущее, и в последующее время. Голод сопровождался чумой, еще одна эпидемия чумы разразилась в 1710 г., в начале XVIII в. свою лепту в демографическую катастрофу внесла и Северная война. В общем итоге численность жителей Эстонии в конце XVII – начале XVIII вв. сократилась с 350–400000 до 150000 [35, с. 30, 32, 37; 74, с. 110]. Потрясения малого ледникового периода второй половины XVI– начала XVIII вв. стали губительными для ливов, под воздействием голода, эпидемий (в 1710 г. от чумы погибло до двух третей населения Латвии [49, с. 27]; среди умерших были, очевидно, и многие ливы), войн постепенно исчезающих с лица земли.

Не лучше, чем в Эстонии, складывалась демографическая ситуация на рубеже XVII–XVIII вв. и у венгров. Л.Контлер пишет, что в 1720 г. в стране было обработано менее 2,4% пахотных земель, население из-за голода, войн и чумы сократилось на несколько сот тысяч человек, стало крайне малочисленным (малочисленным, замечу в скобках, по западноевропейским меркам) и бедным, запустели многие поселения. В одном из районов Венгрии осталось два жилых поселения из 64, в другом – два из 200 [41, с. 245].

В XVIII в., и особенно в последней его трети, историко-демографическое развитие большинства финно-угорских народов вступило в период постепенной стабилизации. Прошел пик малого ледникового периода, и климат стал улучшаться, постепенно становиться более мягким, более благоприятным для ведения сельского хозяйства, не стало столь частых и губительных неурожаев, как в предыдущем столетии. Конечно, сильные неурожаи порой еще случались, поскольку малый ледниковый период хотя и шел на убыль, но еще продолжался, в связи с чем климатические условия в Европе отличались значительными колебаниями, временами резко ухудшались, вызывая продолжительные дожди, наводнения, очень морозные зимы, летние заморозки и т.п.

Например, проведенный автором анализ смертности населения одного из районов Коми – Прилузья в 1721–1745 гг. показал, что более половины (55,5%) смертей приходится на семь из этих 25 лет, а именно 1723–1729 гг., когда смертность местного населения существенно превосходила среднюю величину за все 25 лет. А на 1723–1732 гг., т.е. на 10 лет, приходится почти 70% всех смертей. Данные о бегстве и уходе жителей из Прилузья в 1721–1745 гг. свидетельствуют, что 60,3% переселений приходится на шесть лет – с 1724 по 1729 гг. В этот период Россия пережила несколько тяжелых голодных лет (1723–1727, 1729 гг.), недороды следовали один за другим, повысились цены на хлеб [4; 5, с. 353–356; 22; 33].

Особо опасные группировки экстремальных природных явлений пришлось на 1766–1767 и 1781 гг. [4]. Неудивительно, что марийские крестьяне, например, жаловались в комиссию по выработке нового уложения 1767 г.: «Уже пятый год..., как... хлеб не родится, от коего неурожая всего здешнего уезда жители ежегодно некоторые довольствуются покупным... хлебом», иные умерли от голода, многие «разошлись по разным местам» [56, с. 158]. Следствием названных, так сказать, рецидивов климатического минимума стало резкое замедление или прекращение прироста населения и даже снижение численности жителей в северо-западных районах Коми в 1763–1782 гг. [22]. В Эстонии сильный голод случился в 1808 г. [35, с. 42].

Однако вслед за тем, как климат постепенно становился более теплым и благоприятным для сельского хозяйства, все более позитивно развивались и демографические процессы (особенно в XIX в.). Э.Ютиккала пишет, что в сопоставимых географических пределах население Финляндии в 1720 г. составляло примерно 400 тысяч, а в 1865 г. – 1850 тыс. человек. Прирост населения почти полностью шел за счет сельской местности. Именно тогда была введена в оборот большая часть земель, возделываемых и сегодня... К концу периода почти не оставалось незаселенных пустошей, за исключением Лапландии и северо-восточных приграничных районов [73, с. 51]. Значительный скачок в численности населения произошел и в Эстонии – к концу XVIII в. тут насчитывалось более полумиллиона жителей [35, с. 37].

Население Венгрии также стало довольно быстро и стабильно расти (как всегда бывает после демографических катастроф, замечает Л.Контлер), и к середине XIX в. по сравнению с началом столетия выросло в четыре раза (при этом надо иметь в виду, что прирост шел и за счет иммиграции) [41, с. 245]. В Мордовии в конце XVIII в. проживало примерно 448 тыс. чел., а в 1858 г. – уже 700 тыс. В Марийском крае число жителей стало постепенно расти с конца первой четверти XVIII в.:

в 1723 г. здесь насчитывалось 74 тыс. чел., в 1764 г. – 119 тыс., в 1795-м – 158 тыс., в 1858-м – 210 тыс., в 1897 – 375 тыс. чел. В пределах Карелии население возросло со 120,9 тыс. в 1795 г. до, по одним данным, 167,2 тыс. чел. в 1857 гг., по другим – до 190 тыс. в 1863 г., а в 1897 г. составило 215 тыс. чел. В Коми крае в 1795 г. проживало 58-59 тыс. человек, а в 1858–1860 гг. – около 110 тыс., в 1897 г. – около 142 тыс. коми и 14–16 тыс. русских. Более теплый период способствовал усилению миграционной активности ижемских коми, их переселениям их в крайние северные и северо-восточные районы Коми края, в нижнее Приобье и на Кольский полуостров [22; 25; 29, с. 45, 68; 31, с. 207, 258; 34; 55, с. 228].

Таким, в общих чертах, представляется роль изменений климата в истории финно-угорских народов. Разумеется, автор не имел возможности с достаточной и равной степенью обстоятельности показать воздействие климатических сдвигов на историю, этнодемографическое развитие каждого финно-угорского народа. Это – дело дальнейших комплексных исследований с участием исследователей разных специальностей. Данная работа может рассматриваться как один из шагов к организации таких исследований или, по крайней мере, как постановка вопроса о назревшей необходимости их осуществления.

Литература и источники

1. Археология Республики Коми. М., 1997.
2. Большая советская энциклопедия. М., 1978. Т. 29, 30
3. Борисенков Е.П. Климат и деятельность человека. М., 1982.
4. Борисенков Е.П., Пасецкий В.М. Экстремальные природные явления в русских летописях XI–XVII вв. Л., 1983.
5. Борисенков Е.П., Пасецкий В.М. Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы. М., 1988.
6. Буров Г.М. Вычегодский край. М., 1965.
7. Вереш П. Проблема определения финно-угорской прародины в свете новых данных. (Рукопись статьи любезно предоставлена автором).
8. Вихляев В.И., Петербургский И.М. Мордва // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века. Ижевск, 1999.
9. Водарский Я.Е. Численность русского населения Сибири в XVII–XVIII вв. // Русское население Поморья и Сибири (период феодализма). М., 1973. С. 194-213.
10. Водарский Я.Е. Население России в конце XVII – начале XVIII в. М., 1977.
11. Вяри Э. Ливы и ливский язык // Прибалтийско-финские народы. История и судьбы родственных народов. Ювяскюля, 1995.
12. Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск, 1999.

13. Гришаков В.В., Зеленева Ю.А. Муромы // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века. Ижевск, 1999.
14. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли. Л., 1990.
15. Долгих Б.О. Очерки по этнической истории ненцев и энцев. М., 1970.
16. Дулов А.В. Географическая среда и история России. Конец XV – середина XIX в. Новосибирск, 1983.
17. Жеребцов И.Л. Изменения климата и демографические процессы в Коми крае // Европейский Север: взаимодействие культур в древности и средневековье. Сыктывкар, 1994. С. 33–35.
18. Жеребцов И.Л. Historical and demographic aspects of the Komi people // Historia Fenno-Ugrica 1:2. Congressus primus historiae fenno-ugricae. Oulu, 1996. P. 643–645.
19. Жеребцов И.Л., Королев К.С. Климатический фактор в истории коми. Сыктывкар: Изд-во Коми НЦ УрО РАН, 2000.
20. Жеребцов И.Л. Тысячелетие народа коми: время, климат, человек // Природа, 2000. № 7. С. 71–75.
21. Жеребцов И.Л. Климатические изменения и сельское хозяйство Коми края (XI – начало XX века) // Социально-экономическое и духовное развитие села Республики Коми в XXI веке. Сыктывкар, 2002. С. 102–106.
22. Жеребцов И.Л. Коми край в XVIII – середине XIX века: территория и население. Сыктывкар, 1998.
23. Жеребцов И.Л. Население Коми края во второй половине XVI – начале XVIII в. Екатеринбург, 1996.
24. Жеребцов И.Л. Коми-зыряне. Коми-пермяки. Этническая история. Формирование территориально-племенных и этнографических групп в XIV – XVI вв. и освоение новых территорий // Народы Поволжья и Приуралья. Коми-зыряне. Коми-пермяки. Марийцы. Мордва. Удмурты. М., 2000. С. 19–28.
25. Жеребцов И.Л., Савельева Э.А., Сметанин А.Ф. История Республики Коми. Сыктывкар, 1996.
26. Жеребцов Л.Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. М., 1982.
27. Жеребцов Л.Н. Этнические и культурно-исторические связи коми с финно-уграми и самодийцами. Сыктывкар, 1974.
28. Жилина Т.И. Верхнесысольский диалект коми языка. М., 1975.
29. Иванов А.Г., Сануков К.Н. История марийского народа. Йошкар-Ола, 1999.
30. Иванова М.Г. Удмурты // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века. Ижевск, 1999.
31. История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001.
32. История Урала с древнейших времён до 1861 г. М., 1989.
33. Кабузан В.М. Народы России в XVIII в. Численность и этнический состав. М., 1990.
34. Кабузан В.М. Народы России в первой половине XIX в. Численность и этнический состав. М., 1992.

35. Какх Ю., Сийливаск К. История Эстонской ССР. Популярный очерк. Таллинн, 1987.
36. Киркинен Х. Рождение Карелии // Прибалтийско-финские народы. История и судьбы родственных народов. Ювяскюля, 1995.
37. Козлова К.И. Очерки этнической истории марийского народа. М., 1978.
38. Колесников П.А. Некоторые вопросы аграрных отношений на Европейском Севере в период позднего феодализма // Аграрная история Европейского Севера СССР. Вологда, 1970.
39. Колесников П.А. Северная деревня в XV – первой половине XIX в. Вологда, 1976.
40. Конаков Н.Д. Коми охотники и рыболовы во второй половине XIX – начале XX в. М., 1983.
41. Контлер Л. История Венгрии. Тысячелетие в центре Европы. М., 2002.
42. Королев К.С. Население средней Вычегды в древности и средневековье. Екатеринбург, 1997.
43. Краткая история Венгрии. С древнейших времен до наших дней. М., 1991.
44. Лашук Л.П. Формирование народности коми. М., 1972,
45. Леонтьев А.Е. Меря // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века. Ижевск, 1999.
46. Лескинен Х. Заселение и демография Ингерманландии // Прибалтийско-финские народы. История и судьбы родственных народов. Ювяскюля, 1995.
47. Лыткин В.И. Из истории словарного состава пермских языков // Вопросы языкознания, 1953. № 5. С. 48–69.
48. Мурыгин А.М., Королев К.С., Ляшев В.А. Миграционный фактор в развитии средневековых культур Северного Приуралья. Сыктывкар, 1984.
49. Напольских В.В. Введение в историческую уралоистику. Ижевск, 1997.
50. Нефедов С.А. Метод демографических циклов в изучении социально-экономической истории допромышленного общества. Екатеринбург, 1999.
51. Никитина Т.Б. Марийцы в эпоху средневековья. Йошкар-Ола, 2002.
52. Никитина Т.Б. Мари // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века. Ижевск, 1999.
53. Оборин В.А. Заселение и освоение Урала в конце XI – начале XVIII в. Иркутск, 1990.
54. Очерки истории Карелии. Петрозаводск, 1957. Т. 1.
55. Очерки истории Мордовской АССР. Саранск, 1955. Т. 1
56. Очерки истории Марийской АССР. Йошкар-Ола, 1965.
57. Рябинин Е.А. Мещера // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века. Ижевск, 1999.
58. Савельева Э.А. Пермь Вычегодская. М., 1971.
59. Савельева Э.А. Вымские могильники XI–XIV вв. Л., 1987.
60. Савельева Э.А. Европейский Северо-Восток в эпоху средневековья. М., 1995.
61. Савельева Э.А., Королев К.С., Истомина Т.В. Коми // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века. Ижевск, 1999.

62. Савельева Э.А. Уральские народы // Атлас Республики Коми. М., 2001. С. 102-107.
63. Савельева Э.А. Архаичные общества на территории Коми края // История Коми с древнейших времен. Сыктывкар, 2001. Т. 1. С. 15–61.
64. Савельева Э.А., Королев К.С. Древние рукописи о перми вычегодской. Сыктывкар, 1997.
65. Сарв Х. Финно-угры в России в ходе столетий // Финно-угорские народы и Россия. Таллинн, 1984. С. 26-41.
66. Седов В.В. Славяне в древности. М., 1994.
67. Серебренников Б.А. Историко-лингвистические заметки // Историко-филологический сборник. Сыктывкар, 1962. Вып. 7.
68. Хайду П. Уральские языки и народы. М., 1985.
69. Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969.
70. Хомич Л.В. Проблемы этногенеза и этнической истории ненцев. Л., 1976.
71. Хотинский Н.А. Голоцен Северной Евразии. М., 1977.
72. Этническая история народов Севера. М., 1982.
73. Ютиккала Э. История Финляндии с древности до стабилизации самостоятельности в 1939 г. // Прибалтийско-финские народы. История и судьбы родственных народов. Ювяскюля, 1995.
74. Ярв А. История Эстонии // Прибалтийско-финские народы. История и судьбы родственных народов. Ювяскюля, 1995.
75. Lamb Н.Н. Climate: Present, past and future. London, 1881. Vol. 1, 2.
76. Landcebery N.E., Dooglas K. Fragmentary accounts at weather and climate in America (1000-1670 DC) and on coastal storma to 1825 // Technical Note BN-1029. University of Meryland, 1984. XI.

Публикация осуществлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 04-06-80411).

А.В.Волокитин

ДРЕВНИЕ ПОСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОГО ПРИУРАЛЬЯ

Единичные археологические памятники эпохи палеолита – свидетельство проникновения на территорию региона древнейшего населения около 30 тысяч, а затем около 18 тысяч лет назад [Волокитин, 2001. С. 216], сменяются значительно более многочисленными памятниками последующих эпох каменного века – мезолита и неолита. Начиная с эпохи мезолита, можно говорить о заселении территории Республики Коми, так как с этого времени не было таких периодов, когда здесь по какой-либо причине отсутствовало население. Общее количество археологических памятников – 120. Если учесть, что на одном памятнике иногда встречаются следы не одного, а более трех одновременных поселений указанных эпох, то их число может достигать 200 [Волокитин, 2001. С. 216; Волокитин, Карманов, 2001. С. 218]

Мезолитическая эпоха (10–8 тыс. лет назад) □– эпоха каменного века, следующая за палеолитом. Ее начало совпадает с концом ледникового периода (плейстоцена) и началом геологической современности (голоцена). Это время, когда древний человек, используя достижения в хозяйственной деятельности предыдущей эпохи, приспособился к сильно изменившейся природной обстановке.

Мезолитические памятники, расположенные на территории республики, являются поселениями и стоянками. В основном это сезонные, как летние, так и зимние стоянки, но есть и более кратковременные стойбища. Один памятник – Курьядор 2 на р. Вычегде – является мастерской по обработке камня, сырье для которой добывалось из галечно-валунных отложений террасы. Предполагаемое число обитателей мезолитических стоянок колеблется от 2-8 человек на стоянках с одним жилищем до 12–24 человек на стоянках с несколькими жилищами или летних стоянках без жилищ [Волокитин, 1997. С. 105–106].

Мезолитические памятники региона относятся к двум традициям: приуральской, сформировавшейся на Каме, и западной, связанной с миграциями населения из районов Балтики и Прионежья. Приуральская традиция представлена средневычегодской культурой [Буров, 1986] и

сходными с ней памятниками; к западной – стоянки парчевской культуры [Волокитин, 1997. С. 115, 116] и уникальный памятник Висский 1 торфяник [Буров, 1967а].

Неолит – эпоха, завершающая каменный век в истории человечества. Характеризуется развитием ранних форм производящего хозяйства (хозяйства ранних земледельцев, земледельцев-скотоводов) в таких регионах как Ближний Восток с благоприятными природными условиями; высокоспециализированным присваивающим хозяйством «высших» охотников, рыболовов, собирателей там, где природно-климатические условия не благоприятствовали зарождению земледелия и скотоводства. Именно второй тип хозяйства в эпоху неолита был характерен для территории Республики Коми.

Хронологические рамки неолитической эпохи здесь – V – середина III тыс. до н.э. Основная часть этого времени относится к атлантическому периоду голоцена, для которого характерен мягкий теплый климат, полноводные реки, и продвижение лесов на север, расцвет растительного и животного мира. В долине Вычегды в это время получили распространение широколиственные породы деревьев (дуб, вяз, клен, лещина).

По традициям в изготовлении керамики (технологии, форме сосудов, особенно орнаментации), а также особенностям кремневого инвентаря и жилищ выделяются группы памятников, принадлежащие к разным археологическим культурам и культурно-историческим общностям, а также различающиеся по хронологии (возрасту).

Это поселения с тычково-накольчатой и тычково-валиковой керамикой, объединяемые в черноторскую культурную группу или культуру, существующую на протяжении всего неолита (V – первая половина III тыс. до н.э.); памятники энтьейского типа с гребенчато-тычковой керамикой раннего неолита (V тыс. до н.э.). В позднем неолите (первая половина IV – первая половина III тыс. до н.э.) это поселения с гребенчатой посудой камского типа; комплексы с ямочно-гребенчатой керамикой льяловской культуры; поселения с гребенчато-ямочной керамикой синкретического облика, сочетающей признаки двух предыдущих типов [Косинская, 1997. С. 207].

В регионе наиболее многочисленные коллекции археологического материала получены на долговременных поселениях водораздельных озер Тимана: Синдорского (Вис I, II, III), Ямозера (Пижма I, II), Косминского (Ружникова, Кыско, Алексахина). Площадь этих памятников 5-15 000 кв.м. Мощность культурных напластований достигает 1м. На каждом из них отмечены находки, принадлежащие сразу несколь-

ким археологическим культурам как мезолита, так и неолита разного возраста, а также другим эпохам.

В долинах рек памятники расположены на надпойменных борových террасах или их останцах. Они занимают обычно мысы террас, в устьях ручьев и речек. Культурный слой имел мощность 20-30 см. Площадь их сильно варьирует от 100 до 5 000 кв.м. Несмотря на меньшую мощность культурного слоя здесь также очень часто обнаруживаются остатки двух и более разновременных поселений [Волокитин, 2001; Волокитин, Карманов, 2001]. Так, выделяется двуслойная стоянка Кузьвомын, где более ранние мезолитические материалы отделены от более поздних стратиграфически [Буров, 1967б. С. 78, 79]. Аналогичная ситуация прослежена на стоянке Лек-Леса 1 на Ижме при раскопках жилища 2. На других памятниках большая часть разновременных материалов предстает в смешанном виде.

Единичные памятники приурочены к пойменным (Парч, 1, 2, 3, Пезмог 4, Половники II) и озерно-болотным (Черная Вадья) отложениям. Как правило, в регионе эти стоянки однослойные.

Поселения на водораздельных озерах.

По топографии, стратиграфии поселения Пижма II, Вис I и Вис II одинаковы. В обоих случаях памятники располагаются на песчаных островках-останцах надпойменных террас, на берегу вытекающих из озер рек. Подобные останцы никогда не заливаются в половодье, поскольку весенние паводки на водораздельных озерах незначительны.

Поселение Пижма II расположена на 6-метровом останце песчаной террасы (правый берег Пижмы), примыкающем с востока к реке, а с запада к верховому болоту. Останец террасы, размерами 125 x 70 м имеет форму вытянутого овала. Почти вся его поверхность, в том числе и склон, обращенный к реке, хорошо задернована и поросла густым елово-березовым лесом. Только на западной окраине останца имеются небольшие обнажения белесого песка, на которых обнаружен расколотый кремь.

Наибольшая мощность культурного слоя (до 1 м), представлявшего собой сильно гумусированную супесь темно-коричневого цвета, прослежена вдоль края террасы, примыкающей к реке.

Основная масса культурных остатков эпохи неолита залегала на глубине от 0,5 до 0,7 от дневной поверхности, а в отдельных случаях – до 1 м. На материке вдоль древнего края террасы, были прослежены отдельные скопления неолитической керамики (в одном случае развал крупного сосуда) и расколотого однородного кремня, орудия из кремня, различных пород камня, пятна охры. В глубину террасы количество

находок в культурном слое резко убывало. По-видимому, прибрежный участок был разрушен оползнями и паводками. Тем не менее раскопки сохранившегося участка древнейшего культурного слоя дали выразительный комплекс ямочно-гребенчатой керамики позднего неолита.

На противоположном берегу р. Пижмы, напротив поселения Пижма II, на обезлесенном участке 8-метровой террасы, на месте современного рыбацкого стана с двумя амбарами и промысловой избой располагается поселение Пижма I. Терраса примыкает к реке на отрезке 120 м. С севера и юга ее склоны отходят от реки в восточном направлении. Культурный слой представлен гумусированной супесью темно-коричневого, почти черного цвета мощностью 0,35-0,5 м. Его разборка в шурфах показала большую его насыщенность археологическим материалом (кремнем и керамикой различных эпох). К неолиту отнесена часть каменного инвентаря и ямочно-гребенчатая керамика позднего неолита [Лузгин, 1973. С. 28-40].

На правобережье Симвы, в пойменной части, ограниченной Висом, Симвой и уступом террасы (урочище Кытчесмыльк), сохранились два останца надпойменной террасы, самый большой из которых (Большой Кытчесмыльк), занятый поселением Вис II, находится в 75 м от меньшего (Малый Кытчесмыльк) с поселением Вис I. Оба останца имеют одинаковую клювовидную форму, причем меньший из них ориентирован вогнутым краем к юго-востоку, а больший – к востоку. К вогнутому краю Малого Кытчесмылька прилегает I Висский торфяник, а к тому же краю другого останца – II Висский, оба с культурными остатками. Торфяники представляют собой остатки речных стариц, принадлежащих к типу стариц-меандр.

Поселение Вис I расположено на останце Малый Кытчесмыльк, высотой до 3 м, который был сплошь покрыт культурным слоем, частично переходившим в пойму. Представлены материалы мезолитической эпохи. Скорее всего, представители мезолитического населения, избавляясь от ненужных предметов вооружения и снаряжения, способствовали образованию уникального мезолитического памятника Висского I торфяника с его коллекцией вещей из дерева, коры, бересты, травы. Предметы, удаленные с поселения, плавали в озере, а затем были погребены в торфе. Датирование предметов показало время их бытования в последней четверти VI тыс. до н.э. [Буров, Романова, Семенцов, 1972]. Орудиями охоты служили луки различных типов, как ручные, так и гигантские станковые луки-самострелы, стрелы, а также дротики и копья, метательные дубинки. Об использовавшихся орудиях рыбной ловли говорят фрагмент сети из травы, поплавков для сети из сосновой коры, наконечник ботала, фрагмент верши. Средства передвижения

представлены лыжами, полозьями бескопильных ручных саней, использовавшихся, очевидно, для перевозки охотничьей добычи, веслом. Это доказывает функционирование поселения, с которым связан Висский 1 торфяник как в зимнее (лыжи, сани), так и теплое (весло, сети, металлические дубинки на водоплавающих птиц) время года. Следовательно, в эпоху мезолита, как и в последующую за ним неолитическую эпоху, расположенные здесь поселения существовали длительное время и круглогодично, что было обеспечено экосистемой водораздельного озера.

На поселении Вис I также обнаружены находки, представляющие практически все культурные типы эпохи неолита европейского Северо-Востока: чернорборской культуры с тычковой и валиковой посудой, каргопольского культурного типа с гребенчато-проколычатой керамикой, камского культурного типа с гребенчатой керамикой, ямочно-гребенчатая керамика, печоро-двинской культуры (преимущественно позднего этапа). Помимо этого выявлены остатки поздненеолитических полуземлянок: двух на Висе I и, по крайней мере, трех на Висе II.

Поселение Вис II расположено на останце Большой Кытчесмыльк высотой до 4 м. Ситуация с находками та же. Единственное, что обращает внимание – камский культурный тип и «каргопольская» керамика обнаружены в гораздо меньшем количестве, чем на поселении Вис I [Буров 1967а. С. 43; Карманов, 2001].

Поселения речных долин.

В эту категорию входят памятники, расположенные на борových террасах старичных озер р. Вычегды (Эньты I-VI, стоянка Озельская, Пезмогты, Важкаяг, Вад I и Угдым I, входящие соответственно в Шойнатыйский и Угдымский археологические микрорайоны) и приуроченные к пойменным отложениям реки (Пезмог IV).

Комплекс памятников у старичного оз. Эньты находится в 4 км от пос. Седкыркеш (район г. Сыктывкара) на боровой террасе старичного озера Эньты (среднее течение Вычегды). Здесь на небольшом расстоянии (100-300 м) друг от друга выявлено шесть памятников. На большинстве из них зафиксированы остатки как мезолитических (например, Эньты IIIa) так и неолитических поселений разных культур [Логинава, 1977; 1978; 1986; 1998].

На поселении Эньты I изучено жилище печоро-двинской культуры с гребенчато-ямочной керамикой, с незначительной «примесью» ямочно-гребенчатой (ляловской) керамики. Помимо этого на памятнике исследован уникальный для европейского Северо-Востока раннеолитический комплекс с тычково-гребенчатой керамикой и поперечно-лезвийными

наконечниками стрел в каменном инвентаре, что позволило отнести его к своеобразному эньтйскому культурному типу.

На поселении Эньты III исследовано пять жилищ печоро-двинской археологической культуры. Также присутствует незначительная примесь (фрагменты двух-трех сосудов) камского культурного типа и ямочно-гребенчатой керамики. Здесь же (Эньты IIIa) исследовано мезолитическое жилище малого размера, наземное, четырехугольной в плане формы, без очага внутри. Культурные остатки жилища сочетают черты как приуральской, так и западной традиции мезолита, т.е. говорят о том, что на каком-то этапе мезолита часть местного древнего населения смешалась с пришельцами [Волокитин, Косинская, 1999. С. 10].

Комплекс с керамикой печоро-двинской культуры исследован и на поселении Эньты IV. Хотя здесь также присутствует незначительная примесь керамики камского культурного типа. На поселении Эньты VI изучены две жилищные постройки льяловской культуры ямочно-гребенчатой культурной общности.

Целый археологический комплекс памятников выявлен на боровой террасе старичного озера Пезмогты (Средняя Вычегда). Он представлен остатками трех жилищ, расположенных в 200-300 м друг от друга, одним местонахождением и стоянкой. Раскопками изучена стоянка, расположенная на самой оконечности «языка» террасы, удаленной от современного русла реки Вычегды на 1,5 км.

Керамический комплекс стоянки относится к раннему этапу печоро-двинской культуры позднего неолита. Анализ каменного инвентаря позволяет выделить два принципиально различных способа расщепления камня: создание серийных сколов определенно заданной формы, в данном случае пластинчатых, и бифасиальная обработка. На наш взгляд, рассмотренные индустрии оставлены различными группами населения в разное время. До настоящего времени изделия, относящиеся к обоим технологическим контекстам, не разделялись, и их описание велось в рамках единых комплексов печоро-двинской археологической культуры позднего неолита. Наличие пластинчатых комплексов в каменном инвентаре, сопровождающем печоро-двинскую керамику, объясняли участием в ее сложении населения чернорборской культуры. На основе изучения стоянки Пезмогты рассматриваемые комплексы впервые могут быть разделены, о чем свидетельствуют не только технологический анализ и типология орудий, но и планиграфические наблюдения. Последние позволяют рассматривать первый технокомплекс как более ранний: находки, связанные с бифасильной обработкой залегают на плане скоплениями, по которым, в свою очередь, четко прослеживается деление на различные зоны активности. Напротив, пластинчатые

сколы располагаются по периметру этих скоплений и, по всей видимости, являются перемещенными [Карманов, Тимушева, 2001. С. 100].

В 5 км от стоянки Пезмогты, выше по течению р. Вычегды, расположено местонахождение Пезмог IV, связанное с отложениями поймы высотой в 5 м в месте ее приращения к останцу семиметровой боровой песчаной террасы. Находки, а именно, фрагменты керамики камского культурного типа позднего неолита и немногочисленный каменный инвентарь залежали на уровне 3,8-4 м от современной поверхности в слое оторфованной глины. Изучение стратиграфии памятника позволило сделать вывод о том, что находки попали в слой в результате разрушения участка боровой террасы в результате боковой эрозии реки, имевшей место в древности, если быть точнее в первой половине IV тыс. до н.э., о чем свидетельствуют спорово-пыльцевой и диатомовый анализы [Волокитин, Карманов, Марченко, Дурягина, 1998. С. 36; Волокитин, Карманов, Тимушева, 2001. С. 102].

Литература

Буров Г.М. Древний Синдор (из истории племен Европейского Северо-Востока в VII тысячелетии до н.э. – I тысячелетии н.э.). М.: Наука, 1967. 220 с.

Буров Г.М. Археологические памятники Вычегодской долины. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1967. 96 с.

Буров Г.М. Крайний Северо-Восток Европы в эпоху мезолита, неолита и раннего металла: Автореф. дис... д. и. н. Новосибирск, 1986. 37 с.

Буров Г.М., Романова Е.Н., Семенцов А.Д. Хронология деревянных сооружений и вещей, найденных в Северодвинском бассейне // Проблемы абсолютного датирования в археологии. М., 1972. С. 76–79.

Волокитин А.В., Косинская Л.Л. Мезолитические жилища Европейского Северо-Востока. Сыктывкар, 1999. 36 с. (Науч. докл. / Коми науч. центр УрО РАН. Вып. 414).

Волокитин А.В. Мезолит // Археология Республики Коми. М.: ДиК, 1997. Ч. 3, гл. 2. С. 91–145.

Волокитин А.В. Археологические памятники эпохи мезолита // Атлас Республики Коми. М., 2001.

Волокитин А.В., Карманов В.Н. Археологические памятники эпохи неолита // Атлас Республики Коми. М., 2001. С. 218, 219.

Волокитин А.В., Карманов В.Н., Марченко Т.И., Дурягина Л.А. Пезмог IV – новый памятник камского гребенчатого неолита на Вычегде // Северное Приуралье в эпоху камня и металла. Сыктывкар, 1998. С. 31–41. (МАЕСВ. Вып. 15).

Волокитин А.В., Карманов В.Н., Тимушева И.М. Пойменные археологические памятники Европейского Северо-Востока // Геолого-археологические исследования в Тимано-Североуральском регионе. Сыктывкар, 2001. Т. IV. С. 100–104.

Карманов В.Н. Некоторые итоги раскопок поселения Вис II // Проблемы материальной и духовной культуры народов России и зарубежных стран: Тезисы докладов VII Всероссийской конференции молодых ученых и аспирантов. Сыктывкар, 2001. С. 45.

Карманов В.Н., Тимушева И.М. Неолитический памятник Пезмогты на средней Вычегде // Геолого-археологические исследования в Тимано-Североуральском регионе. Сыктывкар, 2001. Т. IV. С. 91–100.

Лузгин В.Е. Неолитические стоянки Центрального Тимана // Поселения каменного и медно-бронзового века на Печоре и Усе. Сыктывкар, 1973. С. 24–46. (МАЕСВ. Вып. IV).

Логинова Э.С. Археологические памятники на оз. Эньты // Археологические памятники Печоры, Северной Двины и Мезени. Сыктывкар, 1977. С. 3–10. (МАЕСВ. Вып. 6).

Логинова Э.С. Поселение Эньты I // Археологические памятники эпохи палеометалла в Северном Приуралье. Сыктывкар, 1978. С. 3–22. (МАЕСВ. Вып. 7).

Логинова Э.С. Поселения на средней Вычегде в эпоху неолита. Сыктывкар, 1985. 24 с. (Науч. докл. / Коми ФАН СССР. Вып. 120).

Логинова Э.С. Поселение Эньты II // Памятники материальной культуры на Европейском Северо-Востоке. Сыктывкар, 1986. С. 45–53. (МАЕСВ. Вып. 10).

Логинова Э.С. Поселение Эньты IV // Северное Приуралье в эпоху камня и металла. Сыктывкар, 1998. С. 41–64. (МАЕСВ. Вып. 15).

Косинская Л.Л. Неолит // Археология Республики Коми. М.: ДиК, 1997. Ч. 3, гл. 3. С. 146–212.

Публикация осуществлена при поддержке программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Этнокультурное взаимодействие в Евразии» (проект «Этнодемографические процессы на севере Европейской России»).

О.М.Селезнева, И.О.Васкул

**НОВЫЕ ДАННЫЕ ОБ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЯХ
НАСЕЛЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРО-ВОСТОКА
И ЗАУРАЛЬЯ В ЭПОХУ ЖЕЛЕЗА**

Проблема этнокультурных связей с племенами Зауралья на протяжении более чем сорока лет постоянно находится в центре внимания археологов изучающих древности железного века на территории европейского Северо-Востока. В ставшей уже классической монографии В.И.Канивца, посвященной археологическим памятникам Печорского Приполярья эпохи раннего металла, выделены относящиеся к ананьинскому времени культурные типы Чаркабож и Ямашор, в керамических комплексах которых выявлены признаки свидетельствующие о тесных связях с археологическими культурами Западной Сибири [Канивец, 1974]. Разработки В.И.Канивца выдержали проверку временем и были приняты другими исследователями, получив в их работах дальнейшее развитие [Буров, 1989. С. 3-4; Ашихмина, Васкул, 1997. С. 325-326, 332-333].

Не менее отчетливо общие черты в культуре населения европейского Северо-Востока и Западной Сибири фиксируются в последующее время, в III–II вв. до н.э. – V в. н.э., в древностях археологических культур второго этапа раннего железного века [Буров, 1989. С. 6-8; Васкул, 1993. С. 120-121; 1997. С. 380-382]. Параллели прослеживаются в вещевом инвентаре памятников, домостроительстве, погребальном обряде. При этом наибольшее представление о связях с Зауральем дают материалы поселений, пещерных святилищ и погребальных комплексов бассейна р. Печоры, где зауральские элементы фиксируются на протяжении всего периода. Керамические материалы позволяют говорить об участии носителей кулайской АК в формировании культуры древних насельников бассейна р. Печоры в рассматриваемое время, о присутствии здесь угро-самодийского этнического компонента. На Вычегде находки, свидетельствующие о контактах с Зауральем, фиксируются только на памятниках первой половины I тыс. н.э. и могут быть связаны с про-

никновением в культуру вычегодского населения печорских и зауральских (кулайских) элементов.

Особое место при изучении этнокультурных контактов населения европейского Северо-Востока и Западной Сибири в раннем железном веке занимают древности бичевницкой археологической культуры, сменившей во второй четверти I тыс. н.э. в бассейне р. Печоры пиджскую АК. В самостоятельный культурный тип памятники с керамическими комплексами, сходными с глиняной посудой поселения Бичевник I, были выделены в 60-е гг. прошлого столетия Г.М.Бутовым и В.И.Канивцом [Канивец, 1965. С. 99; Бутов, 1967. С. 173-174]. Однако наибольший вклад в разработку бичевницкой проблематики внес в своих работах А.М.Мурыгин [Мурыгин, 1984. С. 13-20; 1992; 1997. С. 483-487; 2000. С.199-201]. Исследователем предложены новая периодизация и хронология памятников, концепция генезиса культуры, поставлен вопрос о возможности выделения самостоятельной бичевницкой АК. А.М.Мурыгин, первым из исследователей, выдвинул предположение о том, что распространение памятников бичевницкой АК в различных природно-географических зонах связано с хозяйственными занятиями, оставившего эти древности населения.

Для рассматриваемого в настоящей работе вопроса наиболее важно то, что памятники с керамикой типа поселения Бичевник I (ранний этап бичевницкой АК по А.М.Мурыгину, относящийся еще к раннему железному веку [Мурыгин, 1997. С. 506]) распространены как на территории европейского Северо-Востока, так и в Нижнем Приобье, на полуострове Ямал [Мошинская, 1953. С. 107-111, 118; Федорова, 2000. С. 63]. Это дает возможность рассматривать носителей бичевницкой археологической культуры в качестве одного из ретрансляторов культурных новаций в обоих регионах. Наряду с керамическими комплексами параллели прослеживаются в погребальном обряде, различных типах металлических изделий [Васкул, 2002. С. 19-20]. Возможно, именно с бичевницким населением проникают на верхнюю Вычегду такие характерные для культур Западной Сибири приемы орнаментации керамики как нанесение ямок изнутри сосудов.

Новые данные о контактах населения европейского Северо-Востока и Западной Сибири были получены в ходе раскопок могильника бичевницкой АК на боровой террасе оз. Пожемты, выявленного в окрестностях д. Адзьва Интинского района Республики Коми в 2001 г. и исследовавшегося в 2003 г. За два года полевых исследований изучены три погребения. В захоронениях расчищены остатки разнообразных внутри могильных конструкций, обнаружен погребальный инвентарь, включающий бронзовые изделия, керамику. Фрагменты глиняных сосу-

дов, обломок глиняной фигурки птицы найдены в межмогильном пространстве. Материалы этого памятника, наряду с одновременными захоронениями Шиховского могильника на средней Печоре, впервые дают возможность охарактеризовать погребальный обряд носителей бичевницкой культуры, выделить характерные категории погребального инвентаря.

Наиболее значимыми для рассматриваемой темы являются материалы погребения № 3, вероятная дата совершения которого по данным радиоуглеродного анализа конец I – середина II в. н.э. (LE-6865: 1880±BP, калиброванные даты: вероятность 68,2%: 80AD(64,7%)140AD, 160AD(2,6%)170AD, 200AD(0,9%)210AD; вероятность 95,4%: 70(95,4%)220)*. Могильная яма имела округлую в плане форму, слегка наклонные стенки и плоское дно. Внутри могилы был установлен деревянный короб (?), в котором находились останки усопшего (кальцинированные и «сырые» кости) и погребальный инвентарь. Рядом с захоронением, с северо-запада и востока от него, были зафиксированы два пятна прокала, в одном из которых были обнаружены фрагменты сосуда бичевницкого типа. В верхней части могильной ямы расчищены фрагменты керамики, украшенной по шейке каннелюрами, овальными вдавлениями и ямками (рис. 1, 7). Керамика, близкая по орнаментации шейки к найденной в могиле, по мнению А.М.Мурыгина, относится к раннебичевницким типам [Мурыгин, 1997. С. 506].

На дне могилы были найдены четыре бронзовые круглые бляхи, поверх которых лежали два бронзовых перстня, под бляхами и рядом с ними располагались остатки «сырых» бедренных и тазовых костей. Бляхи различались между собой по размерам. Две из них имели диаметр 9,2 см и отверстие для крепления к основе в центре (рис. 1, 1-2). Подобные изделия типичны для памятников Западного Приуралья первых веков нашей эры [Генинг, 1970. С. 163; Голдина, 1999. С. 223]. На территории европейского Северо-Востока они известны в составе клада на р. Сопляс [Буров, 1989. С. 8], погребениях Шиховского могильника, погр. 1 на оз. Пожемты.

Еще одна бляха диаметром 11,4 см также имела отверстие для крепления к основе в центре, от которого в виде лучей отходили пять лепестков, обрамленных двумя кругами (рис.1, 6). Подобные изделия также характерны для приуральских памятников раннего железного века [Голдина, 1999. Рис. 123, 24]. Последняя бляха диаметром 11,7 см была изготовлена из зеркала с боковой ручкой-штырем, которая

---

* Авторы выражают искреннюю признательность Г.И. Зайцевой (ИИМК РАН, г. Санкт-Петербург) за проведенный анализ.

предварительно была отпиlena (рис. 1, 5). В центре изделия находилось отверстие для крепления к основе, по краю нанесены насечки треугольной формы. Зеркала с боковой ручкой-штырем и украшения из них были широко распространены в памятниках второй половины I тыс. до н.э. – начала I тыс. н.э. [Степи европейской части... С. 174, 187-188]. На территории европейского Северо-Востока подобные изделия найдены в погребениях могильников Новый Бор I и Шиховского, на Хэйбидя-Пэдарском жертвенном месте, поселении Вис II и в составе клада на р. Сопляс [Буров, 1989. С. 8; Васкул, 1997. С. 374; 2002]*. Близкой аналогией нашему изделию является зеркало с боковой ручкой-штырем, декорированное по краю мелкими треугольными насечками, находящееся в собрании Ханты-Мансийского музея [Чернецов, 1953. Табл. XIV, 4]. Различие между двумя предметами заключается в том, что центре зеркала из Ханты-Мансийска находится умбоновидный выступ.

Уникальной находкой для памятников эпохи железа на территории европейского Северо-Востока являются бронзовые массивные овально-щитковые перстни (рис. 1, 3-4). Длина щитка 4,4 – 4,5 см, ширина – 2 см. Перстни богато орнаментированы. В центре щиток украшен шаровидными выпуклинами, под каждой из которых находятся по три мелких точечных выпуклины. От боковых частей щитка центр отделен гладкими рельефными линиями. По обе стороны от рельефных линий нанесен сложный геометрический узор, представляющий собой три соединенных друг с другом ряда «уточек» (два ряда развернуты влево, один – вправо). В материалах археологических культур Западного Приуралья подобные изделия неизвестны.

В то же время массивные овально-щитковые перстни известны в Западной Сибири в материалах кулайской культурной общности (городища Няксимволь, Усть-Полуйское – [Чернецов, 1953. Табл. IV, 9, 10]) и сменяющей ее релкинской археологической культуры второй половины I тыс. н.э. (могильники Релка, Красный Яр I – [Чиндина, 1991. Рис. 32, 32, 34-35]; погребение кургана 35 Тимирязевского I курганного могильника – [Беликова, Плетнева, 1983. С. 83, рис. 42, 6]), где входят в состав предметов, определяющих этнографический облик культуры [Чиндина, 1991. С. 66]. Близки размеры этих украшений (длина щитка у перстня из Усть-Полуя 4,25 см [Чернецов, 1953. С. 135]). Для кулайских (усть-полуйских) металлических изделий характерно украшение шаро-

---

*Обращает на себя внимание совпадение состава находок из захоронений могильника на оз. Пожем-ты и клада на р. Сопляс. Это дает возможность предположить, что «сопляские» вещи происходят из разрушенного захоронения эпохи железа.

видными выпуклинами, уточками [Чернецов, 1953. Табл. III, 3-4, IV, 9, 10; Чиндина, 1984. Рис. 8, 23]. Геометрический узор на щитках перстней из погребения 3 на оз. Пожемты в целом соответствует второй группе усть-полуйских орнаментов [Мошинская, 1953. С. 105. Табл. XVII, 2]. Представляется, что приведенные данные позволяют сделать вывод, что в Северное Приуралье перстни попали с территории Западной Сибири, где был центр их бытования в I тыс. н.э., и являются надежным свидетельством этнокультурных связей населения двух регионов в эпоху раннего железа.

Литература

Ашихмина Л.И., Васкул, И.О. Памятники ананьинской культурной общности // Археология Республики Коми. М.: ДиК, 1997. С. 314-348.

Беликова О.В., Плетнева Л.М. Памятники Томского Приобья в V-VIII вв. н.э. Томск: Изд-во ТомскГУ, 1983. 244 с.

Буров Г.М. Древний Синдор. М.: Наука, 1967.

Буров Г.М. Железный век Крайнего Европейского северо-востока (от начала до столетия VIII н.э.). Симферополь, 1989. 48 с. – Рукопись депонирована. № 38239.

Васкул И.О. О контактах населения Европейского Северо-Востока с носителями кулайской археологической культуры в конце I тыс. до н.э. – первой половине I тыс. н.э. // Проблемы культурогенеза и культурное наследие. Часть II. Археология и изучение культурных процессов и явлений. СПб., 1993. С. 120-121.

Васкул И.О. Памятники гляденовской культурной общности // Археология Республики Коми. М.: ДиК, 1997. С. 349-399.

Васкул И.О. Шиховской могильник раннего железного века (первые результаты исследований). Сыктывкар: Изд-во Коми НЦ УрО РАН, 2002. 52 с. (Научные доклады / Коми научный центр УрО РАН. Вып. 451).

Генинг В.Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьноборскую эпоху. Ижевск, 1970. 256 с.

Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск: Изд-во УдГУ, 1999. 464 с.

Канивец В.И. Древние поселения Южно-Печорской равнины // Древние поселения на Печоре и Вычегде. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1965. С. 3-100 (Материалы по археологии Европейского Северо-Востока. Вып. III).

Канивец В.И. Печорское Приполярье. Эпоха раннего металла. М.: Наука, 1974. 152 с.

Мошинская В.И. Материальная культура Усть-Полуя // Древняя история Нижнего Приобья. М.: Наука, 1953. С. 72-106. (Материалы и исследования по археологии СССР. Т. 35).

Мошинская В.И. Керамика усть-полуйской культуры // Древняя история Нижнего Приобья. М.: Наука, 1953. С. 107-120. (Материалы и исследования по археологии СССР. Т. 35).

Мурыгин А.М., Королев К.С., Ляшев В.А. Миграционный фактор в развитии средневековых культур Северного Приуралья. – Сыктывкар: Изд-во Коми филиала АН СССР, 1984. 56 с. (Научные доклады / Коми филиал АН СССР. Вып. 105).

Мурыгин А.М. Печорское Приуралье: эпоха средневековья. М.: Наука, 1982. 182 с.

Мурыгин А.М. Памятники позднего железного века лесной и тундровой полосы Печорского Приуралья // Археология Республики Коми. М.: ДиК, 1991. С. 478-560.

Мурыгин А.М. Особенности культур раннего средневековья (V–X вв. н.э.) Печорского Приуралья // Коренные этносы европейской части России на пороге нового тысячелетия: история, современность, перспективы: Материалы Международной научной конференции. Сыктывкар, 2000. С. 199-202.

Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1989. 464 с.

Федорова Н.В. Олень, собака, кулайский феномен и легенда о сихиртя // Древности Ямала. Екатеринбург–Салехард: УрО РАН, 2000. Вып. 1. С. 54-66.

Чернецов В.Н. Бронза усть-полуйского времени // Древняя история Нижнего Приобья. М.: Наука, 1953. С. 121-178. (Материалы и исследования по археологии СССР. Т. 35).

Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху раннего железа. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1984. 256 с.

Чиндина Л.А. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1991. 182 с.

Публикация осуществлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 04-06-80411).

К.С.Королев

**КЛИМАТИЧЕСКИЙ ФАКТОР В ЭТНОГЕНЕЗЕ КОМИ-ЗЫРЯН
(ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛАМ СРЕДНЕЙ ВЫЧЕГДЫ)**

В результате многолетних археологических исследований, начатых с конца 50-х гг. прошлого века в долине средней Вычегды, к настоящему времени исследовано 15 поселений и два могильника ванвиздинской культуры (VI–X вв. н.э.), являвшейся базовой для формирования культуры непосредственных предков коми-зырян – перми вычегодской [Археология Республики Коми. С. 400-442].

Археологические материалы поселений эпохи раннего средневековья Шойнаты III, Угдым II, Угдым III и Угдым IV и др. позволяют сделать определенные выводы о характере поселений, хозяйственных занятиях и быте населения, о его мировоззренческих представлениях в данную эпоху, предположительно судить о демографических тенденциях.

Поселения неукрепленные, располагались по берегам рек. Некоторые из них имеют долговременный характер. В пользу такого предположения свидетельствуют многочисленные вещественные остатки (сотни и тысячи глиняных сосудов, десятки мощных очагов, хозяйственные и столбовые ямы). Не исключено существование на данных памятниках жилых и хозяйственных построек наземного типа, в том числе и срубных [Королев, 1997. С. 66-126; Королев, 2003. С. 47-52].

Следы местной металлургии и металлообработки на данных поселениях представлены обломками льячек и тиглей, фрагментами литейных форм, многочисленными шлаками и слитками металла. На поселении Угдым IV расчищены остатки примитивной печи-домницы [Королев, 2003. С. 30-34]. Все основные орудия изготовлены из железа – разнообразные наконечники стрел, ножи, крючки, шилья. Кремневые орудия представлены исключительно грубыми скребками для обработки шкур, встречаются костяные наконечники стрел. Набор орудий свидетельствует о сохранении традиционных занятий северных племен – охоты и рыболовства. Об этом же говорят и остеологические материалы: определены кости лося, бобра, птиц и рыб. Превалируют кости лося и

бобра. Охота на лося обеспечивала потребности населения в мясной пище и шкурах для изготовления одежды. Кости бобра свидетельствуют о существовании пушной охоты. Как известно, основным предметом обмена северных народов являлась пушнина. Об этом же свидетельствует находка оригинального бронзового предмета на поселении Угдым II с изображениями зверьков с пушистыми хвостами. По соотношению длины тела и хвоста, общим пропорциям головы, ног и ушей, можно предполагать, что древний автор изобразил промыслового зверька – соболя или куницу.

Материалы средневычегодских поселений эпохи раннего средневековья свидетельствуют о развитии керамического производства, прядения (находки пряслиц), обработке дерева, кости и кожи. В целом экономика ванвиздинского общества характеризуется сочетанием присваивающих форм хозяйства – охоты и рыболовства – с производящими – металлургией и металлообработкой.

Почти на всех исследованных памятниках ванвиздинской культуры средней Вычегоды отсутствуют костные остатки домашних животных (исключение составляет поселение Шойнаты III, где найдены единичные кости крупного рогатого скота). На поселениях Угдым II и Угдым III отсутствуют кости лошади, однако найдены бронзовые коньковые подвески, украшенные солярными символами, аналогичные выявленным в курганных могильниках бассейна Вычегоды и Прикамья. На поселении Угдым III найден глиняный сосуд с оригинальным орнаментом. Орнаментальный фриз по верхней части сосуда состоит из изображений скачущих лошадей, выполненных гребенчатой техникой. Как подвески-коньки, так и глиняный сосуд датируются по аналогиям приблизительно серединой I тысячелетия н.э., но не позднее VI в. н.э. Из археологических материалов известно, что южные скотоводческие группы населения с курганным обрядом погребения, имевшие давние традиции занятий коневодством, проникли в бассейн Вычегоды в эпоху великого переселения народов в середине I тысячелетия н.э.

В это время на средней Вычегоде появляются поселения с керамикой шойнатыйского типа, документирующей взаимодействие местных и пришлых племен [Мурыгин, Королев, Ляшев, 1984. С. 20]. Среди подобных поселений наиболее показательными являются Шойнаты II и Угдым III, основная масса культурных остатков на них датируется V–VI вв. н.э. По мнению автора, существенное потепление в Европе, установившееся в Европе в эпоху малого климатического оптимума в VIII–XIII вв. [Борисенков, Пасецкий, 1988. С. 62-65], не явилось одномоментным явлением. Логично предполагать, что естественные климатообразующие факторы действовали постепенно, вероятно, еще до

VIII в. наблюдалась благоприятная для жизнедеятельности человека тенденция изменения погодных условий в Вычегодском крае. Не исключено, что данное обстоятельство сыграло не последнюю роль в притоке южных групп населения в данный регион в середине I тысячелетия н. э.

По мнению автора, изображения лошадей на поселениях средней Вычегды свидетельствуют об установлении разнообразных связей между пришлыми группами скотоводов и местным охотничье-рыболовческим населением (обмен, браки и т.п.). Процесс смешения, вероятно, был облегчен наличием среди пришельцев родственных групп населения прикамского происхождения. По всей видимости, в эту эпоху местное вычегодское население, впервые познакомившись с коневодством, постепенно переняло у пришлых групп населения вместе с хозяйственными и мифологические традиции почитания лошади, культ коня.

В бассейне Вычегды курганные могильники к VII в. н.э. сменяются грунтовыми захоронениями, характерными для местного населения [Королев, 1977. С. 112-119], происходит постепенное смешение населения, ассимиляция пришлых групп аборигенами. Пришлый южный этнический элемент явился одним из компонентов формирования населения ванвиздинской культуры. Возможность проникновения отдельных групп прикамского населения не исключается и в более поздний период (VIII–IX вв.). Свидетельством этого может являться керамика, близкая по облику ломоватовской, на поселении Угдым II [Королев, 1997. С. 130].

Существенное изменение климата в сторону потепления в Европе в VIII–XIII вв. н.э. способствовало, по мнению автора, оптимизации жизнеобеспечения аборигенного населения Вычегодского края, богатого дичью, зверем и рыбой. Это обстоятельство вызвало, вероятно, определенный рост народонаселения ванвиздинской культуры в VII–IX вв. На это указывает резкое увеличение массы культурных остатков на некоторых средневычегодских поселениях в эту эпоху. В частности, на поселении Шойнаты III из общего количества 1037 сосудов, 71% относится к данному промежутку времени [Королев, 1997. С. 72-81].

Таким образом, можно предполагать, что наступление малого климатического оптимума способствовало сложению и развитию ванвиздинской культуры, генетически связанной с культурой перми вычегодской – непосредственных предков коми-зырян (XI–XIV вв.), которая сложилась на основе ванвиздинской. В XII–XIII вв. долина средней Вычегды являлась малонаселенной восточной периферией перми вычегодской с редкими охотничье-рыболовческими факториями. В результате многолетних исследований здесь открыто и изучено всего шесть небольших могильников (71 погребений) предков коми-зырян, относящихся к рассматриваемой эпохе [Королев, 2003].

В отличие от вымских и нижневыхгодских памятников на средней Вычегде не выявлены следы занятий земледелием. Многочисленные и разнообразные орудия охоты и рыболовства, остеологические материалы свидетельствуют о преобладающей роли охоты и рыбной ловли в хозяйственной деятельности. Значительное развитие получает пушной промысел, пушнина являлась главным богатством Вычегодского края. Материалы памятников свидетельствуют, что в обмен на меха сюда поступали дорогие изделия из серебра, бусы из ювелирных камней, янтаря, другие украшения как восточного (через Волжскую Булгарию), так и западного происхождения (через Прибалтику и Северо-Западную Русь). Не исключено, что некоторые вещи родановского происхождения (якорьковые шумящие подвески, трубчатые пронизки и т.п.) могли попасть на Вычегду с Верхней Камы не только в результате торгового обмена, но и брачных связей между родственными племенами предков коми-зырян и коми-пермяков.

Уникальный древний промысловый календарь, не имеющий аналогов на севере Евразии, найденный на средней Вычегде, является документальным свидетельством существования охоты на лося, северного оленя, медведя, бобра, лису, соболя, куницу, горностая и белку [Королев, 1976. С. 24; Конаков, 1987]. Древние охотничьи традиции, постоянные наблюдения за жизнью обитателей тайги позволяли охотиться на них в оптимальные сроки, без ущерба для их поголовья. Все это говорит об устойчивом и хорошо адаптированном к местным природным условиям комплексе жизнеобеспечения у предков коми. Центром формирования и консолидации коми племен в это время являлась долина р. Выми (правый приток Вычегды) [Савельева, 1971; 1987]. Здесь исследовано 14 могильников, в их числе самые крупные, насчитывающие более 200-300 погребений [Савельева, 1987. С. 9-33; Археология Республики Коми. С. 574-577]. Всего изучено около 1500 погребальных комплексов перми вычегодской, из них 1124 на Выми [Савельева, 1987. С. 184].

О демографических тенденциях в эпоху перми вычегодской невозможно что-либо сказать на основе поселенческих материалов, так как известны только единичные памятники такого рода. Кое-какие косвенные материалы о народонаселении могут дать только погребальные памятники. Анализируя данные по опубликованным работам о хронологии погребальных комплексов перми вычегодской, оказывается, что наибольшее количество погребений (более 900) приходится на XII–XIII вв., а это косвенно может свидетельствовать о количественном росте населения вымской культуры в данный период. Это был период консолидации и сложения коми-зырянских племен с центром на Выми, основ-

ным содержанием которого было начало формирования народности коми-зырян [Савельева, 1995. С. 3].

Возвращаясь к эпохе малого климатического оптимума, который завершился в XIII вв. [Борисенков, Пасецкий, 1988. С. 62-65], можно предполагать, что благоприятные климатические условия создавали оптимальные возможности для развития культуры предков коми-зырян, для роста народонаселения. Надо отметить, что после XIII в. на средней Вычегде отмечено отсутствие постоянных поселений коми-зырян, они появились здесь только в конце XIV – начале XV вв. [Жеребцов, 1982. С. 75]. Это было обусловлено, вероятно, не только «вогульской» опасностью с востока, но и неблагоприятными погодными условиями в Восточном Привычегдье в связи с наступлением малого ледникового периода в конце XIII–XIV вв. [Борисенков, Пасецкий, 1988. С. 65].

Таким образом, обе этнообразующие археологические культуры предков коми-зырян возникли и получили благоприятный импульс для последующего развития в период малого климатического оптимума в Европе в VIII–XIII вв. Археологические данные не противоречат данному тезису.

Литература

- Борисенков Е.П., Пасецкий В.М. Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы. М., 1988. 526 с.
- Жеребцов Л.Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. М., 1982.
- Археология Республики Коми. М., 1997. 758 с.
- Конаков Н.Д. Древнекоми промысловый календарь (стиль календаря). Сыктывкар, 1987. С. 24.
- Королев К.С. Работы в Шойнатыйском микрорайоне. М., 1976.
- Королев К.С. Население средней Вычегды в древности и средневековье. Екатеринбург, 1997. 193 с.
- Королев К.С. Угдымский археологический комплекс на средней Вычегде. Сыктывкар, 2002. 109 с.
- Мурыгин А.М., Королев К.С., Ляшев В.А. Миграционный фактор в развитии средневековых культур Северного Приуралья. Сыктывкар, 1984. 55 с.
- Савельева Э.А. Пермь вычегодская. М., 1971. С. 223.
- Савельева Э.А. Вымские могильники XI–XIV вв. Ленинград, 1987. С. 200.
- Савельева Э.А. Европейский Северо-Восток в эпоху средневековья. Сыктывкар, 1995. 20 с. (Научные доклады / Коми научн. центр УрО РАН. Вып. 358).

Публикация осуществлена при поддержке программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Этнокультурное взаимодействие в Евразии» (проект «Этнодемографические процессы на севере Европейской России»).

М.В.Кленов

**ЕВРОПЕЙСКИЙ СЕВЕРО-ВОСТОК В XI–XIV ВЕКАХ
(К ВОПРОСУ О СИСТЕМЕ РАССЕЛЕНИЯ)**

Проблема истории формирования и развития современных финно-угорских народов, в том числе и народа коми, относится к числу сложных исторических проблем, предполагающих необходимость комплексного подхода к ее решению.

Изучение процессов формирования народонаселения играет важную роль в исследовании многих аспектов истории народов и регионов европейского Северо-Востока (далее ЕСВ). Необходимо подчеркнуть, что исследования в данной области актуальны не только при изучении различных аспектов древней и средневековой истории отдельного региона. Актуальность проблематики гораздо глубже, что неоднократно отмечалось в работах российских исследователей. Известный специалист в области историко-демографических исследований европейского Севера д.и.н. И.Л.Жеребцов отмечает, что исследование населения Европейского Севера и территории Коми края как его составной части, являющегося районом совместного проживания различных народов, зоной интенсивных межэтнических контактов, позволяет дополнить картину формирования многонационального Российского государства, лучше понять корни межнациональных отношений, которые в настоящее время служат объектом пристального внимания [Жеребцов, 1996].

Работы историко-демографической направленности, посвященные ранним этапам истории ЕСВ, практически отсутствуют, что объясняется недостатками источниковедческой базы имеющейся в распоряжении исследователей. Отсутствие письменных документов, содержащих какую-либо информацию о численности населения ЕСВ за период до конца XV в., позволяло историкам лишь вскользь коснуться данной проблематики [Жеребцов, 1996. С. 52]. В сложившейся ситуации решающую роль, очевидно, следует отводить источниковедческой базе, предоставляемой археологией. Первые попытки совместных работ в

русле историко-демографической направленности были предприняты в последние годы [Жеребцов, Королев, 2000; Жеребцов, Кленов, 2002].

Необходимость таких исследований связана также с активно проводящимися на территории Русского Севера, в Поволжье и Приуралье работами подобной направленности, давшими интереснейший материал по истории населения XI–XIII вв. [Макаров 1990, 1997; Иванова 1992, 1998, 1999]. Таким образом, в настоящий момент возникла необходимость получить новые данные, дополняющие характеристику демографических процессов протекавших на севере Восточной Европы в эпоху средневековья.

В настоящей работе рассматривается период XI–XIV вв. Выбор хронологических рамок исследования объясняется следующей причиной: период начала – середины II тыс. является одним из важнейшим для истории народов ЕСВ. В это время закладываются основы для формирования народности коми-зырян (в археологической литературе соотносится с культурой Перми вычегодской), происходит включение территории их обитания в состав Русского государства.

Автор не ставит перед собой задачи историко-демографического или палеодемографического анализа в их традиционном понимании, процесса формирования населения на территории ЕСВ в период XI–IV вв. Для подобной работы в настоящее время исследователи не располагают источниками достаточного объема и качества. Не является она традиционным археологическим исследованием, так как не содержит детального анализа археологических материалов (однако это не означает, что подобная работа не проводилась). Предлагается скорее историко-демографическая *оценка* ситуации на основе имеющегося комплекса источников и построение *вероятной модели* системы расселения. Подобные процедуры широко используются в демографических исследованиях и связываются с понятиями «условное», «модельное или гипотетическое» население.

В работе используется комплекс источников (письменных и археологических), доступный в настоящее время. Все данные содержатся в публикациях или были получены автором в ходе проведения самостоятельных экспедиционных исследований. Случайные находки, отдельные погребения и неподтвержденные данные о существовании памятников в работе не учитываются.

Состояние базы источников (письменных и археологических).

В региональной историографии в течение ее длительного развития сформировался определенный, устоявшийся стереотип решения проблемы формирования общности финно-угорского населения на территории ЕСВ в эпоху средневековья. Один историографический обзор

данной темы может составить самостоятельное исследование. В силу данного обстоятельства автор использует в основном опубликованные в последние годы обобщающие работы, посвященными древней и средневековой истории финно-угорского населения ЕСВ [Археология Республики Коми; Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века].

Письменные источники. Составляют небольшой, но наиболее противоречивый блок и включают в основном небольшую группу древнерусских и русских известий датируемых X–XIV вв. Ранние источники (X – первой половины XIV вв.) демографических сведений не содержат, лишь упоминают некую «пермь» (без ее четкой локализации). В настоящее время исследователями, как правило, признается вывод, что происхождение названия «пермь» связано с древнескандинавским **berm-*, **barm-* (**Vegeta*, **Veget.a*) – «край», «борт», «береговая полоса» и прибалтийско-финским *rega-maa* («задняя земля; земля за рубежами»). Таким образом, под названием «пермь» понимается географический термин прибалтийско-финского происхождения, обозначающий «край земли» – территорию от Кольского полуострова до Приуралья, который в процессе продвижения русских колонистов на ЕСВ был перенесен на соседние с прибалтийскими финнами народы и стал этнонимом для предков коми [Савельева, 1999. С. 303]. Однако весь спектр приводимых в работах аргументов ведет к перемещению акцента рассуждений из плоскости географической в этническую, представлению о «перми» как термине, основным содержанием которого является какое-то население, народ, а не территории. Представляется, что более правы те исследователи, которые считают, что твердо связывать Пермь из ПВЛ с народом и территориями Пермского и даже Северного Предуралья нельзя. Подобная точка зрения в последнее время наиболее детально и логично была изложена в работах ряда российских исследователей [Белавин, 2000; Головнев, 2002]. Таким образом, в настоящей работе термин «пермь» используется лишь в качестве сокращенного названия археологической культуры Пермь вычегодская.

Археологические источники. Ввиду недостаточной информативности письменных источников ведущее место отводится блоку данных, полученных в ходе археологических исследований. Начало планомерного изучения памятников эпохи средневековья на территории ЕСВ относится к 60-м гг. XX в. и связывается с работами Э.А.Савельевой в бассейнах Вычегды и Мезени. Первые итоги исследований были подведены ею в обобщающей монографии, где была выделена вымская культура перми вычегодской, разработана ее хронология и периодизация, выявлены особенности культуры, намечены локальные варианты [Савельева, 1971].

В 70-е гг. XX в. начинается углубленное изучение памятников эпохи средневековья на территории ЕСВ. Э.А.Савельевой были проведены исчерпывающие раскопки ряда вымских могильников, вскрыто более 1000 погребальных комплексов [Савельева, 1987]. К.С.Королевым на основе изучения средневычегодских памятников был выделен новый локальный вариант вычегодских пермян [Королев, 1979], Т.В.Истоминой, Н.Н.Чесноковой, Л.Л.Косинской и М.В.Кленовым открыты и исследованы могильники на Вычегде, Выми и Сыsole.

В результате многолетних работ были выделены характерные особенности культуры Перми вычегодской, разработана ее хронология, большое внимание было уделено рассмотрению слабо исследованных и дискуссионных проблем этногенеза народа коми, генезиса его культуры, определению основных компонентов, реконструкции социально-экономической структуры общества древних обитателей ЕСВ. В обобщающих работах нашли дальнейшее развитие идеи, сформулированные Э.А.Савельевой в предшествующие годы [Савельева, 1987; Савельева и др., 1997].

В результате активной публикации материалов археологических исследований на территории ЕСВ к концу 90-х гг. XX в. в литературе сложилось представление о «консолидированном» массиве финно-угорского населения, занимающего обширную территорию ЕСВ. Однако вопросы историко-демографической или палеодемографической направленности при изучении процесса формирования населения на территории ЕСВ, как правило, никем не затрагивались.

Пермь вычегодская. Согласно существующей концепции, по археологическим источникам, Пермь вычегодская занимала обширную территорию, включающую бассейн нижней и средней Вычегды с притоками Вымь, Яренга, Сыsole, а также Прилузье и бассейн р. Вашки. На очерченной территории к данной археологической культуре относятся 36 памятников. Все памятники подразделяются на шесть локальных вариантов культуры, соответствующих территориально-племенным объединениям коми-зырян: вымский (15 могильников и одно поселение), нижневычегодский (шесть могильников), средневычегодский (четыре могильника, одно святилище), сыsoleский (четыре могильника), прилузский (один могильник) и удорский (два могильника) [Савельева и др. 1999. С. 309].

В этот перечень не вошли могильник и комплекс поселенческих памятников на Выми (три городища и поселение), поселение на Сыsole (городище Гуль-Чунь), комплекс памятников на р. Лузе (Лоемский могильник, поселение и местонахождение), а также ряд других памятников (городище Новик, средневековые комплексы на памятниках средней и

верхней Вычегды). Очевидно, основной причиной могла являться связь данных памятников с процессом древнерусской колонизации европейского Севера. Однако древнерусские материалы, как отмечают сами исследователи, характерны для всех памятников рассматриваемого периода, что приводит нас к полному непониманию причин подобной выборки. В то же время в перечень включены небольшие по размерам Усть-Сысольский и Вотчинский могильники, датируемые XI в. Указанные могильники располагаются в долине р. Сысолы и ее устьевой части, близки по комплексам вещевого инвентаря и, вероятно, могут «документировать существование территориальной группы населения, оставившей памятники близкие синхронным памятникам Прикамья – родновским, чепецким, а также древнемарийским» [Истомина, 1999. С. 99].

Всего, по имеющимся данным, на территории ЕСВ известно не менее 35 могильников и 8 поселенческих памятников, относящихся к рассматриваемому периоду. Наиболее представительную (и изученную) группу составляют погребальные памятники. Общее количество погребений составляет около 2450, из них раскопано около 1560 (опубликовано не более половины исследованных погребальных комплексов), антропологические определения отсутствуют. Хорошо известно, что при проведении оценки демографической ситуации региона для периода, источниковедческая база которого базируется на археологических данных, наиболее целесообразным является использование информации, получаемой при исследовании именно погребальных памятников, предоставляющих исследователям возможность получения максимального объема данных по проблематике (от определения времени и места обитания, до антропологических характеристик) [Алексеев, 1989; Долуханов, 1978; Черносвитов, 1989]. При этом необходимо отметить, что для проведения демографических подсчетов наиболее перспективными являются памятники, отвечающие нескольким требованиям состояния их информативной базы. Во-первых – имеющие максимально точно определенные хронологические рамки функционирования. Во-вторых – исследованные полностью и, желательно, широкими площадями (для получения максимально полной информационной базы). К сожалению, до сих пор отсутствуют полные публикации материалов нескольких наиболее значимых погребальных памятников (Жигановского, Кокпомъягского, Чежтыягского и, частично, Кичилькосьского I могильников).

Наибольший интерес для данной работы представляют крайние точки существования рассматриваемого явления. Как указывалось выше, разработка проблемы хронологии и периодизации перми была завершена к концу 80-х гг. XX в. В работах Э.А.Савельевой было выявлено шесть хронологических групп погребальных памятников Перми

вычегодской [Савельева, 1987. С. 151-164; Савельева и др., 1997. С. 605-608].

В обобщенном виде на основании опубликованных материалов, можно рассматривать следующую картину функционирования погребальных памятников XI–XIV вв. на территории ЕСВ: XI в. – функционируют в основном небольшие средневычегодские могильники и Кичилькосьский I. В первой половине – середине XII в. средневычегодские могильники прекращают функционировать, начинает функционировать Чежтыягский (Н.Вычегда), Ыджыдзельский, Жигановский, Кокпомъягский, Ветьюсский, Вадьягский, Петкойский, Кедвавомский могильники (р. Вымь). В течение XII в. прекращается деятельность Петкойского и Кедвавомского могильников, но начинается на Веслянском II, Ленском (Н. Вычегда), продолжают существовать остальные крупные вымские могильники. В XIII в. исчезают Кичилькосьский I, Веслянский II, появляется и исчезает Кичилькосьский II. В XIV в. прекращают функционировать Ыджыдзельский, Жигановский, Кокпомъягский, Вадьягский могильники, появляются Векшорский (Луза), Чернутаевский и Вильгортский могильники (Мезень).

Одним из наиболее важных и довольно спорных моментов является определение начального периода существования Перми вычегодской. Особенно актуален этот вопрос стал в последние годы, когда в работах российских археологов все чаще стали приводятся факты более длительного существования многих типов вещей, являвшихся прежде надежными хронологическими маркерами.

К наиболее ранней хронологической группе, датируемой XI в., отнесены Усть-Сысольский, ранние комплексы Кичилькосьского I и большая часть могильника Шойнаты II [Савельева, 1999. С. 339]. Проведенный автором анализ опубликованных материалов позволил высказать предположение об отсутствии на памятниках (исключая Усть-Сысольский и Вотчинский могильники) погребений, датируемых первой половиной XI в. (полностью отсутствуют наборы предметов, характерных для данного периода). Датировка комплексов по **отдельным** предметам, время бытования которых в основном заканчивается в данный период, не может являться надежной. Примером может являться использование в качестве «хронологических маркеров» XI в. таких изделий: крестопрорезные бубенчики (бытуют до 1134 г. и позднее), калачевидные кресала различных типов (до 1177 г. и позднее), битрапецидные бусы разных типов (до 1134 г. и позднее), широкосрединные «усатые» перстни (X – начало XIII вв.), бронзовые флаконовидные бусы, монетные находки (встречаются в погребениях второй половины XII в., иногда XIII в.) [Потин, 1982; Седова, 1981; Лесман, 1988; Рябинин, 2001

и др.]. Таким образом, наличие в погребальных комплексах единичных «ранних» предметов совсем не гарантирует «раннюю» дату погребения и, следовательно, можно говорить лишь о возможности существования отдельных комплексов конца XI в. на могильниках Кичилькосьском I, Жигановском и Шойнаты II. Это предположение не противоречит общей датировке могильника Шойнаты II – XI–XII вв. [Королев, 1979].

Рассматривая общую картину распределения погребальных памятников, на основании данных приведенных в работах Э.А.Савельевой, и предполагая, что фиксируемые в ней изменения соответствуют изменениям в системе расселения, можно говорить о трех основных этапах изменений в формировании системы расселения на основной территории Перми вычегодской: 1. Середина XII в. характеризуется прекращением функционирования средневычегодской группы памятников, появлением и распространением небольших (до 40 погребений) могильников в долине Выми. 2. Рубеж XII–XIII вв. – время концентрации и укрупнения памятников, в основном, в среднем течении Выми. 3. XIV в. – период прекращения функционирования вымской группы памятников, появления могильников на Лузе и Мезени.

Проведенный анализ данных по погребальным памятникам рассматриваемого периода показывает, что их основная концентрация наблюдается в долине р. Вымь, что позволяет рассматривать данный регион в качестве основного места расселения перми*.

На данной территории известен 21 памятник, из них 16 могильников (50% от общего количества). На могильниках насчитывается около 1820 погребений (74,5% от общего количества), из них раскопано – 1167 (74,7% от общего количества и 64% от количества погребений в долине Выми). Девять могильников имеют незначительные размеры и насчитывают от 7 до 42 погребений (всего 223 погребения), семь могильников насчитывают от 105 до 400 погребений (1597 погребений). Восемь могильников исследованы полностью. Общая протяженность зоны распространения памятников составляет около 220 км, район наибольшей концентрации – около 135 км. Максимальная зона распространения малых могильников составляет около 220 км, крупные могильники концентрируются на участке протяженностью около 90 км.

Согласно опубликованным данным семь малых могильников датируются временем до XIII в., два – рубежом XII–XIII вв. (Кичилькосьский II и

---

*Расчет численности населения по погребальным памятникам в других районах ЕСВ дает настолько незначительные результаты, что в данной работе не используется. Максимальное количество населения было рассчитано для могильников нижней Вычегды – 71-84 чел.

Веслянский II). Верхняя дата функционирования семи крупных могильников – XIII–XIV вв.

Наиболее ранние комплексы, как указывалось выше, могут предположительно датироваться временем не ранее конца XI в. Расстояние между Кичилькосьским I и Жигановским могильниками, где встречены данные погребальные комплексы, составляет около 43 км. Предположение об отсутствии комплексов данного времени на других вымских могильниках высказывалось ранее [Жеребцов, Кленов, 2002]. Комплексы XII в. присутствуют практически на всех вымских могильниках (исключение составляют Кичилькосьский II и Веслянский II). Картографирование памятников и определение расстояния между ними показывают, что среднее расстояние между могильниками, содержащими комплексы XII в., на участке д. Весляна – д. Петкой составляет 8-10 км. Наиболее удаленным от основной группы памятников этого времени являются Кедвавомский (свыше 100 км), Гидсайгский (около 20 км), Часадорский (около 55 км), Лялинский (около 70 км) могильники. Погребальные памятники, содержащие комплексы XIII в., концентрируются в основном на участке д. Весляна – с. Шошка (расстояние около 60 км). Наиболее удаленными точками являются Кичилькосьский I (18-20 км) и Гидсайгский (27-28 км) могильники. Комплексы, датируемые XIV в., встречаются в основном на могильниках, расположенных на участке с.Кони – с.Шошка (около 42 км). Наиболее удаленным памятником является Гидсайгский могильник (27-28 км). Однако в силу его недостаточной изученности рассматриваться в группе памятников XIV в. он не будет.

Таким образом, представленная картина размещения погребальных памятников первой половины II тыс. н.э. в долине Выми позволяет предложить следующую модель возможного существования системы расселения в данном районе. Исходя из положения, что Пермь вычегодская формировалась на основе ванвиздинской культуры, следует отметить факт отсутствия на участке основной концентрации вымских могильников ванвиздинских памятников. Основной массив памятников ванвиздинской культуры расположен на средней Вычегде и в долине Мезени. Датируются они временем не позднее VIII в. н.э. (к более позднему времени исследователи относят материалы Лозымского поселения и некоторые типы керамики с вычегодских памятников). В среднем течении Выми к ванвиздинской культуре относятся комплекс памятников в районе д. Весляна и Евдино, датируемый временем не позднее VIII в., и небольшой металлообрабатывающий комплекс на Жигановском поселении. Наиболее близкими памятниками рубежа I–II тыс. н.э. являются поселения Ошчой I и Чернутьевское на Мезени, отра-

жающие процесс взаимодействия прибалтийско-финских, возможно, древневепсских и восточно-финских групп населения в ходе освоения бассейна Мезени в X–XI вв. [Мурыгин, 1998. С. 106-107]. Следовательно, говорить о возможности обитания стабильного населения в среднем течении Выми до момента ранее конца XI в. в настоящее время не представляется возможным. Изложенные выше, даже в самом общем виде данные позволяют предполагать, что в конце XI в. или на рубеже XI–XII вв. в долине Выми появляется небольшая группа населения, осевшая в районе порогов Кичилькось и д. Жигановка. На протяжении XII в. в силу естественного прироста или миграций численность населения увеличивается, растет зона освоенной территории, увеличивается количество могильников. Согласно приведенным выше данным, зона распространения погребальных комплексов XII в. охватывает территорию протяженностью свыше 200 км (не менее 13 могильников). Для данного периода можно произвести приблизительный оценочный расчет возможного количества населения. Исходными положениями для расчетов будут являться данные, полученные в ходе работ Н.А.Макарова на ряде памятников Волокославенского и Кенского регионов [Макаров, 1990. С. 96; 1997. С. 131-132], а также результаты работ автора, опубликованные ранее [Жеребцов, Кленов, 2002. С. 261-263]. При расчете по уровню смертности (за основу принимается уровень 3% в год) результат составляет 133 чел., при расчете по формуле Г.Ачади и И.Немешкери – 150 чел. Полученные результаты (133–150 чел.) следует воспринимать не в качестве точного количества населения, а как *возможный средний уровень населения с минимальным положительным коэффициентом прироста.*

Рубеж XII–XIII вв. характеризуется новыми изменениями в системе расселения обитателей долины Выми. Прекращают функционировать семь малых (до 40 погр.) могильников, начинает функционировать небольшой Веслянский II могильник, наблюдается укрупнение семи могильников, сосредоточенных на участке Кичилькось – Шошка. В течение первой половины XIII в. на данном участке формируется устойчивая группа памятников, включающая до восьми могильников и не менее четырех поселений (городища Пожегское и Поп-кар, Ыджыдьельское и Жигановское поселения). На основании опубликованных материалов представляется крайне затруднительным определить количество комплексов XIII и XIV вв. Однако, учитывая факт выделения исследователями незначительного количества погребальных комплексов, содержащих типы изделий, появляющихся в XIV в., можно предположить, что число погребений, относящихся к данной хронологической группе,

не превышает число погребений XII в. Таким образом, на период XIII в. остается примерно 990 погребений.

При расчете возможного среднего количества населения за XIII–XIV вв., при уровне смертности 3% в год, результат составляет 232 чел., при расчете по формуле Г.Ачади и И.Немешкери – 263 чел. При аналогичных расчетах за период XIII в. результат – 330 и 356 чел. Таким образом, можно предположить, что период начала – середины XIII в. характеризуется максимальным количеством населения, сконцентрированным на небольшой территории, центром которой является комплекс поселений. Данный факт тесно связан с одним из важнейших исторических процессов, сыгравшим огромную роль в формировании и развитии средневекового населения всей лесной зоны Восточной Европы и Западной Сибири. В исторической литературе этот процесс известен под названием «древнерусская колонизация» и его изучению посвящено большое количество работ. Рассмотрение данной проблематики, даже на региональном уровне, заслуживает специального исследования, что невозможно в рамках данной работы. Общая оценка роли древнерусской колонизации содержится в обобщающих работах по археологии Республики Коми, где отмечается, что «наиболее значимым по своим экономическим и политическим последствиям в истории народа коми было древнерусское культурное воздействие. Древнерусская колонизация привела к кардинальным изменениям во всех сферах жизнедеятельности местного населения» [Савельева и др., 1999. С. 315].

Рост численности населения и его концентрация совпадает с основанием и расцветом Пожегского городища (памятника, имевшего несомненное древнерусское происхождение). Таким образом, можно предположить, что формирование и рост группировки средневекового населения в долине Выми, прежде всего в ее среднем течении, неразрывно связаны с прохождением по данной территории одного из основных для XII–XIII вв. водноволоковых путей проникновения русских в Зауралье [Савельева, Кленов, 1997. С. 671]. Возможно, что одной из причин увеличения численности вымского населения в данный период могла являться его подпитка за счет мигрантов, привлеченных в новый регион торгово-промышленной активности. При этом, однако, не следует забывать, что миграционные процессы в ходе колонизации не носили массового характера, а осуществлялись небольшими группами населения.

Вероятно, сходными причинами могут объясняться изменения, фиксируемые на карте археологических памятников данного времени в других регионах ЕСВ. В долине Сысолы на рубеже XII–XIII вв. возникает небольшое поселение (городище Гуль-Чунь), основная часть мате-

риалов которого имеет выраженный древнерусский облик. На средней и верхней Вычегде этим временем датируются находки древнерусской керамики с поселения Угдым II и городище Новик. К XIII в. в долине Лузы относится возникновение Лоемского комплекса, связываемого с группой пришлого смешанного финно-славянского населения.

Следующий период (вторая половина XIII в.) характеризуется прекращением функционирования Кичилькосьского I могильника, постепенным угасанием комплекса поселений. Можно предположить, что до рассматриваемого времени в регионе господствовало комплексное хозяйство, товарность которого обеспечивалась, в первую очередь, разнообразными промыслами, прежде всего добычей пушнины и, не исключено, обслуживания торгового пути. Подобная направленность, вероятно, обусловила размещение населения компактной группой, что предоставляло большую возможность для использования имеющихся незначительных людских ресурсов (прежде всего для промыслов), позволяла концентрировать полученные продукты, облегчала их реализацию. Вероятно, в пользу этого предположения свидетельствует тот факт, что вымские могильники расположены на расстоянии 8-10 км друг от друга.

Наметившиеся во второй половине XIII в. негативные тенденции развития системы расселения на Выми, вероятно, могут объясняться несколькими причинами: упадком или прекращением функционирования торгового пути через долину Выми, быстрым истощением наиболее важных промысловых ресурсов.

Сходная картина изменений в организации системы расселения отмечается исследователями на материалах поселений Кубенского озера и Белоозерья, начиная со второй половины XII в. [Макаров и др., 2000. С. 70-72; Макаров и др., 2001].

Период XIV в., как уже упоминалось, представлен на вымских памятниках настолько незначительным количеством материалов, что исследователи затрудняются говорить о сколь-либо представительной группе погребальных комплексов данного времени. Зафиксированы лишь отдельные погребения на Ыджыдьельском и Кокпомъягском могильниках с характерными украшениями XIV в. (многобусинные височные кольца, перстень с солярным знаком). Данное обстоятельство, а также единичные находки рассматриваемого времени в комплексах Пожегского городища и Жигановского поселения, свидетельствуют о серьезных изменениях в организации системы расселения, приведших к смене старых мест обитания и, вероятно, сокращению численности населения долины Выми.

Проведенная в рамках данной работы оценка существующей базы источников XI–XIV вв. позволила высказать, пока в самом общем виде, предположение о значительно меньшей численности населения, обитавшего в рассматриваемый период на территории европейского Северо-Востока, и рассмотреть одну из вероятных моделей его формирования. Предварительные оценки численности населения ЕСВ, предпринимаемые ранее, базировались в основном на данных немногочисленных письменных источников конца XV–XVI вв. или историко-демографических оценках по сопредельным территориям, что давало, как правило, завышенные результаты. Общая численность населения определялась «не более 3–4 тыс. человек». Основным районом концентрации населения периода XI–XIV вв. называлась долина Выми, средняя и верхняя Вычегда считались сравнительно малонаселенной восточной периферией. Косвенным результатом расчетов являлось подтверждение сложившегося в литературе (но неподтверждаемое пока археологическими данными) представления о существовании массива стабильного финно-угорского населения, занимающего обширную территорию ЕСВ.

Полученные результаты приводят к предположению о несколько ином характере процессов формирования населения ЕСВ в рассматриваемый период. Можно предположить, что картина изменений в системе расселения ЕСВ и, прежде всего вымского региона, является своеобразным отражением основных закономерностей формирования населения всего Севера, определяющим фактором которого являлся процесс русской колонизации. В основе этого процесса лежало переселение небольших групп колонистов, их консолидация в локальные общности, быстрый демографический рост, связанный с освоением новых промышленных земель и торговых путей, и последующий спад, связанный с истощением основных ресурсов, прекращение торговли. Вероятно, именно кризис хозяйства на рубеже XIII–XIV вв. привел к затуханию вымского центра. Результаты процесса угасания старых центров и формирования новых нашли свое отражение в грамоте великого князя Ивана III жителям Перми вычегодской 1485 г., из текста которой следует, что основными центрами концентрации населения стали сысольские и нижневычегодские земли (около 57% населения).

Литература

- Археология Республики Коми. М.: ДиК, 1997. 758 с.
Алексеев В.П. Палеодемография: содержание и результаты // Историческая демография: проблемы, суждения, задачи. М.: Наука, 1989. С. 63-90.
Белавин А.М. Ранний этап «древнерусской колонизации» и проблема смены вмещающего этноса пермского Предуралья // Коренные этносы Севера

европейской части России на пороге нового тысячелетия: история, современность, перспективы. Сыктывкар, 2000. С. 146–150.

Головнев А.В. Бьярмия: неоконченная сага о крайней земле // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 2002. № 8.

Долуханов П.М. Истоки миграций (моделирование демографических процессов по археологическим данным) // Проблемы археологии. Л., 1978. Вып. II. С. 38–42.

Жеребцов И.Л. Население Коми края во второй половине XVI – начале XVIII в. Екатеринбург: УрО РАН, 1996. 258 с.

Жеребцов И.Л., Королев К.С. Климатический фактор в истории коми. Сыктывкар, 2000. 20 с. (Научные доклады / Коми научный центр УрО РАН. Вып. 425).

Жеребцов И.Л., Кленов М.В. Население Европейского Северо-Востока в XI–XVII вв. (опыт демографического моделирования) // Исторические истоки, опыт взаимодействия и толерантности народов Приуралья. Ижевск, 2002. С. 259–264.

Иванова М. Г. Погребальные памятники северных удмуртов XI–XIII вв. Ижевск, 1992. 184 с.

Иванова М. Г. Иднакар: Древнеудмуртское городище IX–XIII вв. Ижевск, 1998. 294 с.

Иванова М. Г. Удмурты // Финно-угры Поволжья и Урала в средние века. Ижевск, 1999. С. 207–254.

Кленов М.В. Ыджыдзельское поселение // Этнокультурные контакты в эпоху камня, бронзы, раннего железа и средневековья в Северном Приуралье. Сыктывкар, 1995. С. 82–91. (МАЕСВ. Вып. 13).

Королев К. С. Новый район обитания вычегодских пермян. Сыктывкар, 1979. 48 с. (Научные доклады / Коми филиал АН СССР. Вып. 46).

Макаров Н.А. Население русского Севера в XI–XIII вв. – М., 1990.

Макаров Н.А. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII вв. По материалам археологических памятников на волоках Белозерья и Поонежья. М.: НИЦ «Скрипторий», 1997. 386 с.

Макаров Н.А., Захаров С.Д., Зайцева И.Е. Сельские поселения на Кубенском озере в XII–XIII вв. – от расцвета к запустению // Русь в XIII веке: континуитет или разрыв традиций: Тезисы докладов. М., 2000. С. 65–72.

Макаров Н.А., Захаров С.Д., Бужилова А.П. Средневековое расселение на Белом озере. М., 2001. 496 с.

Мурыгин А.М. Комплекс позднего железного века поселения Ошчей I на Мезени // Северное Приуралье в эпоху камня и металла. Сыктывкар, 1998. С. 100–111. (МАЕСВ. Вып. 15).

Оборин В. А. Коми-пермяки // Финно-угры Поволжья и Урала в средние века. Ижевск, 1999. С. 255–298.

Потин В. М. Нумизматическая хронология и вопросы истории Руси и Западной Европы в эпоху раннего средневековья // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л., 1982. С. 127–134.

Рябинин Е.А. Водская земля Великого Новгорода (результаты археологических исследований 1971–1991 гг.). СПб., 2001.

Савельева Э.А. Вымские могильники. XI–XIV вв. Л., 1987. 200 с.

Савельева Э.А., Зеленский В.С. Хронология погребальных комплексов Ыджыдзельского могильника // Памятники материальной культуры на Европейском Северо-Востоке. Сыктывкар, 1986. С. 99–118. (МАЕСВ. Вып. 10).

Савельева Э.А., Кленов М.В. Древнерусская колонизация Европейского Северо-Востока (XI–XIV вв. н.э.) // Археология Республики Коми. М.: ДиК, 1997. С. 651–691.

Савельева Э.А., Истомина Т.В., Королев К.С. Пермь вычегодская // Финно-угры Поволжья и Урала в средние века. Ижевск, 1999. С. 299–349.

Седова М.Е. Ювелирные изделия древнего Новгорода. М.: Наука, 1981. 194 с.

Черносвитов П.Ю. Методические приемы моделирования, реконструкций в археологии // Методические проблемы реконструкций в археологии и палеоэкологии. Новосибирск, 1989. С. 16–32.

Публикация осуществлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 04-06-80411).

М.А.Мацук

**МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ КОМИ КРАЯ В XVII ВЕКЕ:
ПРИЧИНЫ ЯВЛЕНИЯ (ТЕОРИЯ И ИСТОРИОГРАФИЯ)**

В XVII столетии население Коми края достаточно активно передвигалось как в пределах края, так и за его пределы. Это общеизвестный факт. Но являлись ли данные перемещения явлением, именуемом миграцией? В энциклопедических словарях термин «миграция» расшифровывается как переселение. И если в начале XX в. специалисты ограничивались только этим, весьма кратким, но емким понятием [1], то в конце этого же века данный термин специалистами-демографами стал трактоваться несколько уже, ограниченнее. В «Демографическом энциклопедическом словаре» В.М.Моисеенко предлагает, как общепринятое, следующее определение термина «миграция»: «Миграция населения – перемещения людей (мигрантов) через границы тех или иных территорий с переменой места жительства навсегда или на более или менее длительное время» [2]. Таким образом, появились уточняющие моменты, говорящие о том, что конкретный человек (мигрант) должен не просто переселиться, а переселиться за пределы своего населенного пункта, области, государства и притом переселиться навсегда или «на более или менее длительное время» [3].

Естественно, что исследователь, рассматривая подобное толкование термина «миграция», ставит несколько вопросов. Во-первых. Переселение с одного места жительства на другое в рамках населенного пункта миграцией современная наука не считает. В.М.Моисеенко, например, пишет в указанной статье следующее: «Внутренняя миграция является частью межпоселенных перемещений населения и никакие внутриселенные перемещения (например, перемена места жительства в пределах одного и того же города) не рассматриваются как миграция населения» [4]. Отсюда возникает вопрос: на каком основании жители крошечной деревеньки, переселившиеся в другую деревеньку, находящуюся от первой на расстоянии полверсты признаются мигрантами, а, например, москвичи, переехавшие из одного района в другой, распо-

ложенный от первого на расстоянии не менее десятка километров – не признаются?

Второй вопрос. Сколько времени («более или менее длительное время») должен прожить переселенец на новом месте жительства, чтобы официально, то есть с точки зрения современных исследователей, стать «настоящим мигрантом»?

На эти достаточно простые вопросы мы не найдем ответов в современной литературе, посвященной исследованиям процессов переселения людей. Предложений множество, но согласованной позиции, придерживающейся здравого смысла, нет.

В подобной ситуации мы предлагаем вернуться к первоначальному, широкому толкованию термина «миграция» как всякое переселение людей с их места жительства без указания границ и сроков проживания. Тогда все, зафиксированные в кадастровых документах как ушедшие с насиженных мест, жители Коми края будут являться мигрантами и будет возможно результативно продолжить процесс исследования данного явления средневековой истории Коми края.

Что касается изучения проблемы миграций населения Коми края XVII в., то можно сказать следующее. С середины 1950-х гг. и вплоть до нашего времени исследователями был введен в научный оборот и проанализирован практически весь имеющийся документальный материал, в первую очередь наиболее информативно-емкие кадастровые документы (писцовые и переписные книги Яренского, Сольвычегодского и Пустозерского уездов). Н.В.Устюгов, Э.Д.Красильникова, Я.Е.Водарский, П.А.Колесников, Н.П.Воскобойникова, М.А.Мацук, Л.Н.Жеребцов, И.Л.Жеребцов и другие исследователи проанализировали процессы внутренней и внешней миграции в Коми крае в указанное время, определили причины данного явления.

Среди причин внутренней и внешней миграции исследователи называли: 1. Экономический фактор – малоземелье, толкавшее коми крестьян на поиски новых массивов пригодной для сельскохозяйственного освоения земли; и наоборот, сокращение охотничьих угодий вследствие все большего расширения пахотных земель за счет лесных охотничьих угодий, выталкивавшее охотников-промысловиков из родных мест в неосвоенные районы края и страны; разорение крестьянских хозяйств, побуждавшее обедневшее население уходить из своих деревень на заработки на Сереговскую солеваренную мануфактуру; предприимчивость некоторых людей.

2. Природно-климатические причины, в частности, неурожайные голодные годы, периодически бывавшие на данной территории, принуждавшие людей искать пропитания в стороне от своих родных мест.

3. Правительственную политику: а) насильственные переселения людей в рамках реализации тех или иных программ правительства; б) неосторожную фискальную политику, способствовавшую разорению населения и бегству в новые, зачастую необжитые районы страны с целью уклонения от платежа непосильных налогов и сборов и получения, как новопоселенцы, налоговых льгот на определенный срок.

Таким образом, на наш взгляд, в целом правильно определены факторы, влиявшие на миграционную активность населения Коми края указанного времени.

Но для того, чтобы выявить приоритетность того или иного фактора (причины) миграции, следует, на наш взгляд, конкретно связать фактор и численность ушедших из своих родных мест в определенное время.

Н.В.Устюгов и М.А.Мацук обратили внимание на возвратный характер отлучек из родных мест немалого количества крестьян Коми края. В связи с этим встает задача вычленив из общего числа переселенцев тех людей, которые возвращались или после окончания срока отхожих промыслов, или по прошествии голодных лет. Данные задачи весьма трудоемки, но, в принципе, выполнимы. Частично они уже решены исследователями.

В связи с этим нам предстоит выяснить конкретный вклад указанных выше исследователей в решение поставленной проблемы, то есть перейти к историографической части нашей статьи.

Н.В.Устюгов в главе 4 «Коми край в период усиления феодально-крепостнического гнета и складывания всероссийского рынка в XVII в.» книги «Очерки по истории Коми АССР» [5] указал на следующие причины миграций населения Коми края: 1. Непосильная тяжесть фискального гнета царского правительства и способы взимания разного рода платежей и повинностей [6]. Именно этой причиной Н.В.Устюгов объяснил резкое сокращение, с 569 крестьян-тяглецов и 13 бобылей в 1625 г. до 306 крестьян-тяглецов и 4 бобылей в 1645 г., населения волости Лузская Пермца. Приведя цитату из челобитной выборного земского судейки Спасского и Лоемского погостов Лузской Пермцы Кирилла Ананьина о тяжести податей и жестоких способах взимания недоимок, исследователь отмечает: «И отсюда естественный вывод: «достальные крестьянишка... бредут врознь и деревнишка свои мечют впусе» [7]. Привел Н.В.Устюгов данные и о побеге одной семьи крестьян Княжпогостской трети Вымской волости Шаламовых, «лутчих людей», из Яренского в Великоустюгский уезд, с целью избежать налогового гнета [8].

2. Отход на промыслы в Сибирь, во-первых, в результате промысловой предприимчивости крестьян Коми края. Н.В.Устюгов подсчитал,

что за 14 лет с 1631/32 по 1646 гг. в Сибирь ушло более 10% от общего числа постоянного мужского населения, взрослых и детей, а именно 762 человека. Отметил, что наибольшее количество ушедших было из Вымских волостей (36,5%) [9]. Во-вторых, вследствие разорения хозяйства из-за неурожаяев. Н.В.Устюгов привел данные, относящиеся к 1643/44 и 1644/45 годам, и связал данные об уходе населения со сведениями о неурожаях и голоде [10].

3. Разорение хозяйства в процессе имущественной дифференциации населения края. В результате этого некоторые дворы пустели, а коми крестьяне уходили в половники и работники Сереговской соляной мануфактуры. Н.В.Устюгов не привел конкретных цифровых подсчетов таких людей, ограничившись фразами: «Переписная книга 1646 г. зарегистрировала ряд таких случаев»; «Переписная книга 1678 г. содержит ряд прямых указаний, что некоторые из крестьян погостов и деревень, расположенных по р. Выми, покинув свои дворы и пашню, «кормятца у соляных варниц на Серегове» [11].

Таким образом, Н.В.Устюгов обозначил некоторые причины миграционных процессов коми крестьян, но в подтверждение привел только отдельные, иногда отрывочные, факты. Ничего не сказал Н.В.Устюгов о колонизации пустых мест края коми крестьянами. Необходимо отметить, что указанным ученым данная проблема (внутренних и внешних миграций) не вычленилась, как самостоятельная. Он касался ее только вскользь в ходе описания истории Коми края XVII в.

В конце 1950-х – 1960-х гг. этнографами Л.Н.Жеребцовым и Л.П.Лашуком были проведены первые исследования по внутренней колонизации Коми края, приведены сведения о заселении бассейна верхней Вычегды выходцами из Сысольской и Удорской волостей. Л.Н.Жеребцов, продолжив свои исследования в этом направлении, в работе «Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами» подвел итоги изысканий и высказал мнение, что на усиление процесса миграций в данное время оказали влияние установление мирных отношений с обскими уграми, истощение запасов пушного зверя в старожильческих районах и другие факторы [12].

Конец 1970-х гг. ознаменовался подготовкой и выходом в свет «Истории Коми АССР с древнейших времен до наших дней». Автор главы, посвященной истории Коми края XVII в., Э.Д.Красильникова, упоминая о миграциях населения края, говорит, что «это было вызвано разорением Русского государства в начале столетия польско-шведской интервенцией, а также все более увеличивавшейся земельной теснотой в старых насиженных местах и усиливающимся гнетом феодального государства. Неустойчивость северного земледелия, частые неурожайи

и голод явились причинами ухода людей в более благоприятные места» [13]. Аргументация высказанных, в принципе правильных, положений практически отсутствовала. Приведено всего три выдержки из разных документов.

Эта же исследовательница и Л.Н.Жеребцов привели новые данные о численности уходивших в Сибирь коми крестьян [14].

В 1970-х гг. П.А.Колесников в рамках разработки проблем северной деревни периода феодализма ставит вопрос о причинах миграций населения как уездов Европейского Севера в целом, так и Коми края, в частности. Среди причин он называет развитие товарно-денежных отношений и социального и имущественного расслоения, в результате чего происходило «выталкивание» части сельского населения из черносошной деревни; кроме того в качестве причин миграций им названо аграрное перенаселение, нехватка земли в деревне и некоторые другие причины [15].

В эти же годы Н.П.Воскобойникова публикует ряд работ по исторической демографии и исторической географии Яренского уезда XVII в. Она определила динамику численности населения, его социального состава, составила справочный список населенных пунктов уезда, выяснила информационную емкость и достоверность писцовых и переписных книг как источника по истории Яренского уезда [16].

Итак, к началу 1980-х гг. указанная проблема была, на наш взгляд, только намечена. Были определены причины миграционных процессов, но все эти причины были указаны без достаточной аргументации, не как итог исследования вопроса, а как достоверная гипотеза.

Необходимо было исследовать прежде всего ключевые проблемы социально-экономической истории края указанного времени, в том числе необходимо было выяснить динамику абсолютных показателей движения населения Коми края XVII в. Результативные исследования указанной проблемы были связаны с именами двух ученых М.А.Мацука и И.Л.Жеребцова.

М.А.Мацук изучил проблему фискальной политики государства в отношении черносошного крестьянства и посадского населения Европейского Севера России в целом и Коми края, в частности [17]. Главным итогом работы можно назвать выявление погодной динамики централизованной ренты за конец XVI – конец XVII вв. Теперь любое изменение численности населения края можно было сравнить с конкретным уровнем феодально-государственной эксплуатации в конкретный год.

Задача, поставленная исследователем в области изучения фискальной политики, необходимо вывела на формулирование и решение вопросов, связанных с движением народонаселения. Так, М.А.Мацук

впервые поставил вопросы о причинах изменения социально-демографической ситуации в Яренском уезде, то есть на наиболее значительной части Коми края, как предмете самостоятельного исследования; о соотношении бегства и отхода в миграционных процессах; о волнообразности миграционных потоков переселенцев из северных российских уездов; некоторые другие вопросы [18].

Во второй половине 1980-х гг. проблемами исторической демографии Коми края вплотную занялся И.Л.Жеребцов. Он изучил и свел воедино имевшиеся сведения о динамике численности населения, внутренней и «внешней» миграции населения края. И.Л.Жеребцов впервые определил динамику миграционного процесса, получив конкретные цифровые показатели [19]. Практически, данная проблема в фактическом ракурсе была им исследована исчерпывающе и полностью.

Этот исследователь впервые также проанализировал и научную литературу по проблеме движения народонаселения края, причем сделал это, начиная с работ дореволюционных исследователей и краеведов довоенной поры [20]. И.Л.Жеребцов также высказал ряд теоретических положений, относительно исследования миграционных процессов в Коми крае. Во-первых, он определился с тем, что следует называть «миграцией». Исследователь пишет: «Прежде всего следует сказать, что понимается под миграциями населения в данной работе. Миграции населения – это перемещения людей между населенными пунктами или в незаселенные районы, связанные со сменой ими места жительства навсегда или на относительно длительный срок. Перемещения жителей внутри населенных пунктов, которые иногда причисляются к миграциям, автор вслед за большинством исследователей не рассматривает, поскольку их следует отнести к иному, не миграционному, виду подвижности населения (а именно, к внутрипоселенной подвижности, как это предлагают, в частности Б.С.Хорев и В.М.Моисеенко)» [21]. Во-вторых, И.Л.Жеребцов предлагает более узко понимать термин «внешняя миграция». Он пишет: «Перейдем к типологии миграционных процессов. Типы миграций зависят от их направления. Следует выделять два типа миграций: внешние и внутренние. Обычно первые отождествляют с межгосударственными (переселения из одной страны в другую), а последние – с внутригосударственными миграциями (перемещения населения в пределах одной страны). Я считаю возможным применить термины «внешние миграции» и «внутренние миграции» не только в указанном значении. В настоящей работе под внутренними миграциями понимаются перемещения населения в пределах изучаемой территории Коми края, в под внешними – приток переселенцев на изучаемую территорию извне и переселение жителей Коми края за его пределы» [22].

Касается И.Л. Жеребцов и весьма спорного вопроса о так называемых возвратных и безвозвратных миграциях. Исследователь по этому поводу пишет следующее: «При безвозвратных миграциях мигрант навсегда покидал тот населенный пункт, в котором жил. В узком смысле слова миграцией может быть названо именно переселение безвозвратного вида. При возвратной миграции мигрант по прошествии относительно длительного срока проживания в ином поселении (поселениях) возвращался в населенный пункт, где жил раньше... Большинство исследователей считают неправомерным относить к миграциям подобные передвижения населения, поскольку последние фактически не приводят к перемене постоянного места жительства. Поэтому автор не включает такие передвижения населения в число миграций» [23]. Некоторые теоретические положения как И.Л.Жеребцова, так и ряда других специалистов-демографов носят несколько отвлеченный от конкретного материала XVII столетия характер.

То есть, по нашему мнению, до настоящего времени, несмотря на весьма впечатляющие успехи в изучении поставленного вопроса, остались некоторые нерешенные моменты, связанные с долей конкретных причин ухода населения с насиженных мест, волнообразной или возвратной миграцией, применения термина мигранты ко всем или части уехавших из родных мест людей, связью отхода на промыслы с переселением на новые места жительства и некоторые другие вопросы.

Литература

1. Полный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке. Изд. 3-е. М., 1907. С. 296.
2. Демографический энциклопедический словарь. М., 1985. С. 251.
3. Там же.
4. Там же.
5. Очерки по истории Коми АССР. Сыктывкар, 1955. Т. 1. С. 97–146.
6. Там же. С. 100.
7. Там же.
8. Там же. С. 118–119.
9. Там же. С. 116–117.
10. Там же. С. 117.
11. Там же. С. 109, 122.
12. Жеребцов Л.Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. М., 1982. С. 57–58.
13. История Коми АССР с древнейших времен до наших дней. Сыктывкар, 1978. С. 53.
14. Жеребцов Л.Н. К вопросу о роли коми в открытии и заселении Сибири и Дальнего Востока // Вопросы истории Коми АССР (XVII – начало XX в.) Сыктывкар, 1975. – С. 3–16; Красильникова Э.Д. Участие населения Коми края

в заселении и освоении Сибири во второй половине XVI–XVII вв. // Там же. С. 17–36.

15. Колесников П.А. Северная деревня в XV – первой половине XIX в. Вологда, 1976. С. 134, 248–250; Колесников П.А. Миграции северного крестьянства в XV – начале XVIII в. // Северный археографический сборник. Вологда, 1970. Вып.1. С. 360–364.

16. Воскобойникова Н.П. Писцовые и переписные книги Яренского уезда конца XVI – начала XVIII в. как исторический источник // Северный археографический сборник. Вып.1; Она же. К истории поселений Яренского уезда в конце XVI – начале XVIII в. // Аграрная история Европейского Севера СССР. Вологда, 1970; Она же. Яренский уезд в 1678 году // Вопросы истории хозяйства и населения России XVII в. М., 1974. С. 243–262.

17. Мацук М.А. Крестьяне Коми края в конце XVI–XVII в. Феодальная эксплуатация. М., 1990. 152 с.; Мацук М.А. Фискальная политика Русского правительства и черносошное крестьянство Восточного Поморья и Приуралья в XVII веке. Сыктывкар, 1998. Ч. 1–4. 672 с.

18. Мацук М.А. Причины изменения социально-демографической ситуации в Яренском уезде в XVII в. // Социально-демографические аспекты истории северного крестьянства (XVII–XIX вв.): Межвуз. сб. науч. тр. Сыктывкар, 1985. С. 41–50; Мацук М.А. К вопросу о соотношении бегства и отхода черносошных крестьян Европейского Севера России в XVII в. (на материалах Яренского уезда.) // Аграрный строй в феодальной России. XV – начало XVIII в.: Сб. статей. М., 1986. С. 121–131; Мацук М.А. Фискальная политика Русского правительства и черносошное крестьянство Восточного Поморья и Приуралья в XVII в. С. 409–414.

19. Жеребцов И.Л. Миграции населения Коми края в конце XVI – начале XVIII в.: Дисс. ... канд. ист. наук. Сыктывкар, 1988; Жеребцов И.Л. Население Коми края во второй половине XVI – начале XVIII в. Екатеринбург, 1996. 257 с. и др.

20. Жеребцов И.Л. Проблемы движения населения Коми края феодального и капиталистического периодов в дореволюционной и советской историографии // Крестьянство Коми края (досоветский период). Сыктывкар, 1986. С. 119–135; Жеребцов И.Л. Население Коми края во второй половине XVI – начале XVIII в. С. 5–18 и др.

21. Жеребцов И.Л. Население Коми края во второй половине XVI – начале XVIII в. С. 232–233.

22. Там же. С. 233.

23. Там же. С. 235.

Публикация осуществлена при поддержке программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Этнокультурное взаимодействие в Евразии» (проект «Этнодемографические процессы на севере Европейской России»).

Д.В.Семенова
БРАЧНОЕ ПОВЕДЕНИЕ КОМИ КРЕСТЬЯН
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Брак и семья – это те социальные институты, которые выполняют функции воспроизводства населения и регулируют отношения на основе определенных ценностей и норм. По мнению Ю.В.Бромлея, для семьи как социальной общности брачно-семейные отношения являются системообразующими [1]. Для демографа эти отношения представляют немаловажный интерес, прежде всего потому, что входят в структуру демографического поведения.

В данной работе рассматриваются вопросы, связанные с брачным поведением людей. Брачное поведение людей – это поведение в связи с заключением и прекращением браков. Его важнейшие характеристики: возраст вступления в первый брак, частота повторных браков, степень безбрачия. Все они определяются главным образом культурными и социальными нормами. Источниками для проведения данного исследования послужили метрические книги второй половины XIX в. Яренского и Устьсысольского уездов [2], ведомости о числе родившихся, бракосочетавшихся и умерших по Вологодской губернии [3], направляемые в губернский статистический комитет, а также сведения о движении населения Вологодской губернии с 1867 по 1877 год, публикуемые губернским статистическим комитетом [4].

Брачному институту как первооснове семьи отводилась существенная роль, о чем свидетельствует целый ряд установок, норм, обрядовых действий, непосредственно связанных с процессом вступления в брак. Заключение брака и создание семьи понималось как необходимое условие существования и функционирования крестьянского двора, т.е. являлось аксиомой крестьянского мировоззрения [5].

У коми крестьян, как и у русских, общепринятыми были представления об обязательности вступления в брак. Нежелание вступать в брак и создавать семью не находило понимания в крестьянской среде и всячески осуждалось. Во многих коми народных пословицах выражена мысль о необходимости супружества: «без гнезда, одинокой, живет только кукушка», «каждая птица ищет себе пару», «у каждой птицы и

каждого зверя есть пара», «без хозяйки и дом не дом», «без жены ни поесть, ни попить», «неженатый мужчина – что щепка на реке» [6].

При рассмотрении традиционного брачного поведения крестьян весьма важным является вопрос о времени и возрасте вступления в брак. В ряде работ, посвященных исследованиям традиционной коми семьи, неоднократно обращалось внимание на такую особенность, как отсутствие определенного «свадебного сезона» у коми. Брак мог быть заключен практически в любое время года, кроме как во время церковных постов. Данные, полученные при анализе брачных регистраций, записанных в метрических книгах второй половины XIX в., выражены в следующей таблице.

Распределение количества браков по месяцам

Месяцы	Процент от общего числа браков по Яренскому уезду	Процент от общего числа браков по Устьысольскому уезду	Процент от общего числа браков по Вологодской губернии
Январь	23	23	26,3
Февраль	24,7	24,47	26,5
Март	–	–	–
Апрель	7,1	9	8,4
Май	9,8	9	9
Июнь	5,6	7,8	3,7
Июль	16,4	14,63	6,4
Август	1,1	1,5	0,7
Сентябрь	3,4	3,7	2
Октябрь	4,3	5,3	8,3
Ноябрь	4,6	4,6	8,7
Декабрь	–	–	–

Наибольшая часть браков приходилась на январь и февраль. Видимо, в этот период времени состояние крестьянского бюджета было лучше, кроме того, население не было так сильно обременено хозяйственными заботами, как в другое время года. Значительная доля браков заключалась в период с момента окончания Великого поста, в апреле-мае, и до начала сезона уборки урожая. В августе в связи с церковным постом, уборкой урожая и различными заготовительными работами, количество браков было совсем незначительным. Осенью доля браков также была невелика, намного меньше, чем в период с апреля по август. Небольшая доля браков, заключаемых осенью, после окончания сельскохозяйственной страды, указывает на то, что заключение браков у коми не находилось в такой непосредственной зависимости от земледельческого цикла, как, например у народов, где эта отрасль была основой хозяйственной жизни [7].

Существенными представляются различные установки родственников со стороны жениха и со стороны невесты относительно времени заключения брака. Первые, стремясь получить в лице невестки новую рабочую силу к «весенне-летнему» сезону и к периоду страды, старались провести свадьбу весной, что было не совсем выгодно семье, выдающей девушку замуж [8]. Таким образом, представления о наиболее подходящем времени для заключения брака имели сугубо практические обоснования.

Говоря о возрасте вступления в брак, следует отметить, что представления крестьян в этом вопросе являлись следствием длительного исторического взаимодействия традиционных норм и церковно-государственного права. Согласно государственному закону, данному Синоду в 1830 г., брак допускался лишь по достижении совершеннолетия, которое определялось для девушек в 16 лет, для юношей в 18 лет. Народные представления о возрастных нормах совершеннолетия и вступления в брак были достаточно устойчивы на всем протяжении XIX в.

Считалось, что девичья зрелость достигалась в 15-16 лет, к 16-18 годам в основном заканчивалось физическое развитие, и наступал пик совершеннолетия, с этих лет и начинался брачный возраст. В ряде коми народных песен есть упоминания о возрастных периодах: «Молодая жизнь, молодая радость / Молодой поры прохождение/ Ожидание своей пятнадцатилетней поры / Встреча своей двадцатилетней поры / Тридцать лет – половина жизни» [9]. В данном случае пятнадцатилетняя пора – время наступления совершеннолетия, двадцатилетняя пора – время замужества. Вопрос о девичьей зрелости затрагивался и на страницах губернской печати, так в публицистическом очерке «Личность и отличительные качества зырян» содержатся следующие сведения: «Надо заметить, что каждая зырянская красавица, достигшая 15 или 16 лет, уже имеет у себя несколько человек поклонников, что составляет их местную гордость, и при случае они даже щеголяют этим друг перед другом» [10].

Имеющиеся данные метрических книг позволяют выделить младший, средний и старший брачные возрасты. Младший брачный возраст – до 20 лет, средний – от 20 до 26, старший – от 26 до 31. Основная доля браков у девушек приходилась на младший и средний возрасты. В 1857 г. на период до 20 лет пришлось около 30% от всех заключенных в этом году браков, на период от 20 до 26 лет – 48%, от 26 до 31 года – 6%. В 1861 г. браки, заключенные до 20 лет, составили 33%, от 20 до 26 лет – 49%, от 26 до 31 года – 8%. В 1893 г. браков в возрасте до 20 лет было 44%, от 20 до 26 лет – 44%, от 26 до 31 года – 7%, от 31 до 36 лет – 2,5%. В целом для Вологодской губернии во второй половине XIX в.

было характерно следующее распределение браков по возрастам среди женского населения. Браки, состоявшиеся до 20 лет, составили 35%, от 21 до 26 лет – 47,6%, от 26 до 31 года – 10%, от 31 до 36 лет – 3,7%. Таким образом, видно, что основная доля браков у девушек приходилась на младший и средний брачный возраст. Браки в этих возрастах составляли около 80%, к 25-26 годам практически не оставалось не вступивших в брак женщин, вследствие чего доля браков в старших возрастах резко сокращалась.

Для юношей совершеннолетие определялось в 17-18 лет, эти же годы являлись для парня и началом брачного возраста. Представления о лучшем возрасте для женитьбы были достаточно противоречивы. С одной стороны, поддерживалось раннее вступление в брак, у кого по этому поводу бытовали такие пословицы: «кто долго выбирает, тот в дураках остается», «перемужалого парня следует остерегаться» [11]. Выгодность ранней женитьбы в народном мнении определялась соображениями практического характера: получить новую работницу в семью до ухода сына на военную службу, избежать неугодного брака, внебрачных детей и др. С другой стороны, с началом семейных разделов во второй половине XIX в. организация малой семьи с индивидуальным хозяйством требовала достижения определенной экономической независимости, что приводило в свою очередь к повышению брачного возраста мужчин. Кроме того с 1874г., с введением всеобщей воинской повинности с 21 года и обязанности отслужить от 3 до 6 лет, стал распространяться обычай женитьбы после рекрутчины [12].

Распределение браков во второй половине XIX в. по возрасту у мужчин выглядело таким образом: в 1857 г. на период до 20 лет пришлось 8% от всех заключенных в этом году браков, на период от 20 до 26 лет – 50,8%, от 26 до 31 года – 16%. В 1861 г. браки, заключенные до 20 лет, составили 10,8%, от 20 до 26 лет – 36,6%, от 26 до 31 года – 8%. В 1893 г. браков в возрасте до 20 лет было 15 %, от 20 до 26 лет – 44%, от 26 до 31 года – 28%, от 31 до 36 лет – 9%. Для Вологодской губернии во второй половине XIX в. было характерно следующее распределение браков по возрастам. Браки до 20 лет составили 16,8%, от 21 до 26 лет – 45,4%, от 26 до 31 года – 17,4%, от 31 до 36 лет – 8%. Наиболее активным для юношей предстает средний брачный возраст, границы брачного возраста были несколько выше, чем в целом по Вологодской губернии.

Помимо вопросов брачного возраста другой важнейшей характеристикой брачного поведения является частота повторных браков. В связи с высокой смертностью населения была велика вероятность прекращения брака из-за смерти одного из супругов. В значительной степени демографическое влияние овдовения нейтрализовалось повтор-

ными браками. Вероятно, в крестьянской среде не существовало особых предубеждений относительно повторных браков, так как это было явлением повседневным. Отсутствие же необходимых рабочих рук в семье неизбежно вело к упадку хозяйства. Повторный брак мог представляться даже более удачным: «первая жена – глиняная чаша, вторая – фарфоровая, третья – шлифованная».

По имеющимся материалам, касающимся Яренского и Устьсысольского уездов, повторные браки составляли в 1857 г. около 27%, в 1861 г. – 23%, 1893 г. – 17%. Как видно, доля таких браков постепенно снижалась. Связано это было, прежде всего, с повышением продолжительности жизни и снижением уровня смертности. По Вологодской губернии вторые браки составляли во второй половине XIX в. около 19%.

Повторные браки заключались преимущественно вдовцами. Вторично женившись, мужчины выбирали, как правило, себе в жены женщин значительно моложе их. Так браки вдовцов с девицами составляли около 65-70% от всех повторных браков. Повторные замужества вдов были единичными. Возможность вторичного замужества вдовы получали либо рано потеряв супруга, либо не имея на руках много детей.

В целом брачное поведение коми крестьян во второй половине XIX в. характеризовалось соблюдением норм общеобязательности вступления в брак, довольно зрелым брачным возрастом обоих полов и частыми повторными браками овдовевших супругов. Брачное поведение определялось целым комплексом норм и установок, имевших в большей степени сугубо практические обоснования.

Литература и источники

1. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1983. С. 27.
2. Национальный архив Республики Коми (НАРК). Ф. 231. Оп. 1. Д. 234. Л. 640; Д. 235. Л. 1175; Ф. 230. Оп. 1. Д. 242. Л. 1160; Д. 243. Л. 1071.
3. Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 17. Оп. 1. Д. 266. Л. 150235. Л. 1175; Ф. 230. Оп. 1. Д. 242. Л. 1160; Д. 243. Л. 1071.
4. Движение населения Вологодской губернии за десятилетний период (с 1867 по 1877 г.) // ВГВ. 1880. № 7-9.
5. Крюкова С.С. Русская крестьянская семья во второй половине XIX в. М., 1994. С. 104.
6. Плесовский Ф.П. Коми пословицы и поговорки. Сыктывкар, 1984. Разд 10.
7. Соловьёв В.В. Брачно-семейные отношения коми крестьян в конце XIX в. – начале XX в. // Вопросы этнографии народа коми. Сыктывкар, 1985. Вып. 32. С. 152.
8. Соловьёв В.В. Брачный возраст и выбор супруга в системе психологических и историко-культурных стереотипов традиционной сельской общины коми конца XVIII – первой четверти XIX вв. и на рубеже XIX–

XX вв. // Дети Севера на рубеже XXI века: Материалы межрегиональной Российской конференции. Сыктывкар, 2001. С. 166.

9. Коми народные песни. Сыктывкар, 1993. Т. I. С. 10.

20. Ежов О. Личность и отличительные качества зырян // Вятские губернские ведомости. 1857. № 22-23.

31. Плесовский Ф.П. Коми пословицы и поговорки. Сыктывкар, 1984. Разд 10.

42. Бернштам Т.А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX в. Л., 1988. С. 51.

Публикация осуществлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 04-06-96001).

М.В. Хайдуров

**ЧИСЛЕННОСТЬ И СТРУКТУРА ДУХОВНОГО СОСЛОВИЯ
В КОМИ КРАЕ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД
(КОНЕЦ 1860-х – 1890-е ГОДЫ)**

Демографическая история духовного сословия в пореформенный период вызывает особый интерес в связи с тем, что общие процессы перехода к капитализму в России сопровождались ломкой традиционного сословного строя. Историко-демографическое изучение духовного сословия, его сопоставление с другими стратами общества позволит выяснить, насколько существенную роль сыграли буржуазные реформы 60–70-х гг. XIX в. (в том числе церковная реформа [1]), насколько устойчивыми оказались черты сословности в его среде в период глобальных общероссийских перемен, насколько «сословным» осталось духовенство после своего «освобождения». Важность темы также обусловлена «периферийностью» изучения истории духовного сословия, ее крайне недостаточной разработанностью в историографии.

Специальных работ, посвященных настоящей теме, нет. Тем не менее, ряд вопросов, связанных с ней, уже рассматривался в специальной литературе, посвященной как социальной и церковной истории, так и историко-демографическим проблемам – в том числе и на региональном уровне. Сама «пограничность» темы обуславливала два направления, в рамках которых затрагивались интересующие нас проблемы. Так, некоторые аспекты рассматривались в исследованиях, посвященных церковной истории (работы Ю.В.Гагарина, М.Б.Рогачева) [2]. Второе же направление – это собственно историко-демографические работы (О.Е.Бондаренко, Д.И.Пинаевский) [3]. Однако целостного представления о процессах, происходивших в среде духовного сословия в пореформенный период (в социально-демографическом измерении), эти работы не дают.

Настоящая статья основана в первую очередь на архивных источниках – фондах Усть-Сысольского и Яренского духовных правлений Национального архива Республики Коми (фонды 230 и 231 соответственно). Кроме архивных в работе использовались и данные опубли-

кованных источников – это «Памятные книжки Вологодской губернии», «Всепопданнейшие отчеты обер-прокурора Св. Синода», сведения А.А.Преображенского, приведенные в его работе «Отечественная церковь по статистическим данным с 1840-41 по 1890-91 гг.» (СПб., 1901).

Закон 1869 г., фактически упразднивший замкнутость духовного сословия, прямо указывал, что дети духовенства не являются отныне принадлежащими к «духовному званию». В настоящей работе под «духовным сословием» будут пониматься священноцерковнослужители, в том числе заштатные, члены их семей (включая сиротствующих), учитываемые в ведомостях приходских церквей и не сменившие традиционный род занятий на другой, включая службу в качестве чиновников, учителей (за исключением преподавателей духовных учебных заведений, как правило, совмещавших учительство с духовной службой), врачей, а также службу в армии. Проблема вышедших из духовного сословия и занявшихся указанными родами деятельности будет рассмотрена отдельно.

Говоря о *численности духовного сословия*, и, в первую очередь, служащего духовенства, необходимо отметить, что весь так называемый синодальный период русской церковной истории характеризуется жестким регулированием численности клириков со стороны государства. Помимо широко известных «разборов» духовенства, неоднократно проводившихся в XVIII в., начиная с Петра I, регламентация численности происходила и за счет установления *штатов* церквей, впервые введенных в 1718 г. [4]. Штаты приходских церквей менялись неоднократно. Как правило, причт сельской церкви, каковыми являлось подавляющее большинство церквей Коми края, состоял из 3-4 человек: священнослужителей – священника и (не всегда) диакона, и церковнослужителей (причетников) – дьячка и пономаря. С 1870-х гг. дьячки и пономари были объединены в одну категорию – псаломщиков. Наличие или отсутствие диакона, равно как и второго священника и второго диакона, зависело от размеров прихода. Во второй половине XIX в. продолжала действовать тенденция к сокращению штатной численности приходского духовенства, в первую очередь, в связи с потребностью улучшения его материального положения: напомним, что оно почти напрямую зависело от численности клириков в причте и многочисленности прихожан, доходы от которых составляли большую часть бюджета семей священноцерковнослужителей.

Наиболее важным за рассматриваемый период времени был пересмотр штатов приходского духовенства 1871–1874 гг., непосредственно связанный с законом 1869 г. и значительно сокративший в первую очередь численность диаконов, а также заметно снизивший штатную чис-

ленность церковнослужителей (бывших причетников, получивших общее название псаломщиков) [5].

В целом штатная и наличная численность духовенства, а также общая численность духовного сословия в пореформенный период представлена в таблице 1.

Таблица 1

Численность духовного сословия Коми края (1869–1893 гг.)

Категории духовенства	1869 г.		1883 г.		1893 г.		
	По уездам*	Всего	По уездам*	Всего	По уездам*	Всего	
Кол-во церквей (включая приписные)	ус-44, я-34	78	ус-45, я-33	78	ус-48, я-33	81	
Протоиереи и священники	штат.	ус-49, я-36	85	ус-49, я-32	81	ус-52, я-32	84
	факт.	ус-50, я-35	85	ус-46, я-29	75	ус-49, я-30	79
	вакансии	ус-0, я-1	1	ус-3, я-3	6	ус-3, я-2	5
Диаконы (включая находящиеся на псаломщических местах)	штат.	ус-8, я-5	13	ус-1, я-1	2	ус-3, я-1	4
	факт.	ус-30, я-19	49	ус-25**, я-15	40	ус-27, я-14	41
	вакансии	ус-0, я-0	0	ус-0, я-0	0	ус-0, я-0	0
Причетники / Псаломщики	штат.	ус-83, я-55	138	ус-53, я-33	86	ус-56, я-34	80
	факт.	ус-64, я-46	110	ус-35, я-26	61	ус-39, я-25	64
	вакансии	ус-1, я-0	1	ус-1, я-2	3	ус-2, я-1	3
Всего служащего духовенства	штат.	ус-140, я-99	239	ус-103, я-66	169	ус-111, я-67	178
	факт.	ус-144, я-100	244	ус-106, я-70	176	ус-115, я-69	184
	вакансии	ус-1, я-1	2	ус-4, я-5	9	ус-5, я-3	8
Служащее духовенство с семьями	муж.	ус-323, я-225	548	ус-272, я-215	487	ус-281, я-208	489
	жен.	ус-337, я-250	587	ус-262, я-177	439	ус-273, я-182	455
	об.	ус-660, я-475	1135	ус-534, я-392	926	ус-554, я-390	944
Заштатные, вдовы и сироты	муж.	ус-75, я-45	120	ус-78, я-31	109	ус-82, я-39	121
	жен.	ус-140, я-70	210	ус-130, я-83	213	ус-138, я-85	223
	об.	ус-215, я-115	330	ус-208, я-114	322	ус-220, я-124	344
Всего духовного сословия	муж.	ус-398, я-270	668	ус-350, я-246	596	ус-363, я-247	610
	жен.	ус-477, я-320	797	ус-392, я-260	652	ус-411, я-267	678
	об.	ус-875, я-590	1465	ус-742, я-506	1248	ус-774, я-514	1288

* В графах «По уездам» «ус» означает сведения по Усть-Сысольскому уезду, «я» – по Яренскому.

** Включая 1 запрещенного к священнослужению.

Источники: НАРК. Ф. 230. Оп. 1. Д. 281, 296, 316; Ф. 231. Оп. 1. Д. 58, 64, 69.

Здесь важно обратить внимание на следующее. На протяжении всего рассматриваемого периода (после церковной реформы) численность приходских церквей на территории Усть-Сысольского и Яренского уездов оставалась почти неизменной, что связано с двумя обстоятельствами. Во-первых, это являлось отражением общей тенденции европейского Севера России к стабильности церковно-приходской сети, которая уже в начале XIX в. охватывала практически всю освоенную территорию (в том числе и Коми края), и характеризовалась общей стройностью и завершенностью [6]. Новые приходы, появившиеся в Коми крае после 1860-х гг., открылись в основном только в самом конце XIX – начале XX вв., и появились они во многом за счет выделения новых приходов из состава старых [7]. Во-вторых, сохранению стабильного числа приходов, а иногда и уменьшению их численности с одновременным укрупнением, способствовала центральная власть по причинам, отмеченным выше, т.е. в связи со стремлением улучшить материальное положение духовенства.

Данные о численности приходов являются весьма важными для понимания процессов, проходивших внутри *служашего духовенства*. Так, стабильность численности приходских церквей сопровождалась стабильностью в численности священников – как штатной, что было вполне естественно, учитывая сложившуюся традицию, так и наличной. Существовавшие на священнических местах вакансии главным образом были кратковременны и объяснялись преимущественно тем, что эти места освободились недавно (ввиду смерти или перемещения священника на новое место) и епархиальная власть не успела назначить на них новых кандидатов, либо новый священник еще не прибыл к церкви.

Штатная численность диаконов с конца 1860-х гг. снизилась, однако при этом их фактическая численность оставалась весьма высокой. Здесь уместно напомнить о ситуации, характерной для предшествующего периода, когда к середине 50-х гг. диаконы были почти во всех церквях, где они должны были быть по штату (к 1840-м гг. – 41 штатное место при 46 наличных диаконов по приходам обоих уездов [8]), но введение новых штатов в 1854 г. поставило их вне рамок положенного причта. В результате они должны были приискивать себе места при церквях: часть осталась на положении сверхштатных, что было возможно при согласии прихожан и их обязанности обеспечивать сверх-

штатному диакону средства к существованию [9], часть со временем заняла положение так называемых викарных диаконов, когда диакон (священнослужитель) занимал штатную должность и исполнял обязанности одного из причетников – дьячка или пономаря (церковнослужителя), позднее – псаломщика, при этом получая доходы как причетник.

Впрочем, после ликвидации значительного числа штатных причетнических мест после 1871–1874 гг. епархиальные власти относились к рукоположению новых диаконов «спокойнее», так как это уже не сказывалось на общей сумме и структуре доходов в рамках отдельных причтов.

Вероятно, существование значительного количества диаконов, занимавших псаломщические места, а также и сверхштатных диаконов, поддерживаемых самими прихожанами, говорит в пользу того, что «диакон, стоящий ступенью ниже священника, всегда ценился очень высоко, был своего рода роскошью прихода» [10], а ценность его основывалась на «любви народа к эстетическому и обрядовому аспектам религии» [11].

Что же касается численности самих церковнослужителей (причетников, псаломщиков), то она после приходской реформы 1870-х гг. и связанных с ней изменений характеризуется большой стабильностью. Кроме того необходимо отметить, что *вакантных мест*, число которых было довольно велико на протяжении всей первой половины XIX в., после реформ было весьма мало – их общее число в рассматриваемый период никогда не превышало десятка.

В общей структуре служащего духовенства обращает на себя внимание повышение доли священников, составлявших к концу 1860-х гг. около трети от общей численности духовенства, а в 1880-е гг. насчитывающих уже более 40%. При этом заметно снизилась доля причетников. Все это явилось прямым следствием приходской реформы 1870-х гг., при этом подобная же тенденция наблюдается и в рамках всей Российской империи, где с 1860-х по 1880-е гг. доля священников также выросла с 33 до 40-43% [12].

Однако сопоставляя данные, полученные нами, со сведениями, приведенными у М.Б.Миронова и Г.Л.Фриза, можно отметить и отличия: у последних авторов отмечается низкая доля диаконов в общей структуре (около 8% в 1880 г.; в Коми крае – около 20%). Объяснить это, по всей видимости, можно тем, что в источниках, на которые они опирались (в том числе во «Всеподданнейших отчетах обер-прокурора Св. Синода») при учете наличных псаломщиков не делалось различия между формальным статусом клирика (занятие псаломщической вакан-

сии) и его реальным статусом: даже в клировых ведомостях стандартной формулировкой было «псаломщик диакон (имярек)» или «на псаломщическом месте диакон».

Что касается *общей численности духовного сословия*, то здесь довольно четко прослеживаются последствия «антисословной реформы» 1869 г. и, в какой-то мере, реформы приходских штатов начала 1870-х гг.: намечается явное «вымывание» сословия, наглядно проявившееся в значительном снижении его численности – с 1465 человек обоего пола в 1869 г. до 1248 в 1883 г., т.е. почти на 15%. Нетрудно заметить, что снижение общей численности произошло в первую очередь за счет служащего духовенства и членов их семей. Примечательно, что американский историк Г.Л.Фриз считал приходскую реформу «катастрофой» для духовного сословия [13], ограничив число штатных мест, она затруднила положение лиц, оказавшихся в результате за рамками приходских штатов. И кроме того, служила дополнительным импульсом для выхода из сословия людей, уже получивших специальное духовное образование, но даже не смевших надеяться на занятие мест при церквях и волея-неволей вынужденных искать себе иной род занятий.

На наш взгляд, именно этот фактор во второй половине XIX в. становится преобладающим среди всех остальных, ведущих к стремлению выйти из духовного сословия – до сих пор главной причиной являлось все же недостаточное материальное обеспечение численно растущего духовного сословия.

Итак, «освобождение» духовенства в 1869 г. привело к *значительному оттоку* из него – особенно если сравнивать количество вышедших из сословия до и после реформы. До реформы 1869 г. в среднем в год из духовного сословия выходило максимум 2-4 человека (это дети священноцерковнослужителей), при этом выход осуществлялся главным образом в число государственных крестьян. Послереформенная же ситуация рисует перед нами совершенно иную картину.

Во-первых, важно отметить общее значительное число людей, фактически вышедших из сословия: на 1883 г. их общее зафиксированное число составляло не менее 55 человек мужского пола и 28 – женского – при том, что данные эти неполные (особенно в отношении женщин). Возраст этих людей достаточно молодой: в основном на данный год вышедшими значились люди 20–30 лет. При этом вышедшие из сословия мужчины принадлежали к разным стратам духовного сословия: 19 из них были сыновьями священников, 12 – диаконов, 24 – причетников.

Другая отличительная черта заключалась в том, что после реформы выходцы из духовного сословия начинают активно пополнять ряды чиновничества и местной интеллигенции – вступивших в число крестьян

насчитываются буквально единицы. Очевидно, этому способствовало как то, что все они получили образование (как правило, семинарское), так и общее социально-экономическое развитие, получившее толчок после Великих реформ 1860–1870-х гг. Женщины же по-прежнему «совмещали» выход из сословия с выходом замуж, и, как и прежде, выход совершался в основном в число крестьян.

Учет этих особенностей и роли, которую сыграли в указанных процессах реформы 1869 и 1871–1874 гг., позволяет объяснить резкое снижение численности духовного сословия не только в Усть-Сысольском и Яренском уездах, но и в Вологодской губернии в целом, где с 1860-х гг. и до конца XIX столетия его доля снизилась с 1,74 до 0,97% [14].

Однако общее снижение численности духовного сословия почти не отразилось на его *общей структуре*. Исключение представляет лишь некоторое увеличение доли заштатных священноцерковнослужителей, вдовствующих и сиротствующих лиц «духовного звания», процент которых за тот же период времени вырос с 22 до 26. Параллельно несколько снизился удельный вес собственно священноцерковнослужителей и членов их семей.

Эта тенденция была общей для всего XIX в. и связана она с естественным приростом населения, в том числе в рамках духовного сословия, в условиях ограниченности мест, которые могли бы занимать дети священноцерковнослужителей сообразно своему происхождению и образованию – т.е. мест в церковных причтах при ограниченности числа самих приходов, на что обращалось внимание выше.

Структура самого духовного сословия представлена в таблице 2.

Относительно *половозрастной структуры* духовного сословия в период после церковной реформы важно отметить следующее: несмотря на значительный отток из сословия, произошедший после 1869 г., он на общую половозрастную структуру практически не повлиял.

По состоянию на 1883 г. основная масса священноцерковнослужителей (более 80%) находилась в возрасте от 20 до 59 лет, что вполне естественно. При этом интересно отметить довольно большое число молодых священников – в возрасте до 29 лет: их доля в общей численности священников составляла в целом по двум уездам около 19%, в то время, как диаконов и церковнослужителей этого возраста насчитывалось относительно мало – всего лишь 7%, при том, что общее число лиц этой категории духовенства было выше, чем священников, и при том, что к священнику требования (образовательные, возрастные, духовно-нравственные) всегда были выше, чем к диаконам и тем более псаломщикам.

Таблица 2

Структура духовного сословия Усть-Сысольского
и Яренского уездов, в %

Годы		1869	1883	1893
Служащее духовенство		$\frac{ус-16,5 \text{ я}-17}{16,7}$	$\frac{ус-14,3 \text{ я}-13,8}{14,1}$	$\frac{ус-14,9 \text{ я}-13,4}{14,3}$
Члены семей духовенства	муж.	$\frac{ус-20,4 \text{ я}-21,1}{20,7}$	$\frac{ус-22,4 \text{ я}-28,2}{24,5}$	$\frac{ус-21,6 \text{ я}-27,1}{23,4}$
	жен.	$\frac{ус-38,5 \text{ я}-42,4}{40,1}$	$\frac{ус-35,3 \text{ я}-35,4}{35,1}$	$\frac{ус-35,5 \text{ я}-35,4}{35,3}$
	об.	$\frac{ус-58,9 \text{ я}-63,5}{60,8}$	$\frac{ус-57,7 \text{ я}-63,6}{59,6}$	$\frac{ус-57,1 \text{ я}-62,5}{58,7}$
Духовенство с членами семей (об. п.)		$\frac{ус-75,4 \text{ я}-80,5}{77,5}$	$\frac{ус-72 \text{ я}-77,4}{74}$	$\frac{ус-72 \text{ я}-75,9}{73}$
Заштатные, вдовы и сироты лиц духовного звания	муж.	$\frac{ус-8,6 \text{ я}-7,6}{8,2}$	$\frac{ус-10,5 \text{ я}-6}{9}$	$\frac{ус-10,1 \text{ я}-7,6}{9,5}$
	жен.	$\frac{ус-16 \text{ я}-11,9}{14,3}$	$\frac{ус-17,5 \text{ я}-16,6}{17}$	$\frac{ус-17,9 \text{ я}-16,5}{17,5}$
	об.	$\frac{ус-24,6 \text{ я}-19,5}{22,5}$	$\frac{ус-28 \text{ я}-22,6}{26}$	$\frac{ус-28 \text{ я}-24,1}{27}$

Примечание: В числителе приводятся данные по отдельным уездам (ус – Усть-Сысольский, я – Яренский), в знаменателе – общие данные по обоим уездам.

На протяжении рассматриваемого периода в рамках духовного сословия сохраняется преобладание *доли женщин* над мужчинами, однако наблюдается общая тенденция выравнивания удельного веса полов. Если в 1869 г. женщины составляли около 119% относительно мужчин, то в 1880-е гг. – уже 109%. Эта тенденция была характерной для населения всей Вологодской губернии, и духовное сословие Усть-Сысольского и Яренского уездов в этом отношении не представляло собой чего-то особенного [15].

Сопоставление *половозрастных групп* внутри сословия позволяет отметить в целом довольно равномерное распределение мужского и женского населения по 10-летним группам. Однако здесь имеются свои особенности, заключающиеся в некотором преобладании в мужском населении группы «1–19 лет» по сравнению с удельным весом аналогичной группы среди женщин: 54,4% против 45,9%. В то же время среди женщин группа «20–39 лет» составляла несколько большую долю, нежели среди мужчин: 26,4% и 19,2% соответственно. В возрастной группе «после 59 лет» отмечается некоторое преобладание женщин – среди них данная категория составляла 8,2% (у мужчин – 6,5%). Характеризуя духовное сословие с точки зрения преобладания возрастных групп, можно сделать вывод о доминирующей роли так называемой

«младшей» возрастной группы: дети от 1 до 9 лет и лица от 10 до 19 (подростковый и юношеский возраст) составляли около 50%.

Несмотря на то, что в ходе церковной реформы «духовное служение» стало заметно доступнее для выходцев иных сословий, *формирование духовенства* по-прежнему осуществлялось за счет представителей самого духовного сословия, т.е. лиц, унаследовавших свой статус от родителей. Только на рубеже XIX–XX вв. в среде духовного сословия появляются священноцерковнослужители «извне» (с социальной точки зрения). По сведениям М.Б.Рогачева, лишь в начале XX в. (данные за 1914 г.) среди приходских священников 5 происходили из крестьян, 2 – из чиновников, по одному – из дворян, мещан и отставных солдат; среди диаконов и псаломщиков выходцами из крестьян были 42 человека, из мещан – 1, из отставных солдат – 1, и кроме того, 1 был сыном фельдшера (к сожалению, не приводятся более точные данные по уездам) [16].

Ситуация же второй половины XIX в. в целом была традиционной для предыдущего периода – 100% клира по-прежнему были выходцами из семей духовенства. Клировые ведомости позволяют представить более точную картину социального происхождения священноцерковнослужителей, установить, из каких именно семей были родом клирики и попытаться установить общие контуры внутрисословной социальной мобильности, косвенно – и о межсословной (табл. 3).

Таблица 3

Социальное происхождение священноцерковнослужителей
Усть-Сысольского и Яренского уездов (на 1883 г.)

Происхождение	Занимаемое место/сан					
	Священник		Диакон		Псаломщик	
	Численность	%	Численность	%	Численность	%
Священник	ус-18 я-7 25	ус-40 я-24,2 33,75	ус-11 я-2 13	ус-47,8 я-13 34,2	ус-17 я-7 24	ус-50 я-26,9 40
Диакон	ус-10 я-5 15	ус-22,25 я-17,2 20,25	ус-5 я-2 7	ус-21,8 я-13 18,4	ус-2 я-5 7	ус-6 я-19,2 11,7
Псаломщик	ус-17 я-17 34	ус-37,75 я-58,6 46	ус-7 я-11 18	ус-30,4 я-74 47,4	ус-15 я-14 29	ус-44 я-53,9 48,3

Примечание: В числителе приводятся данные по отдельным уездам (ус – Усть-Сысольский, я – Яренский), в знаменателе – общие данные по обоим уездам. Источники: НАРК. Ф. 230. Оп. 1. Д. 296; Ф. 231. Оп. 1. Д. 64.

В целом здесь отмечается значительное число выходцев из семей причетников, достигающих почти половины от общего числа служащего духовенства – что соотносится с процентом причетников в структуре служащего духовенства предшествующего периода, вплоть до конца 1860-х гг. (в конце 1850-х гг. они составляли более 50%, в конце 1860-х – около 45%). Также сопоставимы данные о лицах, вышедших

из семей священников, с удельным весом самих священников в 1850–1860-е гг.: среди духовенства 1880-х гг. детьми священников в разных стратах духовенства были от 30 до 40%, т.е. примерно столько же, сколько в служащем духовенстве 1850–60-х гг. занимали священники (30–34%).

В середине XIX в. ситуация была несколько иной: большинство священноцерковнослужителей происходило не просто из семей духовенства, а были выходцами именно из священнических семей (40–50%). В то же время причетнические дети, несмотря на то, что сами дьячки и пономари занимали большую часть в структуре духовенства, составляли меньшинство. Причина этого, по всей видимости, в том, что в силу материального положения в дореформенный период именно дети причетников в первую очередь выходили из духовного сословия.

Приведенные данные могут свидетельствовать о том, что после реформ уровень социальной мобильности внутри духовного сословия выровнялся, стал примерно равным для разных страт духовного сословия и соотносился с общей структурой духовенства «старшего поколения». Кроме того, сопоставляя сведения о социальном происхождении служащего духовенства пореформенного периода с имеющимися в нашем распоряжении данными о лицах, вышедших из сословия, можно отметить их «пропорциональность», свидетельствующую о том, что процессы выхода из сословия и занятия мест в приходах практически не зависели от каких-либо внутренних причин, специфических для отдельных страт внутри духовного сословия [17].

Жены священноцерковнослужителей в массе своей также принадлежали по своему происхождению к духовному сословию. Для наглядности обратимся к сведениям за тот же 1883 г. В Усть-Сысольском уезде 80 женщин – жен клириков – происходили из семей духовенства, 4 – из крестьянских семей, 2 – из «податных», 2 – дочери вологодских мещан (происхождение 4 не установлено); в Яренском уезде замужем за священноцерковнослужителями были 56 дочерей церковников, 1 – дочь крестьянина, 1 – купеческая дочь, а также дочь дворянского заседателя Усть-Сысольского земского суда – за диаконом на псаломщическом месте Стефаном Георгиевым Клочковым (происхождение пяти не установлено) [18]. Зачастую они были родом с тех приходов, где какое-то время служили их мужья. Таким образом, и здесь наблюдается традиционность и стабильность в плане социального происхождения. В этой связи уместно вспомнить слова А.В.Карташева, который даже писал о том, что браки в среде духовенства заключались «неизбежно из своей среды» [19].

С точки зрения *географического происхождения* духовенство Усть-Сысольского и Яренского уездов было преимущественно местным либо с того же самого прихода, где они впоследствии стали служить, либо с территории своего уезда. Однако нередкостью были и клирики, приходившие с территории соседних уездов (в рамках Вологодской губернии). В целом в 1883 г. из 176 представителей духовенства, чье территориальное происхождение удалось установить, с территории «своего» уезда было родом более 65%.

Это было проявлением старого принципа наследования, традиционно сохранявшегося в среде духовенства несмотря на все старания духовных и светских властей и несмотря на утверждение принципа назначения на места в причте – впрочем, епархиальная власть не особо стремилась к его нарушению [20]. Учитывая интересы духовенства и почти всегда удовлетворявшая просьбы самих священноцерковнослужителей о перемещении их на места в приходах неподалеку от родительского дома – большинство дошедших сведений о перемещениях во второй половине XIX в. связаны именно с прошениями самих священнослужителей.

Подведем некоторые итоги. Во-первых, необходимо подчеркнуть значение церковной реформы 1869 г. и реформы приходских штатов начала 1870-х гг.: ликвидировав сословную замкнутость духовенства и сократив число штатных мест, они оказали существеннейшее влияние на численность духовного сословия, вызвав значительный отток из него в другие сословия. В отличие от дореформенного периода, выход из сословия осуществляется уже не только и не столько в число крестьян. Выходцы из духовного сословия активно пополняют ряды местного чиновничества и интеллигенции.

Во-вторых, несмотря на довольно резкое сокращение численности духовного сословия, это не отразилось существенным образом на его структуре. В целом здесь отмечаются тенденции, характерные для всего XIX в.: уменьшение относительного веса самих священноцерковнослужителей в рамках духовного сословия и увеличение доли заштатных, вдов и сирот лиц духовного звания.

В-третьих, духовное сословие на протяжении всей второй половины XIX в. продолжает пополняться почти исключительно за счет детей духовенства. Женщины, принадлежащие к духовному сословию, также в основном имели происхождение из семей священноцерковнослужителей.

Таким образом, духовное сословие, получив свободу и являясь источником для пополнения других социальных слоев и несмотря на сближение профессионального и сословного статуса, оставалось отно-

сительно замкнутой корпорацией (в первую очередь в плане своего пополнения), сохранявшей целый ряд черт, характерных и для дореформенного периода.

Литература и источники

1. См.: Римский С.В. Российская Церковь в эпоху Великих реформ (Церковные реформы в России 1860–1870-х годов). М., 1999.
2. Гагарин Ю.В. История религии и атеизма народа коми. М., 1978. С. 115-116; Рогачев М.Б. Приходское духовенство Коми края в конце XIX – начале XX вв. // Вестник культуры, 2000. № 1. С. 9-17.
3. Бондаренко О.Е. Население Коми края в конце XIX века (по материалам переписи 1897 г.) // Коми крестьянство в эпоху феодализма и капитализма. Сыктывкар, 1983. С. 154-163 (Труды Ин-та яз., лит. и истории Коми фил. АН СССР. Вып. 29); Пинаевский Д.И. Народонаселение Европейского Севера России во второй половине XIX – начале XX вв.: Дисс. ... канд. ист. наук. Сыктывкар, 1999.
4. Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви. М., 1992. Т. 2. С. 524-541; Русское православие: веки истории. М., 1989. С. 238-239.
5. Национальный архив Республики Коми (НАРК). Ф. 230. Оп. 1. Д. 284, 286, 288, 291, 296; Ф. 231. Оп. 1. Д. 60, 61, 62, 64; Freeze G.L. The Parish Clergy in Nineteen-Century Russia: Crisis, Reform, Counter-Reform. Princeton (N.J.), 1983. P. 177.
6. Камкин А.В. Православная церковь на севере России. Вологда, 1992. С. 23-24; Хайдуров М.В. К вопросу о приходской сети Коми края в начале XIX века // Региональные аспекты исторического пути православия: архивы, источники, методология исследований. Вологда, 2001. С. 230-235.
7. Рогачев М.Б. Названия храмов Коми края // Арт, 1997. С. 29-33.
8. НАРК. Ф. 230. Оп. 1. Д. 261; Ф. 231. Оп. 1. Д. 50.
9. Бердников И.С. Дополнение к краткому курсу церковного права. Казань, 1889. С. 352.
10. Камкин А.В. Указ. соч. С. 119.
11. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи. СПб., 1999. Т.1. С. 109.
12. Миронов М.Б. Указ. соч. Т.1. С. 108; Freeze G.L. Op. cit. P. 462.
13. Freeze G.L. Op. cit. P. 177.
14. Пинаевский Д.И. Указ. соч. С. 115. Ср.: Там же. С. 121-122.
15. Ср.: Пинаевский Д.И. Указ. соч. С. 141.
16. Рогачев М.Б. Приходское духовенство Коми края... С. 10.
17. Ср. с несколько отличающимися сведениями М.Б.Миронова: Миронов М.Б. Указ. соч. Т. 1. С. 110.
18. НАРК. Ф. 230. Оп. 1. Д. 296; Ф. 231. Оп. 1. Д. 64.
19. Карташев А.В. Указ. соч. Т. 2. С. 524.
20. Камкин А.В. Указ. соч. С. 142.

Публикация осуществлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 04-06-80411).

Ш.Д. Батырбаева

**К ВОПРОСУ О ДОСТОВЕРНОСТИ МАТЕРИАЛОВ
ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ 1926 ГОДА**

Одним из сложных вопросов при введении в научный оборот материалов переписей является установление адекватности их учета, так как результаты всех переписей (кроме 1959 г.) подвергаются критике (в первую очередь, показатель общей численности населения). Сегодня мы располагаем обширной литературой по изучению качества переписей, основываясь на которой, можно сказать, что причиной научных дискуссий относительно определения реальной численности населения явился научно необоснованный, ошибочный прогноз развития численности населения СССР во второй половине 20-х гг.

Во-первых, изначально были заданы параметры прогноза развития численности населения исходя из существовавшей идеологии, пропагандировавшей преимущества нового строя, при котором резко сокращается смертность, повышается рождаемость и увеличивается продолжительность жизни. В 1930 г., выступая на XVI съезде ВКП(б), И.В.Сталин назвал ежегодный темп прироста в 3 млн., а на XVII съезде в своем докладе подчеркнул, что численность населения страны к концу 1933 г. достигла 168 млн. чел. [1]. В 1933 г. планировалось проведение демографической переписи, которая должна была показать небывалые достижения СССР за годы первой пятилетки не только в социально-экономическом, но и в демографическом развитии.

Во-вторых, советская статистика под воздействием благоприятной ситуации в демографическом процессе середины 20-х гг. взяла за основу расчета дальнейшего роста численности населения этот же темп естественного прироста. Она не смогла проанализировать кратковременность существующей демографической ситуации, которая была обусловлена позитивным изменением социально-экономического положения населения в годы НЭПа и компенсационной рождаемостью, характерной для послевоенных лет. Если по данным переписи 1926 г. в СССР

насчитывалось 147027,9 тыс. чел., то, согласно расчетам Госплана, население к 1937 г. должно было насчитывать примерно 180,7 млн. [2].

Но с конца 20-х гг. начинается негативный процесс в демографическом развитии страны. Весь преобразовательный процесс со всеми ошибками и перегибами осуществлялся в основном за счет людских ресурсов, вследствие чего в начале 30-х гг. зафиксированы огромные человеческие жертвы. В связи с этим запланированная на 1933 г. перепись трижды переносилась – сначала на 1935, затем на 1936 и была осуществлена только в 1937 г.

Специалисты заранее знали о невозможности подтверждения переписью заявленного прогноза роста численности населения. В связи с этим начальник ЦУНХУ И.А.Краваль опубликовал в 1936 г. скорректированный прогноз численности населения на начало 1937 г. – 170-172 млн. чел. [3]. Даже после снижения прогнозируемой численности на 8-10 млн. проведенная перепись насчитала лишь 162 039 470 чел. [4]. Таким образом, перепись 1937 г. обнажила негативную ситуацию в демографическом процессе, а в отдельных регионах – кризисы и катастрофы. В конечном счете, итоги переписи противоречили существующей официальной идеологии о преимуществах социалистического строя, поэтому ее материалы специальным постановлением СНК СССР от 25 сентября 1937 г. были объявлены дефектными, организация – неудовлетворительной; многие руководители – репрессированы, начальник ЦУНХУ И.А.Краваль и начальник бюро переписи О.А.Квиткин – расстреляны [5]. Повторно проведенная в 1939 г. перепись показала численность населения – 168 557 093 чел., и только в результате приписок достигли заявленной на начало 1937 г. численности – 170 557 093 [6].

С открытием ранее засекреченных фондов были выявлены еще и необоснованное перераспределение населения по регионам осуществленные в ходе разработки сводных данных переписей 1937 и 1939 гг. Такого рода исправления вносились во второй половине 30-х гг. во время доработки материалов переписи за 1926 год. Скорее всего, эти изменения носили не проверочный, а целенаправленный характер, с целью сглаживания последствий демографических кризисов, разразившихся в 1930-е гг. в отдельных регионах, а также для сокрытия специального контингента, имевшего большие размеры из-за массовых репрессий.

Использование опубликованных материалов переписи по Киргизской республике имеет тоже свои особенности. В свое время, как для всей страны, так и для Киргизской АССР были составлены прогноз развития численности населения и планы по темпам его развития, где в отличие от центра были заложены абсолютно нереальные коэф-

фициенты естественного движения. Согласно этим расчетам, к концу 1933 г. численность населения должна была вырасти с 993 004 до 1 297,9 тыс. чел., а к 1937 г. – до 1 511,9 тыс. [7].

Естественно, переписи конца 30-х гг. не подтвердили этот прогноз роста. Согласно их результатам в 1937 г. в Кыргызстане проживало 1 369 667 чел., а в 1939 г. – 1 458 213 чел. [8]. Тем не менее, среди других союзных республик Кыргызстан по темпу роста численности населения занял первое место. Относительный рост его населения за межпереписные периоды с 1926 по 1939 гг. составил 145,6 % [9], и при таком высоком, по сравнению с союзным уровнем, темпе роста (3,8%) вряд ли была необходимость приписок к общей численности в итогах этих переписей. Кроме этого, новейшие исследования ученых выявили, что при разработке сводных данных в нашей республике не было перераспределения спецпереселенцев. Следовательно, можно сделать вывод о том, что зафиксированная переписью в 1937 и 1939 гг. общая численность населения, в отличие от всесоюзных данных, соответствует действительности.

Однако по сравнению с ними использование опубликованных итогов переписи 1926 г. по нашей республике требует критического отношения, так как повторные разработки материалов переписи 1926 г. по отношению к проведенным переписям в 1937 и 1939 гг. отличались от первой публикации: наблюдается рост численности всего населения за 1926 г. в сторону увеличения (табл.1). Согласно утверждениям сотрудников ЦСУ СССР, во-первых, приписки были сделаны в ходе уточнения недоучета, во-вторых – в соответствии с административными изменениями в 20-30-е гг. и изменением границы с сопредельными государствами [10].

Следует отметить, что в свое время по оценке ведущих статистиков, итоги переписи 1926 г. по Азиатской части РСФСР признавались неудовлетворительными, и их не включали в научный оборот в процессе исследований демографического состояния населения.

В ходе изучения архивных фондов, сопутствующей делопроизводительной документации ЦСУ Киргизской ССР и СССР, мы смогли найти лишь отрывочные объяснения причинам внесенных изменений. В РГАЭ РФ сохранились отрывочные данные отчета ЦСУ Киргизской ССР о повторных разработках уже внесенных в 1937 г. изменений за 1926 г. еще и в 1939 г.

Таблица 1

Изменение численности населения союзных республик СССР за
межпереписный период с 1926 по 1939 гг. [11]

Союзные республики	Число жителей по трем официальным разработкам сводных итогов материалов переписи 1926 г. (тыс.чел.)			Число жителей по данным переписей		1939 г. в % к 1926 г. (данные за 1926 г. по разработке 1939 г.)
	1928 – 1929 гг.	1937 г.	1939 г.	1937 г.	1939 г.	
Российская Федерация	93395234	93107746	93457996	103967924	109397463	117,1
Украинская	29018187	28925976	29042934	28387609	30946218	106,6
Белорусская	4983240	4925764	4983240	5196549	5568994	111,8
Азербайд- жанская	2314571	2301911	2313744	3056978	3205150	138,5
Грузинская	2666494	2652626	2677233	3376946	3540023	132,2
Армянская	880464	872775	881290	1209253	1282338	145,5
Туркменская	1000914	983812	998154	1168538	1251883	125,4
Таджикская	827443	1026826	1032216	1382168	1484440	143,8
Узбекская	4750001	4538993	4565432	5847448	6271269	137,4
Казахская	6198363	6078570	6073979	5120173	6151102	101,3
Киргизская	993004	998268	1001697	1369667	1458213	145,6
РККА и погранохрана		614648		1956217		
Итого	147027915	147027915	147027915	162039470	170557093	116,0

Согласно этому документу перерасчеты были произведены из-за административно-территориальных изменений, чтобы привести данные за 1926 г. в соответствие с современными границами поселений. Сотрудниками ЦСУ Киргизской ССР такой принцип перерасчета итогов переписи признавался несоответствующим. По их мнению, перепись 1926 г. проводилась в горных районах до марта месяца, а из-за бесснежной зимы кыргызское население рано покинуло зимние пастбища, их учитывали не в местах зимовки, где были организованы сельские советы, а на весенних пастбищах. Вследствие этого, пересчет в 1939 г. к современным границам поселенных карт 1926 г., составленных «по живому аксакалу и урочищу в месте кочевья», не давал точных данных и вносил искажение в показатели общей численности населения в сделанных разработках [12].

Тем не менее, эти расчеты при исправлении итогов переписи 1926 г. не были учтены. Об этом свидетельствует сохранившийся в РГАЭ РФ документ «Киргизия. В новых перерасчетах», где содержатся результаты внесенных изменений, согласно которых в 11 районах была увеличена численность населения республики на 15680 чел., а в 16 районах – уменьшена на 39 108 [13], т.е. за 1926 г. в разработках 1939 г. шло уменьшение общей численности населения Киргизской ССР на 23428 чел. Однако, несмотря на эти перерасчеты, общая численность населения в итогах переписи 1926 г. было исправлено в сторону увеличения на 8693.

Сопоставление данных в первоначальных и более поздних разработках переписи 1926 г. общей численности населения союзных республик показало такое же несоответствие. При неизменности общей численности всего населения СССР в количестве 147 027915 чел. в итогах переписи 1926 г., в 1937 г. значительно снизили ее на Украине, а в 1939 г. – в Казахстане, где вследствие голода была огромная людская убыль. В то же время в тех республиках, где фиксировался высокий темп прироста, в том числе в Кыргызстане, данный показатель завысили. Такое перераспределение во второй половине 30-х гг. за 1926 г. численности населения между республиками, несмотря на свою относительно малую величину, обеспечивал, в первую очередь, в Казахстане положительный его прирост за межпереписные годы (табл. 1.).

В связи с вышеизложенным можно предположить, что поздние изменения были осуществлены целенаправленно, с целью сокрытия катастрофических последствий в республике Казахстан, а также негативных явлений в демографических процессах коренного населения Туркменистана [14]. Основанием такого утверждения является исправление данного показателя в сторону увеличения в республиках Узбекистан, Кыргызстан и Таджикистан, в которых наблюдался высокий темп прироста населения. Только в результате такого перераспределения, снижая численность населения Казахстана за 1926 г., стало возможно увеличение его роста за 13 лет всего на 101,3%, поскольку даже приписка 1939 г. к общей численности населения Казахстана 120-тысячного спецконтингента, находившегося в РСФСР [15], не обеспечивала его положительный прирост.

Если бы был недоучет из-за каких-то особенностей в Кыргызстане, то это же должно было иметь место и Казахстане, так как отсутствие существенных различий в образе жизни, традициях, обычаях и способе ведения хозяйства у основного населения Казахстана и Кыргызстана привело бы к аналогичному увеличению численности населения Казахстана за 1926 г.

Таким образом, позднее внесение изменений в итоги переписи 1926 г. по Киргизской республике не соответствует действительности, и эти исправления были сделаны для сокрытия катастрофических последствий в демографическом развитии Казахстана. Так как Советское государство в условиях идеологической пропаганды преимуществ социалистической системы, развития ранее отсталых народов в ходе осуществления ленинской национальной политики должно было использовать все способы сокрытия разрушительной людской убыли в Казахстане, в том числе путем искажения данных ранее проведенной переписи 1926 г.

Доказательством нашего вывода служат также результаты сравнительного изучения показателей численности населения в итогах переписи за 1926 г. на уровне регионов Кыргызстана, поскольку здесь наблюдается такая же тенденция, выявленная нами на уровне СССР.

Как известно, в годы преобразовательных процессов демографическое развитие в регионах Киргизской ССР тоже проходило неодинаково. В приграничных с Казахстаном районах, во Фрунзенской области в начале 30-х гг. был сильный голод, вызвавший огромные человеческие потери. И сопоставление этих внесенных изменений в отношении численности кыргызского населения показало, что она была уменьшена только во Фрунзенской области, где был голод. А в остальных регионах (табл. 2) численность кыргызов была увеличена: в Тянь-Шане – на 4 699 чел., в Джалал-Абадской и Ошской областях – на 4 658, на Иссык-Куле – 1 058 чел. Во Фрунзенской области, наоборот, численность уменьшили на 1722 чел., хотя в ходе осуществления социалистических преобразований в рассматриваемый период именно в данную область переезжали представители коренного населения из других регионов. За это время численность кыргызов в городах Фрунзе, Токмаке и Кара-Балте выросла в несколько раз.

Таблица 2

Численность населения Кыргызстана по двум официальным разработкам в 1928 и 1939 гг. материалов переписи 1926 г. [16]

Области	1928 г.	1939 г.	Расхождение
Джалал-Абадская, Ошская	472255	476913	4658
Иссык-Кульская	133521	134579	1058
Тянь-Шанская	100282	104981	4699
Фрунзенская	286946	285224	-1722
Итого:	993004	1001697	8693

Следовательно, уменьшающая поправка, скорее всего во Фрунзенской области, сглаживала коэффициент отрицательного роста кыргызского населения за межпереписные годы на 0,8%, так как количество остальных народов, населяющих республику, благодаря прибывавшим извне только значительно возросло.

Сопоставление областных данных переписи 1926 г. по Кыргызстану в разработках 1939 г. показывает аналогичность с вектором произведенных изменений на уровне Союза; исправления в сторону уменьшения наблюдались в тех областях, где в 30-х гг. были зафиксированы демографические кризисы. Эти изменения вносились с целью сокращения масштабов негативных тенденций в динамике численности населения и были направлены на сглаживание темпа его естественного прироста. Следовательно, к моменту проведения переписи 1926 г. численность населения Кыргызстана не превышала миллионный барьер.

О том, что увеличение численности за 1926 г. в более поздних разработках не соответствует действительности, подтверждается также данными разного рода документов Госплана и Наркомфина Кыргызской ССР, согласно которым общая численность населения республики на 1 января 1927 г. составляла от 993 343 до 998 607 чел. [17] (в распоряжении сотрудников вышеназванных органов имелись, кроме итогов переписи 1926 г., еще отчетные данные по населенным пунктам, составленные в ходе проведения национально-государственного размежевания в 1924 г. и преобразования Кыргызской автономной области в АССР).

Опубликованные на страницах периодической печати сведения об общей численности населения республики тоже не превышали миллиона [18].

Исходя из вышесказанного, можно сделать заключение, что последующие изменения в количестве кыргызстанцев за 1926 г. в сторону увеличения стали в основном следствием не территориальных изменений и не проверки недоучета населения переписью 1926 г., а скорее результатом балансирования сильно заниженной в 1939 г. численности населения соседнего Казахстана. Результаты первых, более ранних разработок материалов переписи 1926 г., были наименее подвержены исправлениям, и их можно использовать с учетом последующих межреспубликанских территориальных изменений. К более поздним разработкам с внесенными поправками, якобы вследствие допущенных переучетов или же недоучетов в ходе переписи 1926 г., необходимо относиться осторожно и проводить тщательный анализ каждого изменения.

Литература и источники

1. XVIII съезд ВКП (б): Стеногр. отчет. М., 1934. С. 25.
2. Жиромская В.Б. Демографическая история России в 1930-е годы. Взгляд в неизвестное. М., 2001. С. 35.
3. Краваль И.А. Всесоюзная перепись населения // План. 1936. № 21. С. 8.
4. Всесоюзная перепись населения 1937: Краткие итоги. М., 1991. С. 47.
5. Жиромская В.Б. Всесоюзная перепись населения 1939 г.: История проведения, оценка достоверности // Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги. М., 1992. С. 5.
6. Там же. С. 7.
7. ЦГА КР. Ф. 105. Оп. 2. Д. 1107. Л. 15.
8. Всесоюзная перепись населения 1937: Краткие итоги. С. 47; Всесоюзная перепись населения 1939 г. С. 21.
9. Всесоюзная перепись населения 1939 г. Основные итоги. С. 21.
10. РГАЭ РФ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1277. Л. 150-154.
11. Всесоюзная перепись населения 1926 г. М., 1928. Т. VIII. С. 12; Всесоюзная перепись населения 1926 г. М., 1929. Т. XV. С. 5; Всесоюзная перепись населения 1926 г. М., 1928. Т. XVII. С. 2; Всесоюзная перепись населения 1937: Краткие итоги. С. 42-47; Всесоюзная перепись населения 1939 г. С. 21.
12. РГАЭ РФ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1277. Л. 275-276.
13. Там же. Л. 223.
14. Кадыров Ш.Х. Население Туркменистана: история и современность (вопросы и результаты изучения). Ашхабад, 1986.
15. Там же. Д. 406. Л. 110.
16. Итоги Всесоюзной переписи 1926 г. Киргизская ССР. С. 216-219; ЦГА КР. Ф. 105. Оп. 34. Д. 6. Л. 8.
17. ЦГА КР. Ф. 470. Оп. 1. Д. 839. Л. 57; Д. 1243. Л. 16об.
18. Советская Киргизия, 1932. 30 сент.; Дехканин. 1929. № 5-6. С. 45-46; Народное хозяйство в цифрах. Ташкент, 1929. С. 83.

Н.П.Безносова

**ЕСТЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ
РЕСПУБЛИКИ КОМИ В 1926-1940-х ГОДАХ**

Вопрос о демографическом развитии Республики Коми (1921–1936 гг. – Коми Автономная область (Коми АО), 1936–1990 гг. – Коми автономная советская социалистическая республика (Коми АССР)) в межпереписной период 1926–1939 гг. до самого последнего времени в научной литературе специально не рассматривался. Произошло это по причине отсутствия публикации статистико-демографических материалов за указанный период. В начале 1930-х гг. в стране постепенно сворачиваются демографические исследования, прекращается публикация статистики по народонаселению. Сведения загсовской регистрации, медицинская статистика смертности становятся закрытыми. Причина молчания очевидна – демографические процессы 1930-х гг. имели катастрофический характер, и изучение их, и, таким образом, обнаружение правды о том времени, не вписывалось в господствовавшую идеологию советского государства.

Запрет с темы был снят в конце 1980-х гг. За сравнительно незначительный временной отрезок историками, демографами, экономистами и общественными коллективами опубликовано большое количество научных трудов по реконструкции демографической ситуации в республике в XX в. Среди этих работ выделяется ряд крупных исследований. Прежде всего, следует отметить работы В.Фаузера, А.Парначева, Г.Загайновой, И.Жеребцова, Н.Игнатовой и др. [1]. Однако исследования указанных авторов имеют достаточно широкие хронологические рамки, поэтому вопросы развития народонаселения республики второй половины 1920–1930-х гг. не нашли в них достаточного освещения. Предлагаемая работа является попыткой более основательно рассмотреть демографические процессы в республике с 1926 по 1940 г., в частности, проанализировать естественное движение населения республики в этот период.

Итоги анализа выразились в оценках численности, рождаемости, смертности и естественного прироста (в абсолютных числах) населения

Коми АССР в 1926–1940 гг. В допустимых источниках объемах рассмотрены также структура и причины смертности. Более рельефно, чем в абсолютных числах динамика движения населения отражается в коэффициентах естественного прироста. Однако, ввиду серьезных разночтений по такому базовому показателю как численность населения республики (за 1936 и 1938 гг. данных нет вовсе), в настоящей работе общие коэффициенты естественного прироста, рождаемости и смертности населения республики используются, главным образом, для сопоставления с аналогичными показателями по СССР, РСФСР, автономным республикам и областям России.

В качестве основного источника в настоящей работе использовался массив текущей демографической статистики по естественному движению населения за 1926–1940 гг., хранящийся в Национальном архиве Республики Коми (НАРК) и Российском государственном архиве экономики (РГАЭ). Вопрос о надежности демографической статистики 1930-х гг. достаточно сложен, и поэтому на нем следует остановиться подробнее.

Факт искажения советской статистикой цифровых показателей воспроизводства населения в 1930-е гг. не вызывает сомнений. Причем недоучет смертей был значительно выше, чем недоучет рождений. По мнению ученых, несмотря на стремление тоталитарного государства поставить под контроль не только жизнь, но и смерть каждого человека, значительная часть летальных исходов не регистрировалась [2]. В докладной записке начальника сектора населения и здравоохранения ЦУНХУ Госплана СССР Каплуна, направленной зам. начальника ЦУНХУ Кравалю, констатируется: «Начиная с 1930 г. отмечается ухудшение дела организации ЗАГС и учета явлений рождаемости и смертности, главным образом в сельских местностях» [3]. Этот факт подтверждается и выводами многочисленных комиссий, создаваемых партийными и правительственными органами по проверке работы органов статистики и загс. Как отмечалось в документах «в целом по стране вне системы регистрации остаются 15-20% населения, а в некоторых областях учетом охвачено только 50-70% населения» [4].

За точность данных по учету населения отвечали два ведомства: Центральное управление народно-хозяйственного учета (ЦУНХУ СССР), которое обрабатывало и обобщало статистику населения, и Народный комиссариат внутренних дел (НКВД СССР), непосредственно руководивший работой органов загс. В циркулярном письме ЦУНХУ СССР от 14 декабря 1934 г. говорилось, что «руководство работой загс (сельсоветов и городов) лежит всецело на органах НКВД,

которые обеспечивают полноту охвата регистрацией, качество заполнения актов, полное и своевременное соби́рание их» [5].

Число загсов в Коми постоянно возрастало. Если в 1931 г. действовало 136 загсов, то в 1940 г. – уже 233. В одном только 1940 г. было организовано 49 новых загсов, из них 47 – спецпоселковых [6]. В документах УНХУ Коми АО обычно указывалось, что охват населения учетом составлял 100% или был близок к этому показателю, однако на деле все обстояло далеко не так. Цифра охвата населения регистрацией еще не гарантировала точного учета населения. Так, в письме УНХУ РСФСР за 1935 г. говорится, что «материал по гор. Сыктывкару не полон и требует доисчислений...Если такое положение имеет место по областному центру, то в каком же неудовлетворительном состоянии должно находиться соби́рание этих материалов по остальным территориям области. Что опасения основательны подтверждает только что полученные от вас документы...» [7].

Статистические материалы того периода требуют критического отношения. Главная трудность заключается в отсутствии полной и достоверной статистики рождаемости и смертности по такой группе населения как спецпереселенцы. Недоучет рождаемости и особенно смертности среди спецпереселенцев очевиден. Так, в примечании УНХУ Коми АО к отчету за 1933 г. говорится, что «по спецпоселкам сведения дали все, что могли, больше этого дать не можем», к отчету за 1934 г. – «сведения по трудпоселкам не полные, так как не все материалы получены из краевого УНКВД» [8]. Поскольку данные по спецпереселенцам включались в один массив с коренным населением республики, мы вынуждены констатировать неполноту итоговых данных по естественному движению населения за 1930–1940 гг. по республике в целом. Таким образом, в силу погрешной учета о числе родившихся и особенно умерших, статистические материалы 1930-х гг. не позволяют нарисовать точную картину народонаселения, но они отчетливо показывают общие тенденции развития демографической сферы.

При рассмотрении демографических процессов 1926–1940 гг. необходимо учитывать изменения в административно-территориальном делении республики, имевшими место в рассматриваемый период. Наиболее значительные изменения произошли в 1929 г. В результате Экономического районирования РСФСР Коми АО вошла в состав Северного края с центром в гор. Архангельске. Из Коми АО исключалась территория Большеземельской тундры, вошедшая в состав вновь создаваемого Ненецкого автономного округа. Из бывшей Архангельской губернии в состав Коми АО передавались Усть-Цилемская волость (полностью) и Койнасская и Пустозерская волости (частично). В том

же 1929 г. к области отошел ряд сельсоветов Слудской и Пинюжской волостей из бывшей Вятской губернии. Среди населения, проживавшего на вновь включенных в состав области территориях, численно преобладали русские, а в Усть-Цилемской волости удельный вес русских составлял 93% [9]. Кроме того, в 1931 г. постановлением ВЦИК из Уральской области в состав Коми АО были переданы Усть-Уньинский и Курьинский сельсоветы и Вислянская дача, хотя из-за противодействия Уральского, а позднее Свердловского исполкома официальная передача этих территорий произошла только в 1934 г., а фактическая – уже во второй половине 1940-х гг.

Изменение внешних границ области повлекло за собой изменения в численности населения и его этническом составе. Общая численность населения увеличилась более чем на 15 тыс. чел. Удельный вес русских в составе населения увеличился, коми – снизился. В целях максимальной достоверности мы в своей работе использовали цифры о естественном движении населения на момент статистического учета, т.е. данные за 1926–1928 гг. приводятся в прежних границах, за 1929–1940 гг. – в современных границах.

Согласно данным государственной статистики, население республики после переписи 1926 г. неуклонно возрастало. По официальным итогам переписи общая численность населения Коми АО в 1926 г. составляла 207,3 тыс. чел., из них коми – 92,3%, русских – 6,6%, других национальностей – 1,1%. В сельской местности проживало 96,7% населения, в городской – 3,3% [10]. Перепись 1939 г. зафиксировала в Коми АССР 318,9 тыс. жителей. Из них коми – 72,5%, русских – 22,0%, других национальностей – 5,5%. Удельный вес горожан поднялся до 9,1%, сельчан снизился до 90,9% [11]. По состоянию на 1 января 1941 г. численность населения Коми АССР составила 342,1 тыс. чел. [12]. Таким образом, за 15 лет, с 1926 по 1940 гг., население республики увеличилось на 134,8 тыс. чел., в том числе за счет естественного прироста – на 60,1 тыс. чел. (44,6 % общего прироста).

Динамика **естественного прироста** населения республики в 1926–1940 гг. имела неравномерный, скачкообразный характер, зависевший от ряда причин (табл. 1). В конце 1920-х – первой половине 1930-х гг. наблюдались значительные колебания показателей прироста населения с тенденцией к снижению. Если в 1928 г. естественный прирост составлял 6358 чел., то в 1930 г. – 2500 чел. (снижение в 2,5 раза). Сокращение естественного прироста происходило за счет повышения смертности, так как рождаемость продолжала оставаться на стабильно высоком уровне. Естественный прирост снижался главным образом за счет высо-

кой смертности спецпереселенцев. Так, в 1930 г. в трудпоселках отрицательный прирост составил 1248 чел. [13].

Таблица 1

Динамика естественного движения населения
Республики Коми в 1926–1940 гг. (чел.) [14]

Год	Число родившихся (без мертворожденных)	Число умерших	В т.ч. дети в возрасте до 1 года	Число браков	Число разводов	Естественный прирост (-убыль)
1926	10622	4383	1767	–	–	6239
1927	9773	7215	3287	1944	748	2558
1928	10998	4640	1987	2441	713	6358
1929	10692	5757	2493	2307	617	4935
1930	10429	7929	2948	1812	535	2500
1931	10561	7288	3154	1802	544	3273
1932	11120	6251	2090	1845	734	4869
1933	10413	10523	2112	1670	632	-110
1934	9176	6336	1831	1799	659	2840
1935	11105	6236	2272	1938	701	4869
1936	12043	8959	3893	1954	445	3084
1937	13617	7929	3128	1752	222	5688
1938	13182	8915	3682	1702	247	4267
1939	14088	7702	2850	1755	278	6386
1940	14676	12344	4696	1534	259	2332

Примечание: 1929–1930 г. – включены данные (умершие) по Управлению Северных лагерей особого назначения; 1929–1940 гг. – коренное население и спецпереселенцы; 1931 г. – сведения по Троицко-Печорскому, Сыктывдинскому и Сыктывскому (Визинскому) районам не полные; 1934 г. – сведения по Усть-Усинскому и Прилузскому районам не полные.

Начиная с 1934 г. и до 1939 г. естественный прирост повышается, но также не имеет стабильности, так как колебания его весьма значительны – от 2840 чел. в 1934 г. до 5688 чел. в 1937 г. (в два раза). На увеличение естественного прироста в эти годы повлияла снизившаяся смертность среди спецпереселенцев, но особенно – возросшая рождаемость коренного населения Коми АССР. Достигнув своего максимума к 1939 г., величина естественного прироста в 1940 г. вновь резко снижается.

Таким образом, наибольшие показатели естественного прироста населения республики в рассматриваемый период приходятся на 1929 г. (6358 чел.) и 1939 г. (6386 чел.), наименьшие – на 1930 г. (2500 чел.) и 1940 г. (2332 чел.). В 1933 г. республика имела отрицательный прирост населения (–110 чел.).

С демографической точки зрения центральные события происходили в 1933 и 1940 гг. Колебания числа умерших в сторону увеличения в эти годы были столь резкими, что можно трактовать их как свидетельство демографической катастрофы.

В 1933 г. на фоне снижающейся рождаемости и резкого увеличения смертности в Коми АО зафиксирована убыль населения. Если показатель отрицательного прироста в целом по области относительно невелик (-110 чел.), то в трудпоселках число умерших превысило число родившихся на 2875 чел. [15]. Общий коэффициент смертности составил в Коми АО в 1933 г. 37,2%. В целом по стране он был значительно выше – 71,6%. Катастрофическая убыль населения СССР в 1933 г., вошедшем в историю как «голодомор», определилась падением численности населения на Украине и четырех регионах России – Северном Кавказе, Нижне-Волжском крае, Центрально-Черноземной области и Урале [16].

На 1940 г. приходится пик смертности в Коми АССР за весь рассматриваемый период как в абсолютных, так и относительных числах (за год умерло 12344 чел., общий коэффициент смертности достиг 38,7%). Но этот год характеризуется и наибольшим показателем рождаемости (14676 чел.), поэтому, несмотря на резкое снижение естественного прироста в 1940 г. по отношению к 1939 г., он сохранял положительные значения.

При сравнении общих коэффициентов естественного прироста, например, за 1935 г. оказывается, что в Коми они были выше средних общесоюзных и российских показателей. Если общий коэффициент прироста населения в СССР составлял 14,6%, в РСФСР – 15,1%, то в Коми – 18,3%. Высокий коэффициент естественного прироста (от 27,2 до 15,2%) наблюдался также в АССР немцев Поволжья, Башкирской, Калмыцкой, Карельской, Удмуртской, Чувашской, Мордовской, Татарской АССР, а вот в Марийской АО был 7,5%, г. Москве – 5,7% [17].

Естественный прирост является производной величиной, зависящей от числа родившихся и умерших. Общее представление о динамике **рождаемости** в республике дают абсолютные числа родившихся за рассматриваемый период, представленные в табл.1 и 2. Как следует из таблиц уровень рождаемости в республике в 1926–1940 гг. был традиционно высоким и имел, за исключением незначительных колебаний в сторону снижения в 1927 и 1934 гг., тенденцию к росту. На протяжении всего периода, кроме уже отмеченных 1927 и 1934 гг., в республике ежегодно рождалось от 10 до 14 тыс. чел. Общий коэффициент рождаемости в республике был очень высоким и в разные годы составлял от 32,8% в 1934 г. (наименьший показатель) до 51,2% в 1926 г. (наивысший показатель). Общий коэффициент рождаемости в респуб-

лике был выше чем в среднем по стране. Так, в 1935 г. по данным ЦУНХУ в СССР он составлял 30,5%, в Коми – 37,7%. [18]

С 1929 г. демографическая ситуация в республике, как и в целом по стране, меняется в худшую сторону. В частности, в 1930–1935 гг. общий коэффициент рождаемости в Коми АО значительно снизился. Стимулировать рождаемость путем проведения цивилизованной демографической политики государство не могло ввиду нехватки материальных ресурсов. Поэтому демографическая политика, как часть общей внутренней политики, строилась на административно-командных принципах. Яркой иллюстрацией методов сталинской политики в области демографии явилось постановление ЦИК и СНК СССР от 27 июля 1936 г. «О запрещении аборт, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах». Главным в указанном постановлении был запрет аборт. За их производство устанавливалось уголовное наказание. После выхода постановления тенденцию к снижению рождаемости в стране удалось переломить [19]. В Коми АССР кривая рождаемости также пошла вверх. Число рождений в 1937 г. выросло по сравнению с предыдущим годом на 1574 чел. (на 13,1%).

В 1939–1940 гг. абсолютные показатели рождаемости в СССР вновь снижаются, а общий коэффициент рождаемости упал в 1940 г. до 31,2%, против 38,8% в 1937 г. [20]. В Коми АССР, напротив, 1939–1940 гг. отмечены стремительным ростом рождаемости, причем на последний из них приходится пик абсолютного показателя рождаемости в республике: в первую половину XX в. – 14644 чел. Общий коэффициент рождаемости в республике в 1940 г. также был необычайно высоким – 45,2% [21].

Действенное влияние оказало постановление 27 июля 1936 г. и на семейно-брачные отношения. Количество разводов в Коми АССР с 1937 г. резко уменьшается. Если в 1935 г. было официально расторгнуто 701 брак, то в 1937 г. – 222 (сокращение более чем в 3 раза). Число заключенных браков с 1937 г. также снижается. Главными причинами были: вступление во второй половине 1930-х гг. в репродуктивный возраст сравнительно малочисленного поколения, появившегося на свет в годы Первой мировой и гражданской войн; более серьезное и обдуманное отношение людей к регистрации брачных отношений.

Смертность населения республики в 1926–1940 гг. носила неравномерный характер с резкими колебаниями уровня смертности с тенденцией к повышению (табл. 1, 2).

Таблица 2

Динамика естественного прироста, рождаемости и смертности населения Республики Коми в 1926–1940 гг. [22]

Год	Число родившихся (без мертворожденных)	Число умерших	Естественный прирост (-убыль)
1926	10622	4383	6239
1927	9773	7215	2558
1928	10998	4640	6358
1929	10692	5757	4935
1930	10429	7929	2500
1931	10561	7288	3273
1932	11120	6251	4869
1933	10413	10523	-110
1934	9176	6336	2840
1935	11105	6236	4869
1936	12043	8959	3084
1937	13617	7929	5688
1938	13182	8915	4267
1939	14088	7702	6386
1940	14676	12344	2332

В 1926–1930 гг. смертность имела условно «естественную норму». Исключение составляет 1927 г., когда уровень смертности резко вырос из-за увеличения младенческой и детской смертности (вероятно, из-за вспышки детских инфекционных болезней). Из совокупности умерших за 1927 г. дети в возрасте до одного года составили 45,6%, а в возрастном диапазоне от 0 до 4 лет – 67,3% [23]. В 1930 г. смертность населения резко возрастает. Наиболее высокая смертность наблюдалась среди детей: из совокупности умерших за 1930 г. 4227 чел. (53,3%) составляли дети (точных данных о возрастном диапазоне детей нет). Показатели смертности в сельской местности увеличились за счет высокой смертности в трудпоселках. Из 7929 умерших в 1930 г. 1313 случая приходится на спецпереселенцев [24].

В 1931–1932 гг. показатели смертности немного снижаются. Катастрофическим для республики в демографическом отношении становится 1933 г. На него приходится второй по величине после 1940 г. пик смертности за весь рассматриваемый период. Наибольший удельный вес в составе умерших приходится в этот год на взрослое население – 6161 чел. (58,5% от совокупности умерших), в том числе в возрасте от 17 до 55 лет – 2748 чел. и в возрасте старше 55 лет – 3413 чел. Велика была и младенческая смертность – 2112 случаев (20% от общей смертности). Особенно высокая детская смертность была в августе – 1239 чел., из них 330 – дети в возрасте до одного года [25]. В 1934–1935 гг.

смертность в Коми АО по отношению к 1933 г. снизилась с 10523 чел. в 1933 г. до 6236 чел. в 1935 г. Смертность среди спецпереселенцев также уменьшилась – с 3095 чел. в 1933 г. до 219 чел. в 1935 г. [26].

Таким образом, к середине 1930-х гг. демографическая ситуация в республике относительно стабилизировалась. Однако, если обратиться к показателям общего коэффициента смертности, то оказывается, что смертность населения Коми АССР продолжала оставаться на высоком уровне. В 1935 г., по данным ЦУНХУ, в средний коэффициент смертности в СССР был равен 16,3% (в городской местности – 14,8%, сельской – 17,0%), в РСФСР – 18,6%. В Коми АССР – общий коэффициент смертности в 1935 г. составлял 21,0% (в городской местности – 13,6%, сельской – 34,5%). Сравнение с другими административно-территориальными единицами показывает, что в Марийской АО, Удмуртской и Карельской АССР общий коэффициент смертности был выше, чем в Коми, в Чувашской и Татарской АССР – ниже. В г. Сыктывкаре общий коэффициент смертности составлял 14,0%, Архангельске – 23,4%, Кирове – 16,8%, Москве – 11,6% [27].

С 1936 г. показатели смертности населения Коми АССР вновь начинают расти. Повышение смертности в 1936–1938 гг. объясняется ростом детской смертности от инфекционных заболеваний (корь, брюшной тиф, скарлатина, коклюш), болезней новорожденных. В 1936 г. дети в возрасте до одного года составили 43,5% от совокупности умерших за год, в 1938 г. – 41,3%. Наибольшая младенческая смертность наблюдалась в июле-августе 1938 г. (соответственно 696 и 930 чел.) [28].

В 1940 г. уровень смертности достиг своего максимума – 12134 чел. Количество умерших резко увеличивается в летне-осенние месяцы 1940 г., что по времени совпадает с переброской в республику новых больших групп спецпереселенцев. Если в январе умерли 759 чел., феврале – 679, то в июле – 1098, августе – 1438, сентябре – 1438, октябре – 1126 чел. Особенно возросла младенческая смертность: январь – 245 чел., август – 781, сентябрь – 645 чел. Причинами смерти в большинстве случаев являлась токсическая диспепсия и воспаление легких. Например, в Сыктывкаре в 1940 г. от воспаления легких умерли 272 чел., из них 114 детей в возрасте до одного года; туберкулеза – 129 чел.; инфекционных болезней (корь, дизентерия, дифтерия) – 133 чел., в том числе 41 ребенок в возрасте до одного года [29].

В основе повышенной смертности населения республики в последний предвоенный год также как и в предыдущие годы лежала детская смертность: из совокупности умерших в 1940 г. дети в возрасте до одного года составили 38,7% (4694 чел.), в возрастном диапазоне от 0 до 4 лет – 58,9% (7266 чел.), в возрасте от 0 до 9 лет – 63,4% (7697 чел.) [30].

Начальник УНХУ Коми АССР К.Шумкова в сигнальной записке в Коми обком ВКП(б) и СНК Коми АССР ставит в известность власти республики о том, что по данным органов государственной статистики в сентябре 1940 г. смертность в республике превысила рождаемость – за месяц процент смертности составил 124,8% к общему числу рождений. Наиболее тревожная обстановка сложилась в Усть-Куломском, Сысольском, Сторожевском, Сыктывдинском, Летском, Усть-Вымском районах и гор. Сыктывкаре. В этих местностях смертность превышала рождаемость в 1,5–2 раза [31].

Показатели смертности в 1940 г. по сравнению с 1939 г. возросли среди всего населения республики, но главной причиной вновь стала высокая смертность среди спецпереселенцев. По данным Коми УНХУ в 1940 г. смертность в спецпоселках превышала рождаемость – там на 988 случаев рождений приходится 1128 случаев смерти [32].

Из-за низкого качества регистрации умерших по возрасту и полу на вопрос о структуре смертности точный ответ найти трудно. Наиболее полно представлена информация о **младенческой смертности**. Как видно из табл.3 младенческая смертность (дети в возрасте до одного года) являлась важнейшим фактором повышенной смертности населения республики на протяжении всего рассматриваемого периода. В 1927, 1936 и 1940 гг. показатели младенческой смертности достигали огромных размеров. Коэффициент младенческой смертности в эти годы составлял соответственно 335,4%, 323,3% и 320,0%.

Таблица 3

Динамика коэффициента младенческой смертности в Коми в 1926–1940 гг., на 1000 чел. [33]

Год	На 1000 родившихся умерли в возрасте до 1 года	Год	На 1000 родившихся умерли в возрасте до 1 года	Год	На 1000 родившихся умерли в возрасте до 1 года
1926	167,7	931	298,6	1936	323,3
1927	335,4	932	187,9	1937	229,7
1928	180,7	933	202,8	1938	279,3
1929	233,2	934	199,5	1939	202,3
1930	282,7	935	204,6	1940	320,0

Уровень смертности детей первого года жизни в 1926–1940 гг. испытывал некоторые колебания в сторону снижения или увеличения, но из года в год оставался высоким. В Коми АССР наряду с Марийской и Удмуртской АССР, Архангельской, Вологодской и Пермской областями был один из самых высоких в европейской части РСФСР пока-

зателей младенческой смертности. Так, в 1935 г. коэффициент младенческой смертности в СССР равнялся 151,2% (в городах – 160,9%, сельской местности – 147,4%), в РСФСР – 159,4% [34]. В Коми АССР он составлял 204,6% (в городской местности – 205,5, сельской – 204,5%) [35]. При этом отметим, что 1935 г. в отношении младенческой смертности был одним из наиболее благополучных за анализируемый период. Например, в 1940 г. показатель младенческой смертности в Коми АССР составлял 320,0%, в то время как в среднем по России – 212,0% [36].

Структура **причин смертности** рассматривается нами только на материалах городского населения, поскольку для сельской местности подобная статистика отсутствует. Но даже в городской местности из-за низкого уровня диагностики причины смерти фиксировались со значительными погрешностями. Так, из 360 случаев смерти, зарегистрированных в 1930 г. в городских поселениях республики, в 96 случаях (26,7%) указано, что смерть наступила в результате неопределенной болезни [37]. Данные о причинах смерти наиболее полно представлены только по г. Сыктывкару (до 1930 г. – Усть-Сысольск), поэтому информацию о причинах смертности можно считать условно репрезентативной, позволяющей выявить только общие тенденции.

Анализ сведений о структуре умерших показывает, что в 1930-е гг. по сравнению со второй половиной 1920-х гг. причины смерти людей изменились. Так, в 1927 г. взрослые жители Усть-Сысольска чаще всего умирали от болезней сердца и старческой дряхлости. Смерть детей в большинстве случаев происходила от врожденных пороков развития, преждевременного рождения, детских инфекций. Традиционно высокая смертность как взрослых, так и детей была от воспаления легких и других болезней органов дыхания [38].

В 1930-е гг. болезни эндогенной этиологии, т.е. болезни связанные с естественным процессом старения организма или пороками внутреннего развития, оказались отодвинутыми на второй план. Вперед выходят болезни возникающие от негативных факторов внешней среды. Среди них доминировали туберкулез, воспаление легких, гастроэнтероколит, острые инфекционные заболевания. Если, в 1927 г. в Усть-Сысольске из 144 умерших зарегистрирована смерть: от туберкулеза легких – 9 чел., воспаления легких – 21, детской диареи (до 2-х лет) – 7, коклюша – 8, кори – 9, тоскической диспепсии – 7, дифтерии – 1, дизентерии – 1, брюшного тифа – 1 чел. [39], то в 1940 г. из умерших в Сыктывкаре 949 чел. умерли: от туберкулеза легких – 101 чел., пневмонии и других заболеваний органов дыхания – 215, токсической диспепсии – 78 чел. Из числа умерших детей в возрасте до одного года (369 чел.) наибольшее количество детей умерло от воспаления легких и

других болезней органов дыхания, токсической диспепсии, острого гастроэнтероколита, менингита, врожденной слабости и преждевременного рождения [40].

Низкий уровень жизни населения и хроническое недоедание ослабляли организм людей, они теряли способность сопротивляться инфекциям и болезням. Употребление в пищу суррогатных и некачественных продуктов порождало желудочно-кишечные болезни и инфекции. Проживание в холодных, сырых, тесных помещениях вызывало волну туберкулеза, воспалений легких и т.п. Так, в Сыктывкаре умерли от туберкулеза: в 1933 г. – 15,1% от совокупности умерших, в 1934 г. – 12,2%, в 1935 г. – 15,5% [41].

Смерть людей непосредственно от голода старались не фиксировать и в статистические сводки они попадали как умершие от «болезней неполноценного питания». Доля умерших от неполноценного питания, т.е. от голода, в 1933 г. в Сыктывкаре составила 8,7% (70 чел.) от совокупности умерших за год [42]. Для сокрытия фактов смерти от голода и хронического недоедания основными причинами гибели людей в статистической отчетности стали желудочно-кишечные заболевания, болезни органов дыхания, острые и хронические инфекции.

Эпидемическая ситуация в республике в рассматриваемый период была крайне неблагоприятной и год от года усложнялась. В 1937–1940 гг. в республике наблюдался рост по большинству опасных инфекционных заболеваний, таких как корь, дизентерия, коклюш, дифтерия. В 1937 г. по республике зарегистрировано 3394 случая заболевания корью, 1127 – скарлатиной, 804 – коклюшем, 497 – дизентерией, 95 – брюшным тифом и паратифом, 123 – сыпным тифом, 91 – дифтерией, 5801 – малярией, 7923 – гриппом [43]. В 1940 г. количество инфекционных заболеваний возросло и приняло характер эпидемий. В республике зафиксировано 7078 случаев заболевания корью против 4335 в 1939 г., 8404 случаев заболевания острым гастроэнтероколитом против 6404 в 1939 г. Только в Удорском районе в 1940 г. 4815 чел. заболели гриппом, в Прилузском районе было зарегистрировано 189 случаев брюшного тифа [44]. Рост числа этих заболеваний в условиях плохого питания, антисанитарии, скученности проживания, слаборазвитой медицины зачастую приводил к летальным исходам.

Анализ естественного движения населения за 1926–1940 гг. показывает, что в указанный период в республике преобладали тенденции, характерные для кризисного состояния демографической сферы. Показатели рождаемости на протяжении всех лет имели достаточно устойчивый характер и оставались на традиционно высоком уровне. С 1936 по 1940 гг. абсолютные показатели рождаемости год от года повы-

шались, достигнув в 1940 г. рекордного для первой половины XX в. уровня. Естественный прирост носил нестабильный характер, ввиду резких колебаний уровня смертности, имевшего в рассматриваемый период тенденцию к росту. Абсолютные показатели смертности увеличивались, а в 1933 г. смертность в республике превысила рождаемость.

В основе увеличения показателей смертности гражданского населения в рассматриваемый период лежала высокая смертность детей младшей возрастной группы (от 0 до 4 лет), особенно младенческая смертность. Из-за эпидемий детских инфекционных болезней, отсутствия медицинской помощи, неполноценного питания из каждых десяти новорожденных до годовалого возраста не доживало 2-3 ребенка.

В 1930-х гг. в республике начался новый этап демографического развития. Если ранее население увеличивалось в первую очередь за счет естественного прироста, то с 1930 г. все более возрастающую роль начинает играть миграционный прирост, который до середины 1950-х гг. становится главным источником формирования населения республики.

Одним из основных факторов, оказывавшим влияние на развитие демографической ситуации в республике, были спецпереселенцы, которые стали прибывать в республику с 1929 г. Они оказали весьма существенное влияние на динамику численности населения, показатели его рождаемости и смертности. Жесточайшие условия, в которых оказывались спецпереселенцы в первое время их пребывания на новом месте жительства, следствием которых была высокая смертность этой категории населения, отрицательным образом сказывались на общих показателях естественного движения населения республики (1930, 1933 и 1940 гг.) и, наоборот, стабилизация демографической обстановки в спецпоселках давала улучшение показателей естественного прироста населения по республике в целом (1934–1939 гг.).

Литература и источники

1. Фаузер В.В. Влияние миграции на численность и состав населения Республики Коми. Сыктывкар, 1992 (Научные доклады / Коми научный центр УрО РАН. Вып. 293); Жеребцов И.Л., Рогачев М.Б. Этнодемографическая ситуация в Коми крае (конец XIX века – 1980-е гг.). Сыктывкар, 1993 (Научные доклады / Коми научный центр УрО РАН. Вып. 326); Фаузер В.В., Парначев А.А. Сельское население северного региона: проблемы воспроизводства и занятости. Сыктывкар, 1998; Игнатова Н.М. Осуществление политики спецпереселения и изменения в составе и численности спецпереселенцев – «бывших кулаков» в середине 1930-х – 1950-е гг. // Покаяние. Сыктывкар, 2001. Т. 4, ч. 2. С. 19–58; Фаузер В.В., Рожкин Е.Н., Загайнова Г.В. Республика Коми в XX веке: демография, расселение, миграция. Сыктывкар, 2001; Покаяние. Мартиролог. Сыктывкар, 1997–2001. Т.1-4, и др.

2. Исупов В.А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века. Новосибирск, 2000. С. 112.
3. Киселев И.Н. Естественное движение населения в 1930-х гг. // Население России в 1920–1950-е годы: численность, потери, миграции. Сб. науч. трудов. М., 1994. С. 55.
4. Там же. С. 57.
5. НАРК. Ф. 140. Оп. 2. Д. 269. Л. 76.
6. Там же. Оп. 5. Д. 1. Л. 5; Оп. 2. Д. 1019а. Л. 5.
7. Там же. Оп. 2. Д. 269. Л. 41.
8. Там же. Оп. 5. Д. 5. Л. 15; Оп. 2. Д. 271. Л. 8.
9. Безносова Н.П. Всесоюзная перепись населения 1926 г. о численности и этническом составе населения Коми Автономной области и численности коми-зырян в СССР // Вопросы социально-политической и социально-экономической истории Республики Коми XX века. Сыктывкар, 1996. С. 121. (Труды Ин-та яз., лит. и истории Коми науч. центра УрО Российской АН. Вып. 61).
10. Там же. С. 118–119.
11. Безносова Н.П. 30-е годы: новый этап демографических и этнодемографических процессов в Республике Коми (по материалам переписей населения 1937 и 1939 гг.) // Коми деревня в XX веке: история, современность, перспективы. Тез. науч.-практ. конфер. Сыктывкар, 1995. С. 7.
12. НАРК. Ф. 140. Оп. 2. Д. 1018. Л. 19.
13. Там же. Оп. 5. Д. 10. Л. 3.
14. Составлено по: НАРК. Ф. 140. Оп. 2. Д. 155. Л. 19-24; Д. 256. Л. 59; Д. 257. Л. 1; Д. 258. Л. 1; Д. 265; Д. 271. Л. 8; Д. 1016. Л. 2-2об; Д. 1019а. Л. 5-5об; Оп. 5. Д. 1. Л. 5; Д. 5. Л. 15; Д. 7. Л. 1, 18, 49, 55.
15. НАРК. Ф. 140. Оп. 5. Д. 10. Л. 3.
16. Киселев И.Н. Указ соч. С. 61.
17. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 58. Л. 15, 83, 90-91.
18. Там же. Д. 58. Л. 23-24; НАРК. Ф. 140. Оп. 5. Д. 7. Л. 1.
19. Исупов В.А. Указ. соч. – С. 106.
20. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 195. Л. 33; Исупов В.А. Указ. соч. С. 131.
21. НАРК. Ф. 140. Оп. 2. Д. 1018. Л. 19; Д. 1019а. Л. 5.
22. Составлено по: НАРК. Ф. 140. Оп. 2. Д. 155. Л. 19-24; Д. 256. Л. 59; Д. 257. Л. 1; Д. 258. Л. 1; Д. 265; Д. 271. Л. 8; Д. 1016. Л. 2-2об; Д. 1019а. Л. 5-5об; Оп. 5. Д. 1. Л. 5; Д. 5. Л. 15; Д. 7. Л. 1, 18, 49, 55.
23. Там же. Д. 256. Л. 30-30об., 59.
24. Там же. Оп. 5. Д. 10. Л. 3.
25. Там же. Л. 3об.
26. Там же.
27. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 42. Л. 71, 119; Д. 58. Л. 23, 24, 31; НАРК. Ф. 140. Оп. 5. Д. 7. Л. 1.
28. НАРК. Ф. 140. Оп. 5. Д. 7. Л. 18, 55; Д. 10. Л. 3об.
29. Там же. Оп. 5. Д. 10. Л. 3об.
30. Там же. Оп. 2. Д. 1019а. Л. 6, 10.
31. Там же. Л.38.
32. Там же. Оп. 5. Д. 10. Л. 3об.

33. Составлено по: НАРК. Ф. 140. Оп. 2. Д. 155. Л. 19-24; Д. 256. Л. 59; Д. 257. Л.1; Д. 258. Л. 1; Д. 265; Д. 271. Л. 8; Д. 1016. Л. 2-2об; Д. 1019а. Л. 5-5об; Оп. 5. Д. 1. Л. 5; Д. 5. Л. 15; Д. 7. Л. 1, 18, 49, 55.
34. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 42. Л. 71, 109; Д. 58. Л. 9; Д. 194. Л. 118.
35. НАРК. Ф. 140. Оп. 5. Д. 7. Л. 1.
36. Исупов В.А. Указ. соч. С. 127; НАРК. Ф. 140. Оп. 2. Д. 1019а. Л. 5.
37. НАРК. Ф. 140. Оп. 2. Д. 260. Л. 13 об.
38. Там же. Оп. 1. Д. 516. Л. 36.
39. Там же.
40. Там же. Оп. 2. Д. 1019а. Л. 14-27.
41. Там же. Оп. 2. Д. 271. Л. 20; Д. 274. Л. 42; Оп. 5. Д. 10. Л. 3.
42. Там же. Оп. 5. Д. 10. Л. 3.
43. Там же. Оп. 2, т. 2. Д. 2028. Л. 73,75.
44. Там же. Оп.2. Д. 1018. Л. 20 об.

Публикация осуществлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 04-06-80411).

В.В. Якоб

**ЧИСЛЕННОСТЬ И СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА
КРЕСТЬЯНСТВА КОМИ ОБЛАСТИ В 1930-е ГОДЫ**

Социально-экономические и политические события в России 1930-х гг. повлекли за собой глубинные изменения в социальном и демографическом развитии населения: его численности, структуре занятий и пр. Эти изменения имели долгосрочные последствия и, как отмечают исследователи, определили особенности социальных и демографических процессов вплоть до настоящего времени [1]. Вопрос о численности крестьянского населения в 1930-е гг., особенно о его потерях в это время, давно актуален для общественных наук и остро дискутируется в историографии. Эти проблемы в разные годы разрабатывали в своих исследованиях В.П.Данилов, И.Е.Зеленин, Н.А.Ивницкий, М.А.Вылцан, Г.Ф.Доброноженко, Л.И.Сурина, А.Ф.Сметанин. Причина этого внимания в том, что 1930-е гг. стали важным этапом демографических процессов на селе, главным индикатором которых стала жесткая государственная политика, направленная на индустриализацию и, следовательно, урбанизацию, ставшую важным фактором в демографических процессах в СССР с 1930-х гг. Главной ошибкой обществоведов в 1990-е гг. было обращение внимания преимущественно на негативные явления демографического развития в 1930-х гг., что приводило к далеким от реальности выводам. Хотя несомненно, что корни неблагоприятной демографической ситуации, усугубленной либеральными реформами в России в 1990-е и 2000-е гг., лежат в выборе путей модернизации страны [2]. Коми АО (АССР с 1936 г.) как составная часть СССР также в полной мере была затронута системными изменениями 1930-х гг.

В рассматриваемый период Коми область продолжала оставаться аграрным и малозаселенным регионом, насчитывая в 1930 г. около 1000 сельских поселений. Основная масса сельского населения была сосредоточена в южных районах, как наиболее благоприятных для занятий земледелием. Села и деревни, как и в предыдущий период, располагались в основном по берегам рек, транспортная сеть была плохо

развита. Этот фактор вместе с суровыми климатическими условиями определил низкую товарность крестьянских хозяйств, их большую зависимость от неземледельческих промыслов.

Определяющим фактором в динамике численности сельского населения в 1930-е гг. для Коми области стала коллективизация, массово проведенная в годы второй пятилетки (1933–1937 гг.). В первой половине 1930-х гг. статорганы в Коми АО насчитывали 50-52 тыс. крестьянских хозяйств [3]. Эти данные были получены в ходе вычисления процента коллективизации. Общая численность сельского крестьянского населения при самых приблизительных подсчетах, считая семью в среднем из 4-5 человек, составляла около 210-230 тыс. [4]. На 10 ноября 1933 г. в колхозах насчитывалось 28910 хозяйств (54,8%).

Естественный прирост в 1930-х гг. не поднимался выше 3–4% за три года. О динамике числа родившихся сообщает таблица 1.

Таблица 1

Динамика числа родившихся в Коми области в 1930-е гг.

Годы	Все население	Сельское население
1930	10256	9725
1931	11455	11090
1932	11120	10642
1933	10413	9904
1934	9199	8695
1935	11146	10523
1936	12043	11321
1937	13617	12709
1938	13235	12216
1939	14360	12913
1940	14976	13335

Таблица составлена по: Фаузер В.В., Рожкин Е.Н., Загайнова Г.В. Республика Коми в XX веке: демография, расселение, миграция. Сыктывкар, 2001. С. 27.

Значительного снижения рождаемости в рассматриваемый период, чего можно было ожидать, не произошло. Уже во второй половине 1930-х гг. негативные последствия поспешной коллективизации были преодолены, своего пика рождаемость достигла в 1939–1940 гг. Прирост крестьянского населения в 1930-е гг. также не претерпел значительного снижения (табл. 2). Слабый кризис середины 30-х гг. был успешно преодолен крестьянами. Это говорит о том, что сельское население согласилось с проводимой советским государством политикой.

Таблица 2

Динамика коэффициента рождаемости населения в 1930-е гг., на 1000 чел.

Годы	Все население	Сельское население
1926	47,1	47,9
1930	42,5	42,6
1931	41,9	42,2
1932	43,1	45,2
1933	36,8	38,3
1934	32,7	34,2
1935	36,5	37,8
1939	44,6	44,1
1940	46,0	45,1

Таблица составлена по: Фаузер В.В., Рожкин Е.Н., Загайнова Г.В. Республика Коми в XX веке: демография, расселение, миграция. Сыктывкар, 2001. С. 29.

Важным является тот факт, что начиная с 1934 г. проявилась тенденция к снижению численности трудоспособного и наличного крестьянского населения, но это вполне объяснимо политикой индустриализации и сплошной коллективизации (табл. 3).

В течение 1935 г. количество крестьянских хозяйств в Коми области продолжало сокращаться, и на 1 января 1936 г. их насчитывалось всего 50736 (из них в колхозах 43,62 тыс.) [5] – почти на 1200 меньше, чем в 1934 г. Прежде всего это объясняется раскулачиванием и репрессиями, уходом крестьян области в город или устройством в качестве рабочих на лесозаготовки и пр. По информации, предоставляемой всесоюзной переписью скота, на 1 января 1936 г. в Коми области насчитывалось 43504 колхозных двора и 8099 единоличных, что в сумме дает 51603 хозяйство и 5416 прочих хозяйств [6]. Наиболее густонаселенными в отношении численности крестьянских хозяйств являлись Сыктывдинский, Усть-Вымский, Усть-Куломский районы, менее – Троицко-Печорский, Усть-Усинский и Усть-Цилемский районы. Таким образом, в 1930-е гг. разница между южными и северными районами в численности и плотности крестьянского населения, как и в предыдущее десятилетие, оставалась существенной. Следовательно, географический фактор продолжал оказывать серьезное влияние на демографические процессы в Коми АССР.

В дальнейшем в течение 1936–1937 гг. среди крестьянского населения Коми АССР продолжала сохраняться тенденция к сокращению числа рабочих рук. По данным одного из официальных источников на 1 января 1938 г. в республике насчитывалось всего 42485 дворов, т.е. не более чем в 1925 г. [7]. Однако по информации сводных годовых отчетов сельхозартелей количество крестьянских колхозных дворов в 1937 г.

Таблица 3

Динамика населения и крестьянских хозяйств в Коми области в 1930-е гг.

Годы	Общее количество крестьянских хозяйств	Количество колхозов	В них хозяйств	Количество дворов не вошедших в колхозы	На 1 колхоз приходилось дворов	Наличие население, в тыс. чел.	В них трудоспособ. в тыс. чел.
1929	Нет сведений	173	4,6 тыс.	Нет сведений	26		
1930	49099	223	7,6 тыс.	36495	32		
1.01.1931	49185	256	7604	25227	44		
1.01.1932	51919	540	23779	28140			
1.01.1933	52476	551	26454	26022			
10.11.1934	51905	573	28910	22995			
15.12.1934	51905	608	34895	17010	Нет сведений		
1.01.1935	51602	631	36691	14911			
1.04.1935	51316	642	39150	12166			
1.07.1935	51366	672	40566	10800			
1.10.1935	50837	685	44578	6259	64		
1.04.1936	50736	684	43,62 тыс.		66		79,412
1937		677	43		63	170,2	81,4
1938	Нет сведений	678		Нет сведений	Нет сведений	168,5	83,5
1939		708			64	179,3	85,9
1940		718	46,9			179,7	82,1

Источники: НАРК. Ф.139. Оп.1. Д.483. Л.3; Ф.407. Оп.1. Д.74-а. Л.1; Ф.408. Оп.1. Т.2. Д.5. Л.17; Ф.140. Оп.2. Д.1376. Л.1; Д.1441. Л.38; XV лет Коми автономной области. Сыктывкар, 1936. С.79; НАРК. Ф.408. Оп.1. Т.2. Д.5. Л.12; Ф.139. Оп.1. Д.496. Л.49-50; Сметанин А.Ф. Колхозы и колхозное крестьянство Коми АССР в предвоенные годы (1938-июнь 1941): Дисс. на соиск. уч. ст. к. и. н. Сыктывкар, 1985.

составляло 47368 единиц, при этом число дворов с отсутствующим свыше одного года населением достигло в колхозах в этом же году 3026 [8]. В 1938 г. количество крестьянских колхозных дворов сократилось до 47198, а число пустующих дворов достигло 3220 [9]. Приведенная статистика дает громадную для республики убыль дворов и в целом подтверждает ежегодное сокращение численности хозяйств: в 1936–1937 гг. – на 8,21%, в 1938 г. – на 0,36%. Следовательно, наибольшие людские потери деревня понесла в середине 1930-х гг. Например, только за 10 месяцев 1935 г. количество крестьянских дворов сократилось на 765 (1,48% от численности всех хозяйств) (табл. 3). Затем темпы сокращения сельского населения в Коми АССР существенно замедлились. Это объясняется тем, что промышленность республики поглотила лишнее сельское население, а в дальнейшем именно ее слаборазвитость не позволяла привлечь большее число трудоспособных жителей [10]. Позднее в связи с развитием сельскохозяйственного производства в колхозах тоже возникла нехватка рабочих рук. Причины этого заключались, во-первых, в том, что прирост населения перестал успевать за развитием сельскохозяйственного производства, а во-вторых, в уходе трудоспособных в промышленность.

Согласно данным переписи 1937 г. в 12 сельских административных районах проживало 243,6 тыс. чел. (92,3% от численности населения республики). Рост населения по сравнению с переписью 1926 г. наблюдался во всех районах. В целом по республике численность сельского населения увеличилась с 1926 г. на 28,7 тыс. чел. (прирост 113%) [11].

По переписи 1939 г. из 319,5 тыс. чел., проживавших в республике, в сельской местности было сосредоточено 289837 чел., при этом удельный вес сельских жителей сократился с 95,5% в 1926 г. до 90,9% в 1939 г. Согласно указанной переписи, перераспределение населения по отраслям экономики происходило в значительной мере в пределах сельской местности. Удельный вес рабочих и служащих на селе составлял 39,5%, колхозников – 55,1% [12]. В республике было 12 административных районов, 143 сельских совета и 2115 сельских населенных пунктов. Населенных пунктов, в которых проживало менее 50 человек, насчитывалось 934, и они составляли 44% от общего числа населенных пунктов республики. Плотность сельского населения составляла 0,66 человек на 1 кв. км. По сравнению с 1926 г. сельское население увеличилось на 134,8% [13].

Динамика численности колхозного населения в рассматриваемый период приведена в таблице 4.

Таблица 4

Численность колхозного населения Коми АССР в 1937–1940 гг.

Показатели	1937 г.	1938 г.	1939 г.	1940 г.
Число учтенных колхозов	677	678	708	712
Число дворов в них				46,5
В них наличного населения, тыс. чел.	170,2	168,5	179,3	179,7
в том числе трудоспособного, тыс. чел.	81,4	83,5	85,9	82,1
В том числе работ. в промыш- ленности, но прожив. в колхозе				10,2
Число всех колхозников				113,8

Источники: НАРК Ф.408. Оп.1. Т.2. Д.5. Л.12; Сметанин А.Ф. Колхозы и колхозное крестьянство Коми АССР в предвоенные годы (1938 – июнь 1941): Дис. на соискание уч. ст. к. и. н. Сыктывкар, 1985.

Рост численности наличного колхозного населения происходил в основном за счет увеличения общего количества колхозов. В то же время численность наличных трудоспособных жителей оставалась практически неизменной. Информация о количестве наличных дворов в колхозах Коми АССР в 1940 г. представлена в таблице 5.

Таблица 5

Количество наличных дворов в колхозах Коми АССР в 1940 г.

Районы	Количество дворов
Летский	2177
Прилузский	3565
Сысольский	3801
Сыктывдинский	4792
Сыктывкарский	531
Корткеросский	2124
Сторожевский	3122
Усть-Куломский	6240
Усть-Вымский	3646
Железнодорожный	2327
Удорский	3168
Ухтинский	704
Троицко-Печорский	1063
Ижемский	3356
Усть-цилемский	1691
Усть-Усинский	2210
Среднее	2782
Всего	44517

Источники: НАРК. Ф. 408. Оп. 1. Т. 2. Д. 5. Л. 17.

Отметим, что появилась устойчивая тенденция к увеличению сельского населения. Среднегодовой прирост в 1927 –1939 гг. составил 7,3 тыс. чел., причем механический и естественный прирост были почти одинаковыми [14].

Таблица 6

Социальный состав сельского населения Коми АССР в 1939 г.

Социальные группы	Число лиц с семьями		Занятое население	
	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%
Рабочие	62106	21,4	36-61	23,7
Служащие	52426	18,1	25332	16,7
Колхозники	159889	55,2	83218	54,7
Кооперированные кустари	1510	0,5	579	0,4
Некооперированные кустари	2554	0,9	1381	0,9
Крестьяне-единоличники	10094	3,5	5407	3,6
Не указавшие общественную группу	1153	0,4	–	–
Все население	289712	100	151978	100

Источники: НАРК. Ф. 140. Оп. 2. Д. 988. Л. 1; Сметанин А.Ф. Колхозы и колхозное крестьянство Коми АССР в предвоенные годы (1938 – июнь 1941): Дис. на соиск. уч. степ. к.и.н. Сыктывкар, 1985.

Как показывает таблица 6, абсолютное большинство населения было связано с общественной собственностью. Как определяет А.Ф.Сметанин, в 30-е гг. завершился один из самых крупных социальных переворотов в истории коми деревни [15]. Наиболее многочисленную группу не только среди сельского, но и всего населения республики составляло колхозное крестьянство. Некооперированные кустари и крестьяне-единоличники составляли всего лишь 4,5% сельского населения.

Подобное положение прежде всего объяснялось оттоком колхозного населения в другие отрасли народного хозяйства. Только за 1939 г. из состава колхозов выбыло более 870 дворов. К тому же в рассматриваемый период развития колхозного крестьянства его численность в значительной мере возрастала за счет вступления в колхозы единоличников, а в годы третьей пятилетки этот источник пополнения колхозников практически потерял свое значение. Основным источником пополнения колхозного населения стал естественный прирост. Так, по учтенному количеству колхозов, число подростков в возрасте от 12 до 16 лет в 1940 г. было почти на 6 тыс. чел. больше, чем в 1937 г. В то же

время, несмотря на замедление темпов роста численности колхозников, в сельхозартелях была сосредоточена значительная рабочая сила, максимальное рациональное использование которой приобретало важное социально-экономическое значение. Колхозное население не только составляло основную производственную силу в сельском хозяйстве, но и поставляло большой контингент работающих в другие отрасли народного хозяйства. Необходимо также отметить, что несмотря на серьезные социальные процессы, количество сельских жителей не сократилось, а, наоборот, возрастало. Это объясняется тем, что ведущие отрасли промышленности развивались в пределах сельской местности, где и происходило распределение рабочей силы [16]. Однако численность непосредственно связанных с сельским хозяйством жителей республики сокращалась, а ведь именно связь с землей, трудом на ней являлась во все времена неотъемлемым атрибутом крестьянства.

Создание и дальнейшее организационно-хозяйственное развитие колхозного строя вело к изменениям и самого крестьянского социального облика. Это выражалось в подготовке массовых квалифицированных кадров, появлении административно-управленческой прослойки, поступлению в деревню специалистов сельского хозяйства. Социальные изменения на селе привели и к важным последствиям в изменении профессионального состава крестьянства. В 1940 г. в колхозах на различных руководящих должностях было занято 5,5 тыс. чел. Значительная часть из них прошла определенную подготовку и получила специальные знания. В республике работали районные колхозные школы, школа механизации, два сельскохозяйственных техникума, многочисленные курсы. В МТС было занято 1,8 тыс. чел., владеющих техникой [17].

В 1940 г. наличное крестьянское население колхозов Коми АССР сократилось до 179,7 тыс. чел. или почти на 19% по сравнению с 1929 г. Важным является факт, что в тридцатые годы рост числа сел, деревень, починок и других крестьянских селений постепенно прекратился, а к концу тридцатых годов началось сокращение их численности. В 1939 г. на территории Коми АССР было 1218 сельских поселений [18].

Число трудоспособных мужчин в возрасте от 16 до 60 лет, принимавших участие в колхозном производстве республики, сократилось на конец 1940 г. и составляло 26,3 тыс. Их удельный вес по отношению к количеству всех работавших в 1940 г. не превышал 23,1%. Количество трудоспособных женщин, участвовавших в общественном хозяйстве, также уменьшилось к 1940 г. и составило около 40 тыс. Общее число трудоспособных, работавших в колхозах сократилось до 68,8 тыс. чел. В 1940 г. на один колхозный двор приходилось всего 1,5 работавших трудоспособных [19].

Значительному сокращению подверглось количество и всех остальных категорий колхозного населения – подростков, престарелых и нетрудоспособных. Так, к концу 1940 г. число работавших престарелых колхозников снизилось до 27,4 тыс. В итоге общая численность всех участвовавших в колхозном труде колхозников составила в 1940 г. 113,7 тыс. человек.

На общий уровень рождаемости в среде крестьянского населения воздействовали в рассматриваемый период различные социальные и экономические факторы. В 1930-е гг. рождаемость хоть и не упала, но увеличился отток населения из деревни, при чем уходила, несмотря ни на какие преграды воздвигнутые государством наиболее трудоспособная часть крестьянского колхозного населения (в возрасте от 18 до 40 лет). Это естественно вело к огромному числу так и не возникших семей, а тем самым и к будущим демографическим проблемам на селе.

Литература и источники

1. Жиромская В.Б. Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. М.: РОССПЭН, 2001. С. 3.
2. Данилов В.П. Судьбы сельского хозяйства в России (1861–2001 гг.) // <http://ruralwordls.msses.ru/seminar/index.html>
3. Национальный архив Республики Коми (НАРК). Ф.139. Оп.1. Д.470. Л.83.
4. Там же. Д. 482. Л. 8.
5. Там же. Д. 496. Л. 49-50.
6. НАРК. Ф. 140. Оп. 2. Д. 624. Л.1-61.
7. Там же. Д.1249. Л. 1.
8. НАРК. Ф. 140. Оп. 2. Д. 1392. Л. 1.
9. Там же.
10. Промышленные рабочие Коми АССР. 1918–1970. М., 1974. С. 88-99.
11. Сквозников В.Я., Жеребцов И.Л., Фаузер В.В., Безносова Н.П. Население Республики Коми: прошлое, настоящее, будущее (о чем рассказывают переписи). Сыктывкар, 2001. С. 67.
12. Фаузер В.В., Парначев А.А. Сельское население северного региона: проблемы воспроизводства и занятости. Сыктывкар, 1998. С. 21-30.
13. Сквозников В.Я., Жеребцов И.Л., Фаузер В.В., Безносова Н.П. Указ. соч. С. 69-78.
14. Подоплелов В.П. Проблемы воспроизводства населения, формирования трудовых ресурсов и их рационального использования. Сыктывкар, 1972. С. 26.
15. Жеребцов И.Л., Сметанин А.Ф. Коми край: очерки о десяти веках истории. Сыктывкар, 2003. С. 301.
16. Там же. С. 300-301.

17. Сметанин А.Ф. Колхозы и колхозное крестьянство Коми АССР в предвоенные годы (1938 – июнь 1941): Дисс. ... канд. ист. наук. Сыктывкар, 1985.

18. История Коми с древнейших времен до конца XX века. Сыктывкар, 2004. Т. 2. С. 281.

19. НАРК. Ф. 140. Оп. 2. Д. 1392. Л. 1-10.

Публикация осуществлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 04-06-96001).

Н.М.Игнатова

**ЧИСЛЕННОСТЬ СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ
В КОМИ АССР В 1930-1950-е ГОДЫ**

Проблема массовых насильственных переселений в исторической науке на сегодняшний день является достаточно разработанной. Намечены основные пути исследования, выработаны методологические подходы к данной теме. Из разряда популярных тема массовых репрессий окончательно перешла в разряд фундаментальных исследований.

Первые научные публикации по теме спецпереселения были посвящены непосредственно проблеме численности спецпереселенцев, насильственно переселенных в различные регионы государства в 1930–1950-е гг. в рамках коллективизации, депортаций, репатриации и других репрессивных мероприятий государства. Из работ общероссийского уровня необходимо выделить работы В.Н.Земского, которые содержат большой статистический материал, обосновывающий предложенную автором периодизацию [1]. Численность спецпереселенцев на европейском Севере в начале 1930-х гг. подробно рассмотрена в работах Н.А.Ивницкого [2]. Наиболее полный анализ изменений численности спецпереселенцев на территории непосредственно Коми АССР представлен в публикациях Н.Ф.Бугая, Л.С.Шабаловой, Г.Ф.Доброноженко и автора данной статьи [3]. Динамика численности, а также причины изменения численности спецпереселенцев в Коми АССР рассматриваются в работах Н.П.Безносовой, А.Н.Турубанова и других исследователей [4].

Проблема численности спецпереселенцев и периодизации процесса спецпереселения является наиболее сложной. Во-первых, архивные данные отличаются противоречивостью, вследствие чего в публикациях различных авторов существуют значительные разногласия и несоответствия. Информация о численности спецпереселенцев в центральных и региональных архивах раздроблена и разнесена по документам разных фондов. Некоторые рассекреченные материалы недоступны для исследования из-за плохой сохранности. Нередко документы одного типа, хронологические и тематические продолжающие друг друга, пред-

ставлены фрагментарно. Во-вторых, часть источников содержит заведомо неверную информацию. Не редкими были случаи, когда коменданты, чтобы отвести от себя обвинения в «плохом освоении спецпереселенцев», умерших спецпереселенцев вписывали в графу сбежавших. Плюс к этому, учет числа спецпереселенцев на местах, особенно в первые годы заселения, не был налажен. Практиковалось, в частности, перебрасывать спецпереселенцев на работы с одного поселка на другой, поэтому точное количество спецпереселенцев, например, за какой-то определенный месяц коменданты указать не могли.

Особо следует отметить одну группу источников – документы органов ЗАГС, действовавших непосредственно в спецпоселках. В органах ЗАГС заполнялись актовые записи о рождении, смерти, браках и разводах спецпереселенцев. Основная масса документов относится к 1932–1941 гг., частично представлены данные за 1941–1949 гг. Объясняется такая хронология тем, что в 1940–1941 гг. прошла реорганизация работы органов ЗАГС, и во многих спецпоселках они были ликвидированы. Этот источник крайне противоречивый, так как содержит комплекс данных по демографической ситуации в спецпоселках Коми края, но не полный в силу того, что органы ЗАГС работали нерегулярно и не во всех спецпоселках, при этом не всегда, например, по случаю смерти спецпереселенцев заполнялись актовые записи. Однако это единственный источник, который позволяет судить о тенденциях, характерных для демографической ситуации в спецпоселках.

Спецпереселенцы, выселяемые в основном в малозаселенные и стратегически важные в плане индустриального развития страны районы, восполняли недостаток рабочей силы регионов. В этом отношении важным было вести точный учет переселяемых в регионы спецпереселенцев. Во многих случаях это оказалось трудновыполнимой задачей. Если достаточно точно можно сказать, сколько человек было выселено из какого-либо региона, то по спецпереселенческим регионам, вследствие высокого уровня смертности и побегов, данные по численности спецпереселенцев, зафиксированные в документах, расходятся и поэтому в некоторой степени являются приблизительными. Это относится и к данным по спецпереселенцам, расселенным на территории Коми АССР.

Регистрация спецпереселенцев велась райисполкомами и райкомендатурами, отсюда сведения (карточки учета) должны были поступать в органы ЗАГС, которые вели общий учет населения и, в том числе, спецпереселенцев. Но эта работа не была налажена. В документах Севкрайисполкома в 1930-е гг. отмечалось: «Органами ЗАГС не уделяется должного внимания надлежащей постановке учета естественного движения спецпереселенцев, регистрационные карточки не заполняются и органы

ЗАГС их не требуют. Ни в одном из спецпоселков не было проведено обследование работы ЗАГС. Регистрация производится не своевременно и со стороны райисполкомов мер к устранению этих ненормальностей никаких не принимается» [5].

Учет спецпереселенцев велся по карточной системе, составлялись алфавитные семейные карточки, карточка на семью. Отмечалось прибытие, убытие, трудоспособность, браки, рождения, смерти. Отдельно велся учет глав семей и членов семей, находящихся в ИТЛ. Для учета спецпереселенцев выделялись специальные лица, непосредственно находящиеся под руководством коменданта, либо выделялись участковые уполномоченные для ведения учета [6].

Исследователь С.И.Старостин утверждает, что в 1950–1960-е гг. в спецфондах МВД и УВД была уничтожена большая часть дел по «кулацкой ссылке» и на хранении остались лишь архивные карточки оперативного и семейного учета. Как правило, в них содержались ограниченные сведения: фамилия, имя отчество, год и место рождения, год применения репрессий, место проживания до применения репрессий, где состоял на учете и до какого времени, на каком основании освобожден, состав семьи (иногда). Например: «С. (в карточке фамилия, имя, отчество указаны полностью), 1894 г(ода) р(ождения), ур(оженец) д(еревни) Веселая Вашкинского района Ленинградской области, в 1931 году выслан как кулак. Состоял на спецучете. Находился в Зейском районе Амурской области. Освобожден в 1947 году. Личное дело уничтожено» [7]. Содержание именно таких карточек вошло в списки раскулаченных, переселенных в Коми область в 1930-1931 гг., которые были опубликованы в 2001 г. в мартирологе «Покаяние» (Т. 4. Ч. 1, 2) [8].

Естественно, что весь учет спецпереселенцев находился под контролем органов НКВД-МВД, и все учетные документы, в частности, по Коми АССР, хранились в архивном отделе НКВД-МВД Коми АССР. Согласно разъяснениям архивного отдела ГУЛАГа НКВД СССР от 14 марта 1940 г., личные дела спецпереселенцев, освобожденных из спецпоселков, подлежали хранению в течение 10 лет, находящихся в бегах – постоянно, спецпереселенцев-одиночек, умерших в спецпоселках – 5 лет. Учетные карточки на переселенцев (картотека) подлежали постоянному архивному хранению. В соответствии с данным положением многие учетные документы по спецпереселенцам были уничтожены уже в период спецпереселений, в 1930–1950-е гг. [9].

Начало процесса спецпереселения, т.е. массового принудительного переселения, было связано с осуществлением политики коллективизации и раскулачивания. В 1930 и 1931 гг. было выселено из районов сплошной коллективизации с отправкой на спецпоселения 381026 семей, общей

численностью 1803392 чел., около 20% было выселено на европейский Север. Большинство из выселенных с мест постоянного проживания определялись как спецпереселенцы (выселенные в административном порядке); меньшую часть составили ссыльные (отправленные в ссылку на сроки) и административноссыльные (отправленные в ссылку навечно) [10].

Выселяемые на территорию Коми автономной области спецпереселенцы должны были решить проблему пополнения трудовых ресурсов. В Коми области рабочих рук было недостаточно, за счет внутреннего резерва эту проблему решить было нельзя. Аналогичным образом складывалась ситуация и во многих других индустриально развитых регионах. С 1929 г. в Коми край поступают первые партии заключенных, которые должны были развивать угольный, нефтяной комплексы и железнодорожное строительство, а с 1930 г. – спецпереселенцы, предназначенные для развития лесной промышленности, которая стала «главным фронтом социалистической индустриализации Коми области» [11].

Всего в 1930–1932 гг. по стране было 22 района спецпоселений [12]. Основная часть переселяемых направлялась в малонаселенные районы страны. Как указывалось в документах ОГПУ, к январю 1932 г. в этих районах было расселено 1400 тыс. чел. [13]. К малонаселенным районам относился и Северный край, в состав которого до 5 декабря 1936 г. входила Коми область. В 1930 г. в округа Северного края предполагалось выселить 70 тыс. семей (350 тыс. чел.). В течение 1930 г. цифры были снижены до 45 тыс. семей, в том числе по Архангельскому округу до 17 тыс. семей, Вологодскому – 6 тыс., Няндомскому – 6 тыс., Северодвинскому – 7 тыс., Коми области – 9 тыс. Разместить переселенцев предполагалось как в приспособленных помещениях (бывшие церкви, монастыри, складские и торговые здания), так и в специально выстроенных бараках [14].

Работа центра по «распределению» спецпереселенцев шла достаточно четко. Существовали планы, разрядки, по которым определенное количество спецпереселенцев поступало в соответствующие регионы. Между регионами высылки и Москвой велась активная переписка по согласованию количества выселяемых спецпереселенцев. После того, как планы расселения были окончательно оговорены и приняты, заключались договоры на трудовое использование спецпереселенцев вначале между ОГПУ и различными наркоматами, а затем на региональном уровне между органами ОГПУ и промышленными учреждениями. В частности, 28 февраля 1930 г. был заключен договор между Коми областным отделом ОГПУ и Государственным лесопромышлен-

ным трестом «Комилес» о передаче в распоряжение треста 5 тыс. «кулацких семей с целью расселения их «в пределах лесных дач», принадлежащих «Комилесу». В договоре оговаривалось, что «передача и приемка принимаемых семей производится партиями от 50 до 250 чел. на станциях Мураши, Пинюг, Котлас Пермской железной дороги» [15].

Первые эшелоны с высланными стали прибывать в Северный край в конце февраля 1930 г. К началу мая 1930 г. в Северный край было выселено 46562 семьи в количестве 230065 чел., в том числе из Украины 19658 семей (93461 чел.), из Центрально-Черноземной области – 8237 (42837 чел.), Нижне-Волжского края – 7931 (40001), Средней Азии – 5566 (29211), Белоруссии – 4763 (22810) и Крыма – 407 (1745). Тогда же на Урал было выселено 17835 семей (85134 чел.) из Северного Кавказа, Белоруссии и Крыма, в Сибирь прибыло 20176 человек из Украины, в Казахстан было вселено 80 семей (281 чел.) из Средней Азии. Всего к августу 1930 г. по 11 районам СССР было расселено 51889 кулацких семей, т.е. примерно четверть миллиона человек [16].

В Коми крае в 1930 г., в свою очередь, было вселено около 17 тыс. чел. [17]. В 1930 г. было организовано 23 поселка, которые 4 мая 1931 г. были переданы Коми областным земельным управлением тресту «Комилесу». Из 23 поселков первоначально было определено шесть сельскохозяйственных и 17 лесопромышленных [18].

Расселение спецпереселенцев в 1931 г. шло непосредственно исходя из нужд определенной отрасли промышленности, преобладающей в регионе. Труд спецпереселенцев в Коми АССР использовался, прежде всего, в лесной промышленности. Основной план переселения в 1931 г. для нужд лесной промышленности был утвержден в ходе заключения Генерального соглашения от 10 июля 1931 г. между Главным Управлением Исправительно-Трудовыми лагерями ОГПУ (ОГПУ) и Всесоюзным объединением Лесной промышленности и Лесного хозяйства ВСНХ СССР (далее Союзлеспром). В соглашении, в частности, оговаривалось, что ОГПУ переселяет в распоряжение ЛПХ Союзлеспрома для пользования на лесозаготовках, сплавных и других лесных работах спецпереселенцев, в том числе Северный край, в распоряжение «Комилеса» – 8090 семей или до 32305 чел. [19].

В сентябре 1931 г. был заключен договор между ПП ОГПУ по Северному краю и трестом «Комилес», по которому последнему «предоставлялось» более 38 тыс. чел. Согласно данному договору спецпереселенцев, которые должны были прибыть в Коми область в 1931 г., предполагалось разместить в 47 спецпоселках в восьми районах области [20].

В итоге переселенческих мероприятий за 1930–1931 гг. всего в Северный край была выслана 58271 семья спецпереселенцев, или 103

тыс. чел., проживавших в 189 поселках [21]. В Коми области к 1931 г. численность спецпереселенцев составила 40325 чел., в том числе по Сыктывдинскому району – 4233 чел., по Сторожевскому – 3428, Усть-Вымскому – 7237, Усть-Куломскому – 8496, Визингскому – 5944, Троицко-Печорскому – 4510, Прилузскому – 3645, Кожвинскому – 1342 и Усть-Цилемскому – 2 тыс. чел. [22].

К началу 1932 г. общая численность спецпереселенцев по 14 регионам СССР, согласно докладной записке Г.Г.Ягоды И.В. Сталину от 4 января 1932 г., составляла 1,4 млн. чел. Из данных этой записки указано, что в Северном крае было расселено 131313 чел. [23]. В Коми автономной области в 1932 г. проживало 38 тыс. чел. спецпереселенцев, размещенных в девяти районах области. Наибольшее число спецпереселенцев на 1 января 1932 г. было размещено в Усть-Куломском районе – 8235 чел. [24]. Ввиду распространения эпидемий и большой смертности в спецпоселках численность спецпереселенцев уже через год сильно сократилась (около 24 тыс. чел. в начале 1933 г.) [25].

В Коми области в начале 1930-х гг. помимо спецпереселенцев проживало 10447 административно высланных. Спецпереселенцы, административно высланные и «местный контрреволюционный элемент» по отношению к местному населению (222542 чел.) составляли 22%, всего 50673 чел. Как говорилось в документах ОГПУ, «пораженность антисоветским и контрреволюционным элементом» в отдельных районах доходила до 38-39% (Усть-Куломский и Сторожевский), а в Троицко-Печорском районе составляла около 100%. Количество вселяемых в отдельных районах почти соответствовало числу местного населения [26]. По данным ОГПУ, в общей массе «контрреволюционных элементов» спецпереселенцы составляли 38612 чел., политическая ссылка – 10447 чел. [27].

Выселение из районов сплошной коллективизации после 1931 г. рекомендовалось проводить в индивидуальном порядке. Всего, не считая внутрикраевого расселения, в 1932 г. было выселено на спецпоселения по стране 71236 чел., гораздо меньше по сравнению с 1931 г., т.е. масштабы спецпереселения резко сократились, но не прекратились. В 1933 г. были произведены выселения под предлогом чистки колхозов от кулацких элементов и «саботажников» хлебозаготовок и налоговых платежей [28]. В Северный край, по данным исследователя В.Я.Шашкова, в конце 1932-го – начале 1933-го гг. было отправлено 4615 семей, после чего общая численность спецпереселенцев в Северном крае составила 62886 семей (300922 чел.) [29]. В Коми область спецпереселенцы после 1931 г. поступали небольшими партиями. Например, 2 августа

1935 г. между УНКВД и трестом «Комилес» был заключен договор о приеме трестом 680 семей спецпереселенцев (2380 чел.) [30].

Следует сказать о национальном составе раскулаченных крестьян, завезенных на спецпоселения в Коми область в 1930-е гг. Подавляющей массой спецпереселенцев были русские. Вторую группу составляли немцы. В численном отношении это выглядело следующим образом: из 38902 чел. в 1932 г. было учтено русских – 35149 чел., немцев – 2359, татар – 505, поляков – 31, чувашей – 265, представителей мордвы – 283, армян – 39, евреев – 9, киргизов – 143, чехов – 83 чел. [31].

В Северный край раскулаченные были выселены из Украины, Нижневолжского и Средневолжского краев, Центрально-Черноземной области, Крыма, Белоруссии, т.е. в основном из районов традиционного проживания российских немцев, поэтому немцев среди спецпоселенцев насчитывалось 6,1% (2359 чел.). В основном они располагались в Прилузском, Сысольском и Усть-Куломском районах. В Прилузском районе недалеко от села Ношуль был даже организован спецпоселок Немецкий. В 1931 г. там проживало 163 семьи (685 чел.). В 1937 г. среди живущих в спецпоселках немцы составляли 10,3%, т.е. доля немцев увеличилась. Объясняется это, скорее всего, тем, что в течение 1930-х гг. определенная часть спецпереселенцев была восстановлена в гражданских правах и могла выехать из спецпоселков, а к немцам, как правило, относились предвзято. Подтверждается это тем, что в 1939 г. по переписи в Коми АССР было учтено 2617 немцев, из которых 122 чел. проживали в городе, а остальные в селах и поселках. Совершенно ясно, что проживающие в селах все были спецпереселенцы. Численность немцев с 1932 по 1939 гг. сильно не изменилась [32].

В 1936 г. при регистрации национальности жителей спецпоселков было учтено по области русских – 11954 чел., белорусов – 2549, немцев – 1911, украинцев – 1209, поляков – 361, татар – 185, армян – 28, евреев – 9, латышей – 14, киргизов – 16, башкир – 16, мордвинков – 149, чувашей – 96 и молдаван – 96 чел. [33]. В сравнении с 1932 г. появились «новые» национальности: латыши, белорусы, молдаване и украинцы. С 1932 по 1936 гг. резко сократилась численность русских (более чем в три раза), мордвы (в два раза), татар (почти в три раза) и киргиз (в девять раз). Несмотря на столь сильное сокращение численности представителей некоторых национальностей в спецпоселках и появление «новых» национальностей, можно сказать, что общая картина национального деления спецпереселенцев на протяжении 1930-х гг. почти не изменялась.

Численность спецпереселенцев в Коми области после 1932 г. начинает резко сокращаться. Исследователь Н.А.Ивницкий считает, что основной причиной было бегство из спецпоселков, и утверждает, что

бегство кулаков с мест расселения в 1930-е гг. достигло 72% от их общего числа [34]. Действительно, побеги имели место. За 1934–1935 гг. с поселков Усть-Куломского района бежало 615 чел. (19% взрослого населения) [35]. Однако несмотря на достаточно большое количество побегов основной причиной уменьшения числа спецпереселенцев в Коми крае был высокий уровень смертности вследствие неблагоприятных условий жизни в спецпоселках и распространения эпидемических заболеваний среди спецпереселенцев. По данным сплошного обследования спецпоселков, в 1932 г. количество умерших составило 10509 чел., в том числе мужчин – 6362, женщин – 4147, детей до года – 2108 чел. [36].

По данным органов ЗАГС за 1933–1940 гг. в спецпоселках Коми АССР родилось 4567 чел. Минимальный уровень рождаемости пришелся на 1933 г. – 139 чел. С 1936 г. сохраняется стабильное число рождений – около 700 чел. За этот же период в общем в спецпоселках было зарегистрировано 969 браков и расторгнуто всего 56. При этом за восемь лет в 25 спецпоселках из 46 не было зарегистрировано ни одного развода. Самый высокий уровень смертности в спецпоселках в период 1933–1941 гг. приходится на 1933 г., в 1934 г. уровень смертности снизился более чем в три раза [37].

Если в 1932 г. спецпереселенцев насчитывалось 39184 в январе и 38103 в мае [38], то к 1933 г. их численность сократилась до 24932 чел. [39]. В 1934 г. спецпереселенцев было уже 17859 [40], а к концу 1935 г. – 16954 [41]. Аналогичная ситуация сложилась во многих спецпереселенческих регионах. Так, по данным Сиблага ОГПУ, с июня 1931 г. по июнь 1932 г. в Нарыме у спецпереселенцев родилось 3841, а умерло 25213 чел. [42]. Во второй половине 1930-х гг. число раскулаченных на спецпоселениях в Коми АССР остается стабильным – около 17 тыс. чел. В частности, на 1 октября 1938 г. было учтено 17955 чел. [43].

Особое место в рамках спецпереселения занимает Великая Отечественная война. В 1939 – начале 1940-х гг. в Москву из Коми АССР методично направлялись запросы на ввоз «дополнительной рабочей силы». Планы лесозаготовок постоянно увеличивались, при этом количество постоянных рабочих в лесу оставалось стабильным. 19 мая 1940 г. потребность треста «Комилес» определялась руководством треста в 12 тыс. чел. [44]. В итоге проведенной работы, как указывается в документах Коми обкома ВКП(б), за 1940–1941 гг. в лесную промышленность Коми АССР было направлено 47000 чел. [45].

За время войны число спецпереселенцев-«бывших кулаков» на спецпоселениях резко сократилось. В начале войны раскулаченных, высланных на спецпоселения в 1930-е гг., было около 1 млн., в 1945 г. – уже 631 тыс. чел. [46]. В начале 1941 г. «кулацкая ссылка» в Коми АССР,

составляла 17634 чел. Общее число спецпереселенцев по СССР на 1 января 1941 г. составило 930221 чел. [47].

Начиная с 1939 г., на высшем партийно-государственном уровне в перечне рассмотренных вопросов и принятых решений абсолютно доминировали постановления по «этнической» депортации по сравнению с проблемами «кулацких» трудпоселений. В первой половине 1940-х гг. отправленными на спецпоселение и соответственно получившими статус спецпереселенцев были в подавляющем большинстве представители депортированных народов. В определенной степени некоторые депортации можно считать продолжением «кулацкой ссылки», так как, например, из присоединенных в 1939 г. Западной Украины и Западной Белоруссии выселялись в основном крестьяне, подвергшиеся раскулачиванию в предвоенный период.

В 1940–1943 гг. основную массу переселенных в Коми АССР составили «польские осадники и беженцы» и немцы. Всего за 1940–1941 гг. по стране было выселено около 316–323 тыс. осадников и беженцев, которые были расселены в 586 спецпоселках НКВД, расположенных в 19 регионах страны [48]. Под «осадниками» понимались бывшие военнослужащие польской армии, отличившиеся в советско-польской войне 1920 г. и получившие землю в районах, заселенных украинцами и белорусами, под «беженцами» – граждане тех же областей Западной Украины и Западной Белоруссии, но главным образом еврейского происхождения [49].

Вторую категорию спецпереселенцев, подвергшихся массовому выселению в начале 1940-х гг., составили немцы. Немцы поступали на спецпоселения с 1941 по 1948 гг. В 1939 г. в СССР насчитывалось всего 1427232 немца [50]. По указу Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. № 21-160 «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья» была начата массовая депортация в Сибирь и Казахстан. Было переселено свыше 400 тыс. чел. [51]. Помимо Республики немцев Поволжья, выселение лиц немецкой национальности производилось из Тамбовской, Ивановской, Ярославской, Пензенской, Свердловской, Воронежской областей, Чувашской автономной области, Крымской автономной республики, а также с Дона и Северного Кавказа. Как указывает исследователь Н.Ф.Бугай, по данным архива спецпоселений НКВД СССР в 1941 г. – первой половине 1942 г. было доставлено на восток страны в 344 эшелонах 1084828 немцев, а всего в 1941–1942 гг. было переселено из мест постоянного проживания 1209430 немцев [52].

В Коми АССР основная масса спецпереселенцев категории «польские осадники и беженцы» была завезена в период с февраля по июль

1940 г. На 1 апреля по Коми АССР было учтено 10764 поляков-спецпереселенцев [53]. Всего с февраля по июль 1940 г. в Коми было завезено из Западной Украины и Западной Белоруссии 18842 «польских осадника и беженца» [54], из которых – около 10 тыс. осадников и более 8000 беженцев [55]. 1 июля 1940 г. вышло постановление СНК Коми АССР, исходя из которого в республику должно было поступить еще 2160 семей [56].

Всего за 1940 г. в Коми АССР прибыло 19388 спецпереселенцев – осадников и беженцев [57]. В подавляющем количестве они были трудоустроены на предприятиях «Комилес» и «Вычегдалес». В августе 1940 г. на этих предприятиях было трудоустроено 15781 чел. [58]. В основном поляки были размещены в Прилузском, Сыктывдинском, Железнодорожном и Сысольском районах и расселены также в Усть-Вымском, Летском, Корткеросском и других районах.

С 1941 г. численность поляков в республике начала сокращаться. Указом Верховного Совета СССР от 12 апреля 1941 г. польские граждане, как военнопленные, так и находящиеся в спецпоселках, лагерях и проживающие в советских городах, были амнистированы, им предоставлялось право свободного проживания на территории СССР, не находящейся на военном положении, как иностранцам [59]. По данному указу об амнистии поляки не могли покинуть СССР. С 1941 г. они вступали в формирующуюся польскую армию Андерса и в 1942 г. вместе с армией смогли покинуть Советский Союз [60]. К 1943 г. численность поляков в Коми АССР (за исключением лагерей) сократилась до 8240 чел. [61].

По постановлению Совнаркома СССР от 5 апреля 1944 г. Союз польских патриотов руководил переселением из Коми АССР около 9 тыс. поляков-спецпереселенцев. Всего в 1944 г. в Коми АССР на 2 апреля на спецпоселении проживало 8041 бывших польских граждан, в том числе детей до 16 лет – 2234 чел., из них находящихся в детских домах – 399, а также поляков в инвалидных домах – 84 чел. Был составлен график отправки 7552 поляков в Ростовскую область, Ставропольский и Краснодарский края. Отправка была намечена на май-июнь месяцы [62]. После 1944 г. в Коми АССР «польских осадников и беженцев» практически не осталось, вследствие чего особый учет по данным лицам после 1944 г. уже не велся. С 1944 г. численность поляков резко сократилась и в целом по стране, однако из более 200 тыс. спецпереселенцев-поляков 1940 г. в 1948 г. оставалось еще на спецпоселении 32 тыс. чел. [63].

Немцы на спецпоселения в Коми АССР поступали, в основном, в составе эвакуированных из прифронтовых районов, как «лица враж-

дебной на период войны национальности». Всего за 1941 год в Коми АССР прибыло около 20 тыс. перемещенных лиц. На декабрь 1941 г. было учтено 8147 «эвакуированных», 8410 «эвакуированных спецпереселенцев» и 2949 немцев [64].

Основную массу эвакуированных спецпереселенцев составили раскулаченные и высланные в Карелию в 1930-е гг. крестьяне, а затем в 1941 г. высланные повторно уже из Карело-Финской ССР в Коми АССР. Среди них было довольно большое количество немцев, но, сколько точно, по архивным документам выявить не удалось. Есть только косвенные данные. Всего в 1941 г. из Карело-Финской ССР было переселено 7290 чел. [65]. В 1946 г. председатель Совета Министров Карело-Финской ССР Прокконен в обращении в обком Коми АССР настаивал на возвращении «всего населения», высланного в 1941 г. Немцы не подлежали возврату. Прокконен указывал, что немцев среди высланных не было, по данным же МВД Коми АССР, из 7290 чел. «без лиц немецкой национальности» насчитывалось 1398 чел. [66]. Значит, остальные 5892 чел. – немцы. Данные МВД Коми АССР представляются достаточно точными. Например, по сводке в спецпоселок Центральная База (Усть-Нем База) Усть-Куломского района в 1941 г. было заселено более 400 немцев. По воспоминаниям Енарда Ионардовича, высланного в 1941 г. из Карелии, на Базу немцев прибыло большое количество, около 200 и столько же – в спецпоселок Тимшер [67]. Кроме того, переселенные из Карело-Финской ССР расселялись по спецпоселкам, а не по колхозам, как другие эвакуированные.

Таким образом, в 1941 г. немцев-спецпереселенцев в Коми АССР было переселено 7841 (2949 + 4892) чел. Немцы также выселялись в Коми край во второй половине 1940-х гг., но это относится уже к третьему этапу спецпереселения в Коми АССР. Малая численность немцев в первой половине 40-х гг. в официальной статистике объясняется тем, что немцы, прибывшие в составе эвакуированных, отдельно не учитывались, поэтому в 1945 г. их насчитывалось в республике только 1324 чел. [68]. Однако в 1941–1944 гг. при учете всех спецконтингентов велся особый учет категории «спецпереселенцы, в том числе немцы», которых было учтено в 1941 г. – 18 тыс., 1942 г. – 25 тыс., 1943 г. – 20 тыс. и в 1944 г. – 15 тыс. чел. [69].

Как указывалось выше, в течение войны численность спецпереселенцев категории «бывшие кулаки», высланных на спецпоселения в 1930-е гг., значительно сокращается. Уменьшение численности спецпереселенцев этой категории было непосредственным образом связано с изменением их правового статуса. Сокращение численности спецпереселенцев «бывших кулаков» начинается с 1942 г. после объявления при-

зыка спецпереселенцев на фронт и снятия их и членов их семей с учета трудссылки. В марте 1942 г. из общего количества переселенцев-мужчин насчитывалось 272473 чел., из них 174596 чел. в возрасте от 16 до 50 лет.

Из общего количества мужчин призывного возраста только 37861 чел. явились бывшими кулаками, которые в период ликвидации кулачества как класса на базе сплошной коллективизации были главами семей. Остальные 136735 чел. были выселены в качестве членов кулацких семей, причем 31869 чел. составила молодежь, достигшая 16 лет во время нахождения в трудпоселках, которая на основании постановления СНК СССР от 22 октября 1938 г. подлежала освобождению из трудссылки с последующим взятием их на воинский учет. ГКО 11 апреля 1942 г. принял постановление №1575сс, согласно которому разрешалось бывших кулаков призывать на военную службу. НКВД СССР 22 октября 1942 г. был издан приказ, по которому все спецпереселенцы, призванные в Красную Армию, и «прямые» члены их семей (жена, дети) снимались с учета трудссылки снимались и получали паспорта. К 1 ноября 1942 г. мобилизация трудпоселенцев в Красную Армию завершилась. Всего было призвано 60747 трудпоселенцев, в том числе из Коми АССР – 2589 чел. К 10 декабря 1942 г. было снято с учета по СССР 47116 трудпоселенцев, из них 17775 призванных в армию и 29341 член их семей [70].

25 мая 1945 г. вышла директива НКВД СССР о снятии с учета спецпоселений детей спецпереселенцев – «бывших кулаков», направленных в школы ФЗО и ремесленные училища. В итоге с 1938 по 1945 гг. после освобождения детей спецпереселенцев, достигших 16 лет, а также бывших кулаков, призванных в армию, их жен и детей, плюс детей спецпереселенцев, направленных на обучение, численность спецпереселенцев – «бывших кулаков» сократилась по стране с 997329 до 606819 чел. Численность бывших кулаков в Коми АССР 1 января 1952 г. составила 12323 чел. [71].

После войны продолжается процесс освобождения спецпереселенцев-раскулаченных, выселенных на спецпоселения в 1930-е гг. Всего по этим постановлениям получили освобождение 408391 чел. [72]. В Коми АССР сокращение численности раскулаченных происходило в следующем порядке. В 1946–1947 гг. снимались режимные ограничения с женщин, вступивших в брак с неспецпереселенцами, и детей, достигших 16-летнего возраста, «если они лично ничем не опорочены». На основе этого было освобождено 867 семей или 1909 чел. [73]. Осенью 1947 г. бывших кулаков насчитывалось 9741, в декабре – 9010 чел. [74]. В январе 1948 г. было учтено уже 7941, в 1949 г. – 6888 чел. [75].

На 1944–1950-е гг. приходится множество массовых переселений различных категорий репрессированного населения. В российской историографии 1944 год называют «Годом большого переселения», так как в 1944 г. происходят наиболее массовые переселения малых народностей на территории СССР. На учете отдела спецпоселений НКВД СССР 5 сентября 1944 г. состояло 2225000, на 1 января 1945 г. – 2137769 чел. Все спецпереселенцы были расселены на территории 6 союзных и 7 автономных республик, 5 краев и 23 областей. Наибольшее число спецпереселенцев находилось в Казахстане – около 1 млн. чел., более 100 тыс. – в Узбекистане, Новосибирской области, Красноярском крае, Киргизии, в Омской области [76]. На 1 января 1944 г. по Коми АССР всего было учтено 27443 чел., включая 7587 поляков, в конце 1944 г. после отправки поляков – 19372 чел. [77].

В Коми АССР в 1944–1950-е гг. основную массу заселяемых составили немцы, ОУНовцы, «власовцы», а также ссыльнопоселенцы из Литвы и Молдавии. В 1944 г. на спецпоселения в республику прибывают члены семей ОУНовцев (члены семей участников организаций украинских националистов). Самих участников организации в данной категории прибывших не было, в основном это были женщины и дети, однако по документам данные спецпереселенцы проходили как «ОУНовцы». Предполагалось разместить около 10 тыс. чел. Однако лесозаготовительные организации, в которых трудоустроивались спецпереселенцы, не были заинтересованы в большом количестве малотрудоспособных женщин и детей. В итоге, к февралю 1945 г. численность спецпереселенцев ОУНовцев составила 4670 чел. В дальнейшем спецпереселенцев данной категории в Коми АССР не поступало [78].

В 1945 г. в Коми республику были переселены депортированные из Молдавии и Литвы, общее количество которых, как указывает исследователь Н.А.Морозов, составило 3655 граждан [79]. Спецпереселенцы поступали в распоряжение крупных лесозаготовительных и сплавных организаций в Коми АССР. Самым крупным предприятием, принимающим спецпереселенцев, как и в 1930-е гг., оставался трест «Комилес». С декабря 1944 г. по декабрь 1945 г. в распоряжение треста поступило 1676 чел. ОУНовцев и спецпереселенцев из Молдавии и Литвы [80].

Две большие партии спецпереселенцев, размещенные в спецпоселках Коми АССР в послевоенное время (немцы и «власовцы»), относятся к так называемым репатриированным гражданам. В Европе после войны осталось в живых 5 млн. граждан СССР. В их число входили, в основном, «восточные рабочие», т.е. советские граждане, угнанные на принудительные работы в Германию и другие страны, военнопленные, в том числе офицеры Советской Армии, а также поступившие на военную

службу и в полицию противника. Сюда же входили десятки тысяч отступивших с немцами их пособников и всякого рода беженцев. Все перечисленные выше граждане СССР подверглись репатриации, т.е. возвращению на родину. Как указывает исследователь В.Н.Земсков, к 1 марта 1946 г. было репатрировано 5325963 советских граждан (3527189 гражданских и 1825774 военнопленных). Часть репатриированных была выслана на спецпоселения – 166751 чел., к ним, в частности, относились репатриированные немцы [81].

На основании приказа МВД СССР № 1-2120 от 7 февраля 1945 г. немцы выселялись из приграничных районов Прибалтики, Молдавии, Белоруссии, Украины. За ним последовал ряд директив о сплошном выселении немцев с территорий. Часть нового потока была направлена в Коми АССР. На 1 января 1945 г. на учете МВД Коми АССР находилось 160 семей (310 чел.), к середине 1945 г. с прибытием новых партий численность немцев увечилась до 1598, к концу 1945 г. – до 7378 чел. Наибольшая численность спецпереселенцев категории «немцы» (т.е. тех, кто был выслан непосредственно «за принадлежность к вражеской на период войны национальности», а не по каким-либо другим причинам) в Коми АССР приходится на середину 1946 г. (4365 семей или 12924 чел.), в том числе 2168 мужчин, 5397 женщин, 5341 детей. Всего по СССР на спецпоселениях в 1946 г. (включая переселенных с 1941 г.) находилось более 1 млн. немцев.

Среди переселенных в Коми АССР немцев преобладали уроженцы Одесской, Николаевской, Запорожской, Житомирской, Днепропетровской областей Украины. Наибольшее число репатриированных немцев было заселено в г. Сыктывкар и пригороды (2821 чел.), Усть-Вымский (1790), Сыктывдинский (1301) и Железнодорожный (1301) районы. В общем по республике немцы были расселены в 171 населенном пункте [82]. В отличие от других категорий до середины 1950-х гг. немцы не подлежали частичному освобождению, как, например, спецпереселенцы-«бывшие кулаки», поэтому численность немцев в спецпоселениях практически не изменилась и в 1953 г. по Коми АССР составила 12141 чел. [83]. По данным на 1 января 1953 г. всего на учете спецпоселений в СССР состояло 208388 репатриированных немцев [84].

Частичное освобождение немцев начинается с 1954 г. Постановлением Совета Министров СССР № 1439-649 от 5 июля 1954 г. с немцев-спецпоселенцев были сняты некоторые ограничения: они могли свободно передвигаться в пределах республик, краев, областей, выезжать в командировки, являться на отметку в органы МВД один раз в год. С учета спецпоселения были сняты дети немцев. На основе Указа Президиума Верховного Совета СССР от 13 декабря 1955 г. были сняты огра-

ничения в правовом положении немцев и членов их семей, находившихся на спецпоселении. Однако права возвращения на места, откуда они были высланы, немцы по-прежнему были лишены. Лишь по прошествии почти десяти лет, в 1964 г., были сняты обвинения. Немцы освобождались из-под административного надзора. Но только в 1972 г. им было разрешено селиться в других районах страны и возвращаться в родные места. Их численность на спецпоселениях за счет освобождения ни в 1950-е гг., ни даже в 1960-е гг. (уже в бывших спецпоселках) практически не уменьшалась.

Из общего потока репатрируемых в 1944–1945 гг. военнопленные и «вызывающие подозрения» из гражданских были отправлены для проверки в проверочно-фильтрационные лагеря (ПФЛ) НКВД-МВД СССР. В 1946–1947 гг. основная масса содержащихся в ПФЛ и ИТЛ мелких коллаборационистов, служивших, как правило, рядовыми в немецкой армии, в армии Власова, национальных легионах, полиции и т.д. была отправлена на 6-летнее спецпоселение. По учету отдела спецпоселений МВД СССР этот контингент условно назывался «власовцы». В него входили и направленные на 6-летнее спецпоселение офицеры, побывавшие в плену. В 1946–1947 гг. на 6-летнее спецпоселение поступило 148079 «власовцев» [85].

«Власовцы» размещались в том числе и в лесозаготовительных спецпоселках. Планы по размещению военнопленных были составлены еще в 1944 г. 2 ноября 1944 г. был издан приказ наркомата лесной промышленности, по которому НКВД обязали завести для работы на лесозаготовках в Архангельской, Молотовской, Кировской, Вологодской, Ярославской, Калининской и Горьковской областях, Карело-Финской ССР, Удмуртской и Коми АССР 50 тыс. военнопленных. В Коми АССР предполагалось трудоустроить по трестам «Комилес» – 6 тыс. и «Печорлес» – 4 тыс. чел. [86]. Дальнейшие события разворачивались почти в соответствии с планом.

МВД СССР приказом № 0322 от 4 октября 1946 г. обязало начальников лагерей в Коми АССР передать в октябре 1946 г. на лесозаготовки 8500 спецпереселенцев, в том числе из Интлага – 1000, Ухтижемлага – 750, Усть-Вымлага – 3000, Воркутлага – 2750, Печорлага – 1000 чел. Из 8500 чел. направлялось на предприятия трестов «Комилес» – 3000, «Печорлес» – 3000, «Вычегдасплав» – 1000, «Комилестрансстрой» – 1500 [87]. В конечном итоге численность «власовцев» на спецпоселениях в Коми АССР, перемещенных из северных лагерей республики в декабре 1946 г., составила 7501 чел. [88]. К марту 1947 г. их численность увеличилась до 9847 чел., т. е. составила почти 10 тыс. чел. [89].

С 1947 г. численность «власовцев» на спецпоселениях начинает падать, в основном, по причине высокой смертности. В 1952 г. большинство спецпереселенцев-«власовцев» было снято с учета спецпоселений по истечении 6-летнего срока. По разным данным всего по стране было освобождено от 87631 до 95553 чел. Большинство «власовцев» немецкой, калмыцкой, чеченской, ингушской, балкарской, карачаевской, греческой и «крымскотатарской» национальностей (5819 чел.) было переведено на спецпоселение навечно (в 1954 г. это решение было отменено). Часть «власовцев», занятых на незавершенных строительных объектах, была временно оставлена на учете спецпоселений. Они освобождались в 1953–1955 гг. по мере завершения того или иного строительства [90]. В Коми АССР основная часть «власовцев» была освобождена в 1952 г. Если в 1947 г. численность «власовцев» составляла 9847 чел., то в 1953 г. их насчитывалось 2540 чел. [91].

В апреле-мае 1953 г. в МВД СССР были подготовлены проекты документов об освобождении большой части спецпереселенцев. В 1954 г. были приняты соответствующие указы и постановления. Основным было постановление Совмина СССР от 13 августа 1954 г. «О снятии ограничений по спецпоселению бывших кулаков и других лиц», согласно которому с учета спецпоселений снимались бывшие кулаки, выселенные в 1929–1933 гг. из районов сплошной коллективизации, а также местные и мобилизованные немцы. Всего в 1953 г. до полного освобождения на учете бывших кулаков в Коми АССР состояло 4512 чел. В общей сложности по постановлению Совмина СССР от 13 августа 1954 г. было снято с учета 11864 спецпереселенца (взрослые; все дети до 16 лет были освобождены еще в июле 1954 г.) [92]. Начиная с 1 января 1955 г. в перечне контингентов, состоявших на учете МВД СССР, контингент «бывшие кулаки» больше уже никогда не упоминается.

По статистике спецпоселений МВД Коми АССР на 1 июля 1949 г. в республике насчитывалось 27538 спецпереселенцев (немцы – 10736, «власовцы» – 7114, «бывшие кулаки» – 6021, ОУНовцы – 3092, литовцы – 553 чел.) [93]. К 1953 г. общая численность спецпереселенцев в Коми АССР сократилась до 24420 чел., уменьшилось число «бывших кулаков» до 4512 чел., «власовцев» до 2540, но увеличилось число немцев до 12141 и высланных из Прибалтики до 1463 чел. [94]. Всего по СССР на спецпоселениях находилось на январь 1953 г. 1820140 чел., в основном немцы – 788975, чеченцы – 183445, украинцы – 163653, татары – 111037, литовцы – 75024, русские – 56589 чел., а также калмыки, ингуши, греки и многие другие [95].

Самая актуальная проблема, решаемая руководством Коми АССР в 1940-е гг., заключалась в «закреплении спецпереселенцев в составе

постоянных кадров лесной промышленности. Во второй половине 1940-х гг. принимались различные решения, направленные не просто на улучшение снабжения, а на создание таких условий, которые бы способствовали «закреплению» спецпереселенцев на предприятиях. Однако принятие различных постановлений не повлияло на этот процесс. Численность спецпереселенцев в Коми АССР с 24420 в 1953 г. и 19018 чел. в середине 1950-х гг. [96] к 1957 г. резко сокращается до 5 тыс. чел. [97]. Это доказывает, что окончательное освобождение основной массы спецпереселенцев происходит в 1955–1956 гг. Позже всех были освобождены немцы.

Всего, учитывая небольшие партии вселяемых спецпереселенцев, общая численность спецпереселенцев, отправленных на спецпоселение в Коми АССР в 1930–1950-е гг. составила более 110 тыс. чел. В сравнении с другими спецпереселенческими районами в Коми АССР было переселено небольшое количество представителей депортируемых народностей, за исключением немцев и поляков. Освобождение происходило, как поэтапно на протяжении 1930–1950-х гг. (спецпереселенцы-«бывшие кулаки»), так и одновременно («власовцы»). Окончательное освобождение всех категорий спецпереселенцев происходит в конце третьего этапа, в середине 1950-х гг.

После 1950-х гг. в связи с изменениями политики государства, ликвидацией 4-го спецотдела МВД СССР, курировавшего спецпоселения, особого учета спецпереселенцев не велось. Но можно сказать, что достаточно большое количество, как заключенных, так и спецпереселенцев осталось в Коми АССР на постоянное жительство, о чем свидетельствует рост доли некоми населения. Если в 1957 г. общая численность населения составила 734,1 тыс. чел., то коми среди них насчитывалось 300 тыс. чел. [98]. Рост доли некоренного населения продолжается и в дальнейшем из-за смешанных браков, оргнаборов и других причин.

В состав спецпереселенцев попадали самые разные категории репрессированного населения, вследствие чего они назывались сначала спецпереселенцы, потом трудпереселенцы, трудпоселенцы, ссыльно-поселенцы и опять спецпереселенцы, однако, их статус от этого не менялся, они оставались «лишенцами» (лишенными избирательных прав) и «рабсилой», «трудовым ресурсом», т.е. рабочим материалом в деле экономических преобразований.

Условия жизни спецпереселенцев были чудовищными, это приводило к высокой смертности. Они быстро «изнашивались», быстро заменялись другой массой людей. Вследствие этого спецпереселение имело три волны и делится на три этапа: 1930–1939 гг., 1940–1943 гг., 1944–1950-е гг. Новые потребности государства требовали новых масс деше-

вой рабочей силы, которые незамедлительно поступали в те отрасли народного хозяйства, где в них была наибольшая необходимость. В конечном итоге, в середине 1950-х гг. политика государства изменилась, и спецпереселение как система «трудоиспользования» была ликвидирована.

Литература и источники

1. Земсков В.Н. Судьба «кулацкой ссылки» // Отечественная история, 1994. № 1; Он же. «Кулацкая ссылка» в 1930-е гг. // Социс, 1991. № 10.
2. Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание (начало 1930-х гг.). М., 1996.
3. Бугай Н.Ф. Конец 1930-х – 40-е годы. Европейский Север: депортации народов // Национальные отношения в Коми АССР: история и современность. Сыктывкар, 1991. (Труды ИЯЛИ. Вып. 52); Доброноженко Г.Ф., Шабалова Л. С. Кулацкая ссылка в Коми области в первой половине 1930-х гг. // Покаяние: Матриолог. Сыктывкар, 2001. Т. 4. Ч. 1.; Игнатова Н.М. Горькие судьбы // Покаяние: Матриолог. Сыктывкар, 1998. Т. 4. Ч. 1.; Она же. Спецпереселенцы в Коми республике в годы Великой Отечественной войны // Проблемы материальной и духовной культуры народов России и зарубежных стран. Сыктывкар, 1995; Она же. Периодизация процесса спецпереселения в Республике Коми // Актуальные проблемы краеведения Республики Коми. Сыктывкар, 1997 и др.
4. Турбанов А.Н. Спецпереселенцы и ссыльные в Коми АССР в 1930–50-е гг. // Вопросы истории Европейского Севера (Проблемы социальной экономики и политики: 60-е гг. XIX–XX вв.). Петрозаводск, 1995; Безносова Н.П. Демографическая ситуация в Коми АССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Сыктывкар, 2003. (Научные доклады / Коми НЦ УрО РАН. Вып. 460.; Безносова Н.П. Перепись населения 1937 г. в Коми АССР: история и документы // Социально-культурные и этнодемографические вопросы истории Коми. Сыктывкар, 1997; Фаузер В.В., Рожкин Е.Н., Загайнова Г.В. Республика Коми в XX веке: Демография, расселение, миграция. Сыктывкар, 2001.
5. НАРК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2412. Л. 8.
6. НАРК. Ф. 374. Оп. 1. Д. 8. Л. 28.
7. Старостин С.И. Трагические страницы истории. Точка еще не поставлена... // Историческое краеведение и архивы. Вологда, 1999. Вып. 5. С. 71.
8. Покаяние: Матриолог. Сыктывкар, 2001. Т. 4. Ч. 1; Покаяние: Матриолог. Сыктывкар, 2001. Т. 4. Ч. 2.
9. НАРК. Ф. 488. Оп. 1. Д. 827. Л. 7.
10. Зеленин И.Е. Ликвидация кулачества как класса // История СССР, 1990. № 6. С. 31.
11. История Коми АССР. Сыктывкар, 1978. С. 270.
12. Ивницкий Н.А. Указ. соч. С. 231.
13. НАРК. Ф. 144. Оп. 1. Д. 1575. Л. 8.

14. Доброноженко Г.Ф., Ивницкий Н.А., Шабалова М.С. «Кулацкая ссылка» в первой половине 1930-х гг. // Спецпоселки в Коми Области. Сборник документов. Сыктывкар, 1997. С. 5-7.
15. НАРК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3125. Л. 3.
16. Там же; Доброноженко Г.Ф., Ивницкий Н.А., Шабалова М.С. Указ. соч. С. 233, 234.
17. НАРК. Ф. 144. Оп. 1. Д. 1575. Л. 8.
18. НАРК. Ф. 144. Оп. 1. Д. 1575. Л. 8.
19. НАРК. Ф. 144. Оп. 1. Д. 3138. Л. 47.
20. НАРК. Ф. 144. Оп. 1. Д. 1575. Л. 36.
21. Ивницкий Н.А. Указ. соч. С. 242; Шашков В. К вопросу о выселении раскулаченных семей в Северный край. 1930–33 гг. // Отечественная история, 1996. № 2. С. 150.
22. НАРК. Ф. 148. Оп. 1. Д. 576. Л. 121.
23. Ивницкий Н.А. Указ. соч. С. 242.
24. Спецпоселки в Коми Области. Сборник документов. Сыктывкар, 1998. С. 251-252.
25. НАРК. Ф. 136. Оп. 1. Д. 389. Л. 72.
26. КРГАОПДФ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 892. Л. 52.
27. НАРК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2334. Л. 203; КРГОПДФ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 892. Л. 52; Д. 911. Л. 4.
28. Ивницкий Н.А. Указ. соч. С. 196.
29. Шашков В.Я. Указ. соч. С. 151.
30. НАРК. Ф. 144. Оп. 1. Д. 3192. Л. 40.
31. КРГАОПДФ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 911. Л. 3.
32. Немцы в Республике Коми (страницы репрессивной политики в первой половине XX в). Сыктывкар, 1997. С. 3-5.
33. НАРК. Ф. 366. Оп. 1. Д. 40. Л. 1, 2.
34. Ивницкий Н.А. Указ. соч. С. 240.
35. НАРК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2508. Л. 4.
36. Спецпоселки в Коми области... С. 253.
37. Управление ЗАГСa Республики Коми. Отдел учета, обработки и хранения документов. Дело № 06-23.
38. Спецпоселки в Коми области. Сборник документов. Сыктывкар, 1997. С. 252.
39. Там же. С. 217.
40. НАРК. Ф. 144. Оп. 1. Д. 3192. Л. 15.
41. КРГАОПДФ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 137. Л. 24.
42. Гущин Н.Я. Указ. соч. С. 51.
43. КРГАОПДФ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 461. Л. 37.
44. КРГАОПДФ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 720. Л. 95.
45. КРГАОПДФ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 772. Л. 41.
46. Данилов В.П., Красильников С.А. Предисловие // Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1931–33 гг.: Сборник документов. Новосибирск, 1993. С. 13.

47. Земсков В.Н. «Кулацкая ссылка» накануне и в годы Великой Отечественной войны // Социс, 1992. № 2. С. 12, 15.
48. Там же. С. 120-121.
49. Земсков В.Н. Спецпереселенцы по документам НКВД-МВД // Социс, 1990. № 11. С. 10.
50. Немцы в Республике Коми (страницы репрессивной политики первой половины XX в). Сыктывкар, 1997. С. 3.
51. Бугай Н.Ф. 40-е годы. Автономии немцев Поволжья ликвидировать // История СССР, 1991. № 2. С. 173.
52. Там же. С. 175.
53. КРГАОПДФ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 729. Л. 5.
54. КРГАОПДФ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 670. Л. 110.
55. Морохин С. Просил председателя узнать // Вестник политической информации, 1990. № 20. С. 18.
56. НАРК. Ф. 605. Оп. 4. Д. 40. Л. 137.
57. НАРК. Ф. 605. Оп. 4. Д. 68. Л. 49.
58. КРГАОПДФ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 729. Л. 49.
59. НАРК. Ф. 144. Оп. 1. Д. 3244. Л. 68.
60. Рогачев М.Б. Поляки в Коми АССР. 1930-50-е гг. // Вестник культуры Коми АССР, 1991. Вып. 1. С. 23.
61. НАРК. Ф. 605. Оп. 4. Д. 129. Л. 54.
62. НАРК. Ф. 605. Оп. 4. Д. 160. Л. 4.
63. Бугай Н.Ф. 40-50-е годы: последствия депортации народов // История СССР, 1992. № 12. С. 121.
64. КРГАОПДФ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 775. Л. 72.
65. Там же. Л. 73.
66. КРГАОПДФ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 6. Л. 31-33.
67. Личный архив автора.
68. Кокурин А.И. Спецпереселенцы в СССР в 1944 г. или год большого переселения // Отечественные архивы, 1993. № 5. С. 110.
69. КРГАОПДФ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1079. Л. 90.
70. Там же. С. 20.
71. Земсков В.Н. Судьба «кулацкой ссылки» в послевоенное время // Социс, 1992. № 5. С. 19.
72. Там же. С. 24.
73. КРГАОПДФ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 180. Л. 2.
74. Там же. Л. 162.
75. Земсков В.Н. Судьба «кулацкой ссылки» в послевоенное время // Социс, 1992. № 5. С. 26, 32.
76. Кокурин А.И. Указ. соч. С. 102-110.
77. КРГАОПДФ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1079. Л. 90.
78. КРГАОПДФ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1201. Л. 33.
79. Морозов Н.А. ГУЛАГ в Коми АССР (1929–1956 гг.). Сыктывкар, 1998. С. 197.
80. НАРК. Ф. 144. Оп. 1. Д. 3425. Л. 8.

81. Земсков В.Н. Репатриация советских граждан и их дальнейшая судьба (1944–46 гг.) // Социс, 1995. С. 11.
82. Немцы в Республике Коми... С. 16, 20.
83. Земсков В.Н. Заключение, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные // История СССР, 1991. № 5. С. 155-157.
84. Земсков В.Н. Репатриация советских граждан и их дальнейшая судьба (1944–1956 гг.) // Социс, 1995. № 6. С. 11.
85. Там же. С. 12.
86. НАРК. Ф. 144. Оп. 1. Д. 3262. Л. 59.
87. НАРК. Ф. 144. Оп. 1. Д. 3225. Л. 13.
88. КРГАОПДФ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 30. Л. 227.
89. КРГАОПДФ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 178. Л. 124.
90. Земсков В.Н. Репатриация советских граждан и их дальнейшая судьба (1944–1956 гг.) // Социс, 1995. № 6. С. 12.
91. Земсков В.Н. Заключение, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные // История СССР, 1991. № 5. С. 157.
92. Там же. С. 34, 35.
93. Спецпоселки в Коми области: Сборник документов. Сыктывкар, 1997. С. 292.
94. Земсков В.Н. Заключение, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные // История СССР, 1991. № 5. С. 157.
95. Бугай Н.Ф. 40-е – 50-е годы: последствия депортации народов // История СССР, 1992. № 2. С. 142.
96. Бугай Н.Ф. Конец 30-х – 40-е годы. Европейский Север: депортация народов // Национальные отношения в Коми АССР: история и современность. Вып. 1. Сыктывкар, 1991. С. 97. (Труды ИЯЛИ. Вып. 52).
97. КРГАОПДФ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 518. Л. 3.
98. КРГАОПДФ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 511. Л. 1.

Публикация осуществлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 04-06-80411).

Ю.П. Шаббаев

**НОВЫЕ ЯВЛЕНИЯ В ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИХ,
ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ И ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ
НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРЕ РОССИИ**

На конец 1980-х – начало 1990-х гг. приходится «взрыв» этничности, который одни исследователи назвали этнической революцией, другие – этническим парадоксом современности, процессом этнического возрождения. Возрастанию роли этнического фактора во внутренней и международной политике особенно способствовал распад таких «этнических федераций» как СССР, Чехословакия и Югославия. На постсоветском пространстве процессы этнической мобилизации оказали в последние годы очень заметное влияние на политику, культурную сферу, систему ценностей населения и их этнокультурные и этнополитические ориентации. Наиболее спокойный и сбалансированный характер этнические и этнополитические процессы имели на европейском Севере России и в Сибири, но и здесь была своя внутренняя напряженность, что мы и попытаемся доказать в данной статье, опираясь на материалы по европейскому Северу.

В начале 1990-х гг. завершилось становление национальных движений у большинства российских народов, этничность превратилась в важный политический ресурс, а этнокультурные ориентации представителей титульных этносов стали смещаться в сторону признания символической ценностью идентификации не с доминантным большинством, а с собственными народами. Под воздействием мобилизованной этничности и требований национальных движений региональные власти стали принимать целевые программы и местные законодательные акты, которые были призваны удовлетворить культурные и политические запросы различных этнических общностей и групп. Были приняты меры по расширению преподавания на национальных языках в школах, языки титульных этносов в большинстве национальных республик были объявлены государственными, а их нормированию и развитию стало уделяться более серьезное внимание, чем прежде. Одновременно расширился интерес к культуре и историческому прошлому народов и воз-

никли или были воссозданы краеведческие общества и кружки, появились новые специальные издания культурологического и краеведческого содержания, расширился выпуск литературы фольклорно-этнографического и исторического содержания в местных издательствах.

Этнический ренессанс оказал заметное воздействие на этническое самосознание многих народов и его актуализация позволила изменить вектор настроений в маргинальных группах, которые сформировались в национальных регионах за счет большого количества межнациональных браков. К примеру, в Республике Коми из каждой 1000 семей в 377 супруги являются представителями разных этносов [1]. Помимо межнациональных семей, к маргинальным этническим группам можно отнести и значительное число городских жителей из числа представителей титульных этносов, этническое самосознание которых крайне ослаблено, и которые более склонны идентифицировать себя с доминантным этническим большинством, нежели с этносом, к которому принадлежали их родители. Свидетельством того, что этнокультурные ориентации населения существенно изменились, стал заметный рост доли некоторых этносов среди общего состава населения в национальных республиках в начале 1990-х гг.

Так, если по данным переписи 1989 г. доля коми составляла 23,3%, то данные микропереписи населения 1994 г. показали ее рост до 26,6% [2]. При этом демографический потенциал коми и доминантного большинства населения в это время практически был одинаковым и не мог оказать какого-либо влияния на возрастание доли коми. Определенную роль сыграла миграция населения северных городов и районов за пределы республики, но и она в эти годы еще не приобрела тех масштабов, чтобы существенно менять этнодемографическую структуру населения. Иными словами, главную роль в росте доли коми играли культурные и этнополитические процессы.

Но со второй половины 1990-х гг. как в собственно демографических процессах, так и в этнокультурных ориентациях населения происходят существенные изменения.

Так в Коми впервые за многие годы, начиная с 1996 г. уровень рождаемости в сельской местности стал ниже, чем в городе. Между тем именно село обеспечивало прежде основной прирост численности населения за счет более высокого уровня рождаемости. При этом половина всех коми живет на селе и в сельской местности, доля представителей титульного этноса также составляет чуть более 50%. Характерно, что если в 1994 г. число родившихся детей у женщин коми национальности было выше, чем у русских на 22% , то в 1999 г. – всего на 2% [3]. Таким образом, воспроизводственный потенциал коми оказался под

угрозой, ибо в городе ассимиляционные процессы среди коми, как и среди других этнических меньшинств, протекали очень интенсивно.

Практически все регионы европейского Севера России с начала 1990-х гг. теряют население из-за миграции, поскольку сальдо миграции стало отрицательным. Наибольшие потери за период между переписью населения 1989 г. и переписью 2002 г. понесли Мурманская область, Республика Коми и Ненецкий автономный округ. Численность населения в них сократилась соответственно на 23%, 18% и 24%.

Мигрировали за пределы северных регионов, как и прежде, в подавляющем большинстве русские и представители других этнических групп населения, а не представители этнических сообществ, которых относят к коренным и титульным народам. Тем самым создавалась ситуация, при которой должен был происходить заметный рост доли титульных этносов в северных регионах. Но такая ситуация имела место только в Ненецком округе, хотя и там доля ненцев возросла не столь значительно, как этого следовало ожидать, оценивая характер демографических процессов. Реально доля ненцев в населении НАО в результате миграционного оттока должна была приблизиться к 25%, но перепись показала ее возрастание до 15%(?) Доля коми в населении Республики Коми за счет миграционного могла возрасти почти до 30%, но данные переписи 2002 г. показали, что она составляет 25,2% [4], т.е. была даже ниже, чем во время микропереписи населения 1994 г.

Разница между вероятной и реальной долей ненцев и коми в составе населения соответствующих регионов вполне объяснима. Эта разница объясняется тем, что во второй половине 1990-х гг. резко изменились этнокультурные ориентации среди представителей титульных этносов на европейском Севере России, особенно среди городских жителей и, прежде всего, молодежи. Данный аргумент подтверждается нашими собственными исследованиями и результатами анализа некоторых других исследовательских проектов [5]. Так, данные опроса учащейся молодежи, проведенного в рамках общероссийского исследовательского проекта «Этнополитические воззрения молодежи. Формирование и функционирование» (1998 г.) показали, что примерно пятая часть городских школьников выпускных классов, у которых оба родителя коми, заявили, что считают себя русскими [6].

Стремление к идентификации с доминантным большинством резко усилило ассимиляционные процессы, и демографические потери многих титульных этносов оказались выше, чем ожидалось. К примеру, абсолютная численность коми, проживающих на территории своей республики, сократилась по сравнению с предыдущей переписью на 12%, карел – на 17%, коми-пермяков – на 16%, вепсов на территории РФ – на

27%. Численность саамов в Мурманской области возросла, правда, на 11%, а ненцев – в Ненецком округе на 17%. Среди финно-угорских народов только у саамов, хантов и манси отмечен рост численности, а все остальные этносы за межпереписной период понесли значительные потери [7].

О направленности этнодемографических процессов среди народов европейского Севера можно судить по доле лиц в возрасте моложе трудоспособного в общей численности этноса. Эта доля является наименьшей у вепсов и составляет всего 7,1%, у карел она равна 10,2%, у коми-пермяков – 14,6%, у коми – 16,7%, у саамов – 24,4% [8], а у ненцев превышает четверть всей численности европейских ненцев. Таким образом, кроме ненцев и саамов, все остальные названные народы имеют довольно узкое основание у «демографической пирамиды», что свидетельствует о том, что характер демографического развития данных народов не может обеспечить даже простого воспроизводства их численности. А с учетом того факта, что именно молодежь более всего склонна к смене этнического самосознания под воздействием процессов аккультурации, «демографическую перспективу» данных народов можно расценивать как крайне неблагоприятную.

На фоне других этнических меньшинств населения европейского Севера России саамы и ненцы выглядят вполне благополучно в демографическом плане не только потому, что имеют оптимальную половозрастную структуру населения, но еще и потому, что коэффициенты рождаемости у этих народов почти вдвое выше, чем у остального населения [9]. Казалось бы, этническому развитию европейских ненцев и саамов ничего не угрожает, но это далеко не так. И саамы, и ненцы как меньшинства находятся под мощным демографическим и культурным воздействием доминантного большинства регионов их проживания. Группа кольских саамов имеет активные контакты с местным русским населением и представителями местной группы коми, которые переселились на Кольский полуостров в XIX в. с Ижмы и составили серьезную конкуренцию саамским оленеводам. Межнациональные браки у кольских саамов, которые в 1960-е гг. из мелких и в основном однопациональных поселений были переселены в крупные села и поселки, стали преобладающими уже в 1980-е гг., когда их доля достигла 60% [10]. Поэтому в 1970-е и 1980-е гг. местные власти вынуждены были принуждать детей из смешанных семей указывать в паспортах национальность «саам», поскольку вышестоящие инстанции требовали от них, чтобы численность саамов не сокращалась, ибо данному факту придавалось политическое и пропагандистское значение. Таким образом, в составе группы «накопилась» довольно значительная прослойка

людей, которые по самосознанию не являлись саамами, а числились ее представителями лишь статистически. Помимо этого, сселение в крупные населенные пункты со смешанным в этническом отношении населением саамов, которые были носителями разных диалектов, заставило всех их перейти на использование русского языка и не случайно, что, согласно данным переписи 1989 г., только 44% кольских саамов назвали своим родным языком саамский (в 1959 г. таких было 70%). Положение мало изменилось и после создания в 1982 г. саамского литературного языка и внедрения его преподавания с 1985 г. в школе. Языком владела и продолжает владеть только та часть саамов, которые принадлежат к старшему поколению.

Ситуация заметно стала меняться с начала 1990-х гг., когда политическая активность саамов России резко возросла, наладились их прочные контакты с Советом Северных Саамов (который объединял саамов Швеции, Норвегии и Финляндии), членом которого они стали с 1992 г., после чего организация была переименована в Совет Саамов. Совет Саамов входит в международную организацию Арктический Совет, через который российские саамы получают различную поддержку, в том числе и финансовую. Кроме того, саамы получили статус коренного народа в Баренц-Арктическом регионе, а в 2000 г. были внесены Правительством РФ в список коренных малочисленных народов России со всеми вытекающими из этого факта преференциями. Быть саамом стало выгодно, поскольку саамская молодежь получила возможность бесплатно обучаться в вузах Финляндии, Норвегии и Швеции, саамские активисты стали частыми гостями в странах Скандинавии, а их национальная организация получила мощную поддержку из-за рубежа, т.е. саамская идентичность стала ресурсом, который позволял получать дополнительные преимущества и выгоды. Поэтому произошло и заметное увеличение численности саамов, хотя многие представители группы уже глубоко деэтнизированы: не ведут традиционного хозяйства, не знают языка саамов, не знакомы с культурой и историей своего народа и связаны с ним только исходя из соображений рационального выбора. Примерно такая же ситуация имела место на Аляске после 1971 г., когда Конгресс принял Акт по разрешению земельных требований жителей Аляски (ANCSA) [11]. Данный законодательный акт предоставлял право региональным ассоциациям коренных народов получать земли и создавать коммерческие ассоциации с целью управления этими землями, сдачи их в аренду нефтяным и другим добывающим компаниям и распределения прибыли между членами ассоциаций. Множество этих ассоциаций оперативно возникло на Аляске и многие из тех, кто прежде не хотел считать себя коренными жителями и стремился интегриро-

ваться в доминантное большинство, заявили о своей принадлежности к коренным жителям Аляски.

Ненцы, как и саамы, объявлены коренным народом Баренц-Арктического региона и включены в список коренных малочисленных народов РФ. В 1990 г. в Ненецком автономном округе была создана Ассоциация ненецкого народа «Ясавэй», которая вошла в качестве члена в Ассоциацию коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Через данные структуры предпринимаются меры по оказанию содействия в развитии языка, культуры европейских ненцев, оказания им юридической и финансовой помощи от федерального центра и различных международных финансовых институтов, включая Всемирный банк. Особое внимание в последние годы оказывалось поддержке и развитию оленеводства, как основы образа жизни ненцев и главной составляющей их культурного своеобразия. В округе принят закон об оленеводстве, оленеводческим хозяйствам и общинам оказывается существенная финансовая помощь из окружного бюджета.

Но несмотря на все меры поддержки оленеводство продолжает пребывать в кризисном состоянии, ибо сокращаются площади пастбищных угодий, не совершенствуется система ведения хозяйства, а главное – ненецкая молодежь больше не желает в большинстве своем связывать свою судьбу с традиционным занятием их отцов и дедов. Кроме того, европейские ненцы в подавляющем большинстве не владеют ненецким языком или владеют им очень ограниченно [12], ибо язык преподается в школе как иностранный, поскольку еще в конце XIX в. большинство ненцев перешли на русский язык, а часть еще и на коми. Язык знают лишь те немногие оленеводы-единоличники, которые смогли сохраниться в советские времена. Среди ненцев очень велик уровень алкоголизации и люмпенизации, и это подрывает не только здоровье этноса, но и его способность к самоорганизации и культурному прогрессу.

Примером тому, что самоорганизация и осознание собственных интересов среди ненцев еще не достигли сравнительно высокого уровня, может служить характер деятельности ассоциации «Ясавэй» и авторитет их лидеров. В 2000 г. ассоциацию возглавил молодой, грамотный и очень инициативный лидер В.Песков, который пытался активизировать ее деятельность и сделать организацию влиятельной политической силой в округе. В конце 2003 г. В.Песков выдвинул свою кандидатуру в депутаты Госдумы РФ, но смог набрать менее 3% голосов избирателей, хотя только ненецкий электорат мог дать ему как минимум в пять раз больше. Прошедший в апреле 2004 г. седьмой съезд ассоциации не принял даже резолюции и работа над ней не была завершена даже спустя

несколько месяцев после съезда. Не случайно в 2001 г. Законодательное собрание НАО приняло закон «О дополнительных гарантиях избирательных прав ненецкого народа быть избранным в законодательный (представительный) орган государственной власти Ненецкого автономного округа», в соответствии с которым за ненцами резервируется два места в составе депутатского корпуса округа. Но закон пока не реализован на практике. Все это свидетельствует о том, что ненцы находятся на периферии культурной, социальной и политической жизни округа и их этническая мобилизация до сих пор не осуществилась, а культурные позиции крайне ослаблены. Такая ситуация создает условия не для культурного прогресса этноса, а для усиления процессов аккультурации и ассимиляции, что, видимо, и будет иметь место в ближайшие годы.

Если же говорить о коми-пермяках, то их демографическое и культурное развитие можно оценить как самое проблемное, по сравнению с другими народами европейского Севера (в данном случае мы рассматриваем культурный ареал, а не административные и экономические районы).

Численность коми-пермяков перестала возрастать уже в 1930-е гг., т.е. вскоре после того, как был создан Коми-Пермяцкий национальный округ. И это не случайно. Экономика округа базировалась на отсталом и малопродуктивном аграрном производстве, которое не обеспечивало местное население ресурсами уже в конце XIX в. и не случайно в начале XX в. появилась идея массового переселения коми-пермяков на более плодородные земли Вятской губернии. Развитие лесного комплекса в округе несколько затормозило развитие кризисных явлений в экономике и социальной сфере, но уже с 1960-х гг. КПАО превращается в стагнирующий регион, из которого начинается массовый отток населения: с 1959 по 1989 гг. население округа сократилось с 236 до 160 тыс. чел. При этом выезжала наиболее грамотная и молодая часть населения, а также значительная часть девушек и женщин молодого возраста. В итоге население округа не только значительно сократилось, но и нарушилась его демографическая структура, резко понизился уровень образования. Так, в 1980-е гг. на 1000 мужчин в возрасте 16-29 лет в КПАО приходилось только 812 женщин того же возраста, а уровень образования сельского населения, которое составляет 70% всего населения региона, на 2-3 года обучения отставал от уровня образования сельского населения Пермской области, которой округ административно подчинен [13]. Ныне показатели социально-экономического развития Коми-Пермяцкого округа одни из самых низких в стране, падение производства здесь продолжается с начала 1990-х гг. и не остановлено до сих пор. Почти все аграрные предприятия округа обанкротились и многие

угодья, прежде активно возделывавшиеся, теперь полностью заброшены. Бюджет округа на 80% дотируется из федеральной казны.

Перепись 2002 г. зафиксировала, что общая численность коми-пермяков сократилась на 25 тыс. чел. по сравнению с переписью 1989 г., но очевидно, что в ближайшие годы численность этноса будет сокращаться еще более активными темпами. Об этом свидетельствует целый комплекс факторов. В частности, коэффициент естественного прироста в Коми-Пермяцком округе ниже, чем во всех остальных финно-угорских регионах России (-10,2 в 2003 г.), коэффициент брачности самый низкий (4,1) и примерно вдвое ниже среднего показателя по России (7,6), коэффициент младенческой смертности, наоборот, самый высокий (19,7 в 2003 г.). Соотношение полов крайне неблагоприятное, а семейные отношения переживают глубокий кризис, чему причиной служит пьянство, которое охватывает все более широкие слои населения.

Свою роль, конечно, сыграет и то, что округ как самостоятельное национально-государственное образование прекратит существовать в декабре 2005 года. За объединение с Пермской областью и фактическую ликвидацию национальной государственности на референдуме в декабре 2003 г. высказалось 90% избирателей, пришедших на избирательные участки (и это при том, что в округе по сравнению с другими финно-угорскими регионами доля представителей титульного этноса является наивысшей и равна 60%). Такой исход голосования не случаен. В национальной государственности люди не увидели гарантии обеспечения своего благополучия и решили, что единственный путь к экономическому возрождению края – это объединение с более сильными соседями.

Но этнокультурные ориентации коми-пермяков, еще до названного события, согласно данным наших исследований, были смещены в сторону русской культуры и общероссийской гражданской идентичности. А этническая лояльность была крайне слаба. Ныне смена этнического самосознания, особенно у молодежи, будет прогрессировать. Симптомы того, что вектор этнокультурного развития коми-пермяков склоняется к ускоренной ассимиляции достаточно показательны: заметно сократилось число учебных заведений, где преподается коми-пермяцкий язык; резко упало число изданий на коми-пермяцком языке и их тиражи, а книжные магазины просто перестали заказывать эти книги у Коми-Пермяцкого книжного издательства и торговать ими, поскольку данные издания не пользуются спросом и не приносят доход. Проблемы сохранения и развития национальной культуры отошли на второй план и стали явно неактуальны не только для населения в целом, но и для значительной части национальной интеллигенции, о чем свидетель-

ствуется полное отсутствие интереса к призывам национальных организаций и низкая поддержка их деятельности со стороны общественности.

Из других народов, населяющих европейский Север России, проблемный характер имеет развитие вепсов. Вепсы не имеют своего национально-государственного образования и расселены небольшими группами на территории Карелии, Ленинградской и Вологодской областей. Дисперсный характер их расселения и создает наибольшие проблемы для их этнокультурного развития и сохранения их этнической специфики. Не случайно данные переписи-2002 показали столь существенное снижение численности вепсов. Впрочем, в период между переписью 1979 г. и переписью 1989 г. численность вепсов возросла на 60%, что также не отражало полной картины состояния их этнического развития. В 1989 г. на переписываемых, в отличие от прошлых переписей, не оказывалось давление и многие из тех, кто прежде называл себя русскими, заявили о себе как о вепсах. Но неустойчивый характер их этнического самосознания, вероятно, сказался в ходе переписи населения 2002 г. Кроме того, имело место и физическое сокращение численности этноса, и ассимиляционные потери. При этом вепская проблема в последние годы активно обсуждалась специалистами и не случайно была принята специальная федеральная программа по сохранению и развитию культуры народа, в Карелии была создана вепская волость, а сам этнос внесен в перечень коренных малочисленных народов России. В 1989 г. было создано общество вепской культуры, которое прилагает усилия по сохранению и развитию языка и культуры народа, в нескольких школах началось преподавание вепского языка, а с 1991 г. его преподают и в Петрозаводском университете. Тем не менее, остановить процессы деэтнизации среди вепсов очень трудно, тем более, что в некоторых регионах поддержка со стороны властей в деле сохранения локальных групп вепсов крайне незначительна, а иногда имеют место и обратные явления [14]. Социологическое исследование, проведенное среди вепсов Карелии в 2002 г., показало, что доля вепсов, хорошо знающих свой родной язык, по сравнению с серединой 1980-х гг. несколько сократилась, а доля умеющих читать и писать возросла. Последнее, вероятнее всего, связано с появлением вепской газеты, с публикацией ряда книг на вепском языке и развитием национальной школы. Но одновременно названное исследование зафиксировало, что только небольшая часть вепсов (7,9%) считает, что они свободнее владеют вепским, чем русским языком, но самое главное, что среди вепской молодежи в возрасте 16-29 лет вепский назвали родным только 5,4% респондентов [15]. Если же иметь в виду все вепское население, а не

только проживающее в Карелии, то ситуация с сохранением этничности в его среде еще более сложная. Национальное самосознание вепсов крайне ослаблено, а языком владеет довольно ограниченная часть этноса. Попыткой изменить ситуацию является намерение придать вепсам статус федеральной национально-культурной автономии, но сможет ли этот шаг изменить вектор этнокультурных и этнодемографических процессов, характерных для данного финно-угорского этноса сегодня, сказать трудно.

Карелы имеют больше возможностей для сохранения и развития своей этнической культуры, поскольку являются титульным этносом в Республике Карелия, где осуществляются специальные программы по сохранению и развитию их языка, осуществляется издание книг и учебников на карельском языке, ведется изучение языка в детских дошкольных учреждениях и в средней школе, уделяется внимание сохранению фольклорного слоя культуры и поддержке профессиональной художественной культуры карел. Но все эти меры, как показывают данные переписи населения 2002 г., не дают результатов и численность карел стремительно сокращается. Кроме того, культурные институты, призванные сохранять и поддерживать этничность, в последние годы находятся в крайне неустойчивом положении из-за их слабой востребованности. Так, за последние пять лет карельский язык перестал преподаваться в 28 школах. Для этих школ не хватает учителей, учебников, но самое главное, что половина всех карел, вепсов финнов Республики Карелия проживает в Петрозаводске [16], где они находятся под мощным ассимиляционным прессом, который неизбежен в условиях интенсивных межэтнических контактов. Не случайно большинство браков, заключаемых сегодня карелами, – межнациональные. Ни государственная поддержка, ни деятельность национальных организаций карел оказались не способны как-то повлиять на процессы этнической эрозии среди карельского этноса.

Объективно коми находятся в более благоприятном положении, чем другие народы европейского Севера и другие финно-угорские народы России. Еще в начале XX в. коми являлись одним из самых образованных народов Российской империи, что особо отметил в своей автобиографической повести великий выходец из Коми земли и основатель факультета социологии Гарвардского университета Питирим Сорокин [17]. Темпы роста численности коми на протяжении XX столетия были самыми высокими по сравнению с другими финно-угорскими народами России: за период между первой всеобщей переписью населения Российской империи 1897 г. и последней переписью населения СССР 1989 г. их численность возросла на 224% [18]. Уровень диаспоризации у коми

один из самых низких среди других финно-угорских народов и ныне 87,4% от общей численности этноса проживает на территории Республики Коми. При этом коми население проживает компактным анклавом в южных и центральных районах Коми, где немного городских поселений, в которых повсеместно коми оказываются в численном меньшинстве. В селах и деревнях коми преобладают, и только в лесных поселках население смешанное. На селе коми составляют в целом 50% населения, как уже было отмечено выше, а в городах – 15%. Еще в 1992 г. в Коми был принят закон о государственных языках (в Карелии такой закон так и не смогли принять), согласно которому коми язык наравне с русским получал в республике статус государственного языка. Ныне законодательные акты издаются на двух языках, названия улиц, учреждений в обязательном порядке приводятся на обоих государственных языках, по числу издаваемых книг на коми языке и их тиражам республика опережает все остальные финно-угорские регионы. В Коми принята и успешно реализуется программа развития коми языка, которая предполагает введение обязательного обучения коми языку во всех школах республики. Осуществляются многие другие меры государственной поддержки национальной культуры коми. Коми национальное движение является самым организованным и успешным по сравнению с движениями других финно-угорских народов, и во многом благодаря его усилиям в республике система государственной поддержки титульного этноса и его культуры оказалась одной из наиболее эффективных.

Тем не менее, процессы ассимиляции и аккультурации и среди коми протекают очень интенсивно, и численность представителей этноса, проживающих на территории собственного национально-государственного образования, сократилась лишь немногим меньше, чем у карел и коми-пермяков, как мы уже отмечали. При этом, по данным микропереписи населения 1994 г., дома в семье пользуются для общения русским языком 568 коми из каждой 1000 (у карел – 825, у вепсов – 957, у коми-пермяков – 381) [19]. Процессы ассимиляции и аккультурации не только не ослабевают, но и усиливаются.

Еще одним важным свидетельством проблемного характера развития коми этноса является начавшийся процесс его фрагментации. Исследования, проведенные нами в конце 1980-х гг., свидетельствовали, что этническая консолидация коми практически завершена и прежнее локальное этническое самосознание и локальные этнонимы, которые были характерны для различных этнографических групп коми этноса еще в первой половине XX в., ушли в прошлое. Однако политическая мобилизация этничности, которая началась в конце 1980-х – начале 1990-х гг., привела не только к росту политической активности этноса

и актуализации общего этнического самосознания, но и способствовала возрождению локального самосознания, формированию этнополитических организаций, основанных на исторической памяти о прежних этнографических группах коми. Крупнейшей из этих организаций стала Ассоциация коми-ижемцев «Изьватас». Долгое время она особой активностью и особым влиянием в обществе не отличалась. Но после того, как в Ижемском районе Коми возникло довольно активное движение «зеленых», которое выступало за сохранение родовых угодий ижемцев и против экспансии нефтяных компаний в районе, и после того, как активисты экологического движения вошли в состав «Изьватас», его влияние существенно возросло, а само движение четко осознало приоритеты своей деятельности, которые не всегда согласовывались с политической линией общекоми движения.

Важной вехой в политическом позиционировании ассоциации «Изьватас» послужила подготовка и проведение переписи населения 2002 г. В августе 2002 г. отделение Ассоциации «Изьватас» с. Ловозеро Мурманской области приняло обращение к своим сородичам в Коми с призывом обозначить свою национальность в ходе переписи не как «коми», а как «коми-ижемец». В сентябре того же года Совет движения практически единодушно объявил о своей поддержке этого обращения. Тогда же ижемские активисты и поддержавшие их депутаты МО «Ижемский район» выступили с призывом включить ижемцев в Перечень коренных малочисленных народов, официально утвержденный правительством РФ в 2000 г.

28 июня 2003 г. в Ижме прошел пятый съезд движения «Изьватас», на котором присутствовали Глава РК Владимир Торлопов и министр культуры и по делам национальностей Мария Кузьбожева. Последняя в своем выступлении старательно упирала на идею единства коми народа, общность исторических судеб, культурную общность всех коми. Но съезд принял решение добиваться статуса «коренного малочисленного народа». Причины такого решения чисто экономические. Новый председатель движения обосновала принятое решение следующим образом: «К сожалению, на коми ижемцев до сих пор не распространяются права и льготы социально-экономического характера и налоговые послабления в сфере природопользования, плоды от которых уже видят те же ханты и саами. К примеру, нации приравненные к коренным малочисленным народам Севера, имеют возможность ежегодно проходить медицинскую диспансеризацию, с 2004 г. получают право на замену военной службы альтернативной. Кроме того, представители малочисленных народов освобождены от платежей за пользование лесным фондом для собственных нужд. На землях, официально объявленных терри-

ториями традиционного природопользования малочисленных народов, запрещена промышленная деятельность, которая ведет к загрязнению окружающей среды. Почему один из народов-соседей может пользоваться этими правами, а другой нет? Сегодня ситуация именно такова... Под коренной малочисленный народ, конечно, должны попасть наряду с оленеводами жители сел и деревень Ижемского района, а также коми ижемцы, проживающие в других регионах» [20].

Акцент на особых интересах ижемцев и их особом статусе, безусловно, ведет к дистанцированию их от коми этноса и общекоми движения. Пока это проявляется еще слабо, но борьба за особый статус неизбежно приведет к размешиванию политических интересов ассоциации «Изьватас» и общественного движения «Коми войтыр». Во-первых, этому способствует тот факт, что в ходе переписи 16 тысяч ижемцев указали в переписных листах вместо этнонима «коми» этноним «коми-ижемец». Во-вторых, республиканское Министерство культуры и по делам национальностей и руководство движения «Коми войтыр» отказываются поддержать инициативу ижемцев и ходатайствовать перед федеральным правительством о включении их в список коренных малочисленных народов [21]. Такая позиция только усиливает раскол в коми движении, которое и без того переживает кризис, и ведет к дальнейшему дистанцированию интересов движения ижемцев от интересов движения в целом.

Но ижемцы в своем стремлении заявить о себе как об особой этнической группе не одиноки. То же самое, хотя и в меньших масштабах, имело место на Удоре, где часть коми решила определить свою этническую принадлежность через прежнее название группы удорских коми – «удораса» [22].

Впрочем, процесс фрагментации этносов и возрождения старых этнонимов затронул не только коми, но и другие народы. Так, к примеру, у удмуртов заявили о себе бесермяне, у татар – кряшены и мишари, у русских – казаки, камчадалы и поморы.

Последняя этнографическая группа заслуживает особого внимания, поскольку непосредственно связана с европейским Севером.

Поморы или поморцы проживают на побережье Белого и Баренцева морей, которые были освоены русскими очень рано. Формирование группы началось в XII в., но происходило на протяжении нескольких веков и завершилось лишь к XVIII столетию. В сложении группы основная роль принадлежала выходцам из Новгорода, однако на более поздних этапах (в XIII–XV вв.), существенное значение имели миграции из верхневолжских и некоторых других областей. Определенную роль в этногенезе поморов сыграли и финно-угорские компоненты.

Поморы издавна занимались морскими промыслами, торговым мореплаванием и судостроением. С конца XVII в. среди них существенно возрастает доля раскольников, вынужденных в силу гонений покидать центральные районы страны. В 1695 г. в Выговской пустыни сложился самый первый из местных беспоповских толков – толк поморян или поморский или даниловщина (по имени настоятеля Выговского или Даниловского скита Даниила Викулича).

Само название поморы произошло от общего обозначения географической области – Поморье. На севере это наименование в XV–XVII вв. относилось к юго-западному и юго-восточному побережьям Белого моря – Поморский и Летний берега. Позднее им стали именовать более обширные территории Архангельской губернии и Вологодский Север, порой даже всю северную территорию вплоть до Урала. Термин «поморы» впервые появляется в русских летописях в 1526 г. В источниках конца XVII в. он используется для обозначения жителей собственно морского побережья и нижнего течения рек Онеги, Северной Двины и Мезени, занимавшихся морским промыслом.

Морская составляющая хозяйственной деятельности поморов рано вызвала к жизни потребность в грамотных людях, а постоянные контакты поморов с официальными представителями власти и иностранцами способствовали развитию грамотности среди значительной части мужского и даже женского населения, наблюдавшегося в XVIII в. Немалую роль сыграло в этом процессе старообрядчество, которое оказывало мощное влияние на все стороны жизни и быта поморов и их самосознание. Даже по неполным данным ревизских данных 1782 г. можно судить о значительном для того времени количестве грамотных в крестьянской поморской среде, особенно если сравнивать их с земледельческими районами России. Так, в Варзужской, Умбской волостях практически в каждой семье насчитывалось по 1-2 грамотным мужчинам. Почти каждый помор знал наизусть и поморские лоции местного значения, а общий морской опыт был обобщен в «Книге мореходной», ставшей памятником общерусской и даже североевропейской морской культуры. Книга эта представляла собой собрание коллективного опыта поморов в морском деле. Специфика промысловой деятельности и быта сказывалась на том, что сельские сходы в Поморье были нерегулярны, а их решения очень гибкими. Сами же поморы обладали значительной самостоятельностью и независимостью, чему способствовал и тот факт, что они принадлежали к государственным крестьянам.

Поскольку наиболее напряженный весенне-летний период в неземледельческом Поморье не содержал никаких аграрных праздников и обрядовых комплексов, то праздничный цикл здесь состоял из обетных,

престольных (храмовых) праздников, молодежных гуляний и сугубо поморских праздников. Большие игрища и гуляния устраивались, как правило, на Николу, Троицу, Иванов день, при этом в каждом селении на эти праздники исполнялись свои песни, хотя существовал и общий пласт поморского фольклора. В лингвистическом плане не существовало единого поморского диалекта и исследователи выделяют целую группу поморских говоров в Архангельской губернии и северных частях Олонецкой и Вологодской. В связи со значительными хозяйственными и социальными переменами в XIX в. начинает постепенно утрачиваться употребление и значение слова «помор». В XX в., особенно во второй его половине, оно вообще становится малоактуальным [23]. Но перепись населения 2002 г. показала, что данный этноним не умер окончательно и вновь стал возрождаться, поскольку часть населения Архангельской области сознательно обозначила свою национальную принадлежность именно как «поморы». В числе тех, кто обозначил свою национальную принадлежность как «помор», был и архангельский губернатор А.Ефремов. Всего же, по данным переписи 2002 г., в России зарегистрировано 6524 помора. В 2003 г. в Архангельске была зарегистрирована национально-культурная автономия поморов г. Архангельска, а в начале 2004 г. община поморов как община коренных малочисленных народов Севера. Современные лидеры поморов заявляют, что поморы не этнографическая группа и не субэтнос русского народа, а самостоятельный этнос. При этом они настаивают, что это финно-угорский этнос, ибо его субстратная основа – те финно-угорские племена, которые проживали на европейском Севере до прихода сюда русских колонистов. Возрождение поморов объясняется в большей мере политическими и экономическими интересами, но не стремлением к культурному обособлению и сохранению традиций.

Председатель национального культурного центра Архангельска И.Моисеев в своем заключении «Этническое самоопределение и этногенез поморов» так сформулировал идеологическую основу поморской национально-культурной автономии: «Несмотря на многочисленные попытки ассимилировать поморов и представить их лишь как составную часть великорусского этноса (этнографическая группа, субэтнос, популяция, сословие и т.д.), поморы сохранили свое этническое самосознание, о чем свидетельствуют результаты переписи 2002 г... Поморы – это самостоятельный этнос, первичная культура которого не была привнесена извне (из России), а возникла в ходе постепенного слияния местных угро-финских «протопоморских» культур и культуры первого древнерусского (но не «великорусского»!) населения. В отличие от «растворившихся» в нации великороссов других русских этнических

общностей, которые утратили свое этническое самосознание (напр. вятичи, кривичи и др.), поморы сохранили свою этническую самоидентификацию до наших дней и продолжают считать себя поморами. Сегодня термином «помор» коренное население российского севера активно отделяет себя от надэтнической общности «северян» – некоренного населения региона» [24].

Любопытно, что на рубеже 1980–1990-х гг., когда активно формировались различные национально-культурные общества, национальные движения, возвращались из небытия утраченные культурные символы, никто о поморах не вспоминал, и они заявили о себе лишь десятилетие спустя. В этой связи целесообразно сравнить поморов с их соседями усть-цилемами и коми-ижемцами. И усть-цилемы и ижемцы практически одновременно создали свои национально-культурные организации в начале 1990-х гг. У усть-цилемов она получила название «Русь Печорская», отделения которой есть и в Архангельской области, а точнее – в Ненецком округе. Названная этноконфессиональная группа русских до сих пор сохраняет развитое локальное самосознание, особый усть-цилемский говор, старообрядческие традиции, хозяйственную специализацию, культурные особенности (чего стоит одна лишь усть-цилемская «горка», на которую собираются сотни людей в старинных сарафанах и водят хороводы). То же самое можно сказать и о ижемцах, которые сохранили во многом свой уклад жизни, хотя фольклорный слой их культуры сохранился меньше, чем у усть-цилемов. Ничего из вышеназванного не осталось у поморов, кроме исторической памяти. Тем не менее, парадоксально, но факт, что ни один житель Усть-Цилемского района РК во время переписи населения 2002 г. не поставил в графе национальность этноним «усть-цилем», а все записались русскими, тогда как группа «поморов» оказалась довольно внушительной по численности.

На наш взгляд, возникновению национально-культурной автономии поморов и «реанимации» самой группы, способствовали некоторые общественно-политические и этнополитические реалии современной России. В последние годы Архангельская область стала активно включаться в международное сотрудничество, развивать разнообразные контакты со странами Скандинавии, превратилась в один из ключевых звеньев Баренц-региона. Одновременно с возрастающим региональным значением Архангельска происходило и изменение статуса местной интеллектуальной элиты: бывший провинциальный пединститут получил громкое имя Поморского университета им. М.В.Ломоносова (как и Московский университет), а его профессура стала активно сотрудничать с коллегами из Финляндии, Норвегии и Швеции. Культурная

жизнь Архангельска стала более интенсивной, и он стал восприниматься как некая интеллектуальная и культурная столица историко-культурного региона, называемого Русским Севером и ассоциируемым нередко именно с Поморьем. Не случайно областная информационная программа стала именоваться «Вести Поморья», начали издаваться тома «Поморской энциклопедии», а сама идея поморской идентичности и «поморского регионализма» стала актуальной темой научных и политических дискуссий.

Когда в сентябре 2001 г. губернатор Ненецкого округа В.Бутов в интервью агентству «Росбалт» высказал мысль о том, что НАО надо присоединять не к Архангельской области, а к Республике Коми, именно профессора университета обратились к общественности, губернаторам, депутатам законодательных собраний обоих регионов (НАО и Архангельской области) с обращением, в котором призывали провести открытый симпозиум в Архангельске и обсудить на нем проблемы административной реформы на европейском Севере России. Симпозиум не состоялся, но в кругах интеллектуальной элиты и широкой общественности проблема административных преобразований продолжала активно дискутироваться. Возникло несколько идей относительно возможных путей административных преобразований, в том числе и идея создания Поморско-Ненецкой республики, которая объединила бы Мурманскую, Архангельскую области и Ненецкий автономный округ в единый субъект федерации [25].

Однако для создания Поморско-Ненецкой республики надо было актуализировать значение исторической области Поморье и нужна была некая этническая составляющая этой республики, в качестве которой одни ненцы выступать не могли, поскольку они уже являются титульным этносом в трех автономных округах. И тут на политической сцене появились поморы, которых в их современном виде можно рассматривать как одно из тех воображаемых сообществ, сущность которых описана Бенедиктом Андерсоном [26].

Но «поморы» нужны не только в качестве «наклейки» к Поморско-Ненецкой республике. Архангельская область и прилегающие к ней районы арктического шельфа оказались богаты нефтью и особенно газом, а потому такие гиганты как «ЛУКОЙЛ» и «Роснефть» начали активную деятельность в этом районе и намереваются направлять добываемые здесь энергоносители напрямую на рынки Европы и северной Америки. Но потребители нефти сегодня требуют, чтобы у их поставщиков были урегулированы отношения с коренными народами тех регионов, где ведется добыча и разведка энергоносителей, а международные финансовые институты отказываются финансировать крупные

проекты в области энергодобычи без наличия у компаний договорных отношений с традиционными землепользователями. Еще 10 лет назад Всемирный банк утвердил операционную директиву «Коренные народы», которая требовала от добывающих компаний представлять программы реабилитации коренного населения перед тем, как запрашивать кредиты для реализации проектов разработки полезных ископаемых. Практика заключения таких соглашений все шире утверждается и в России, и если общины поморов смогут доказать свои права на какие-либо участки, где разворачивается интенсивная добыча нефти и газа, они могут рассчитывать на солидные компенсации.

Процесс «рекультивации» и конструирования этнических общностей на Севере имеет, как видим, экономические и политические причины, и этот процесс продолжает развиваться. Летом 2004 г. администрация Пермской области обратилась в правительство РФ с ходатайством придать статус коренного малочисленного народа коми-язьвинцам [27]. Эта группа проживает на севере Пермской области и последний раз официально язьвинцы регистрировались как этническая общность только в ходе переписи населения 1926 г. По мнению одного из крупнейших специалистов в области финно-угорского языкознания В.И.Лыткина, язьвинский диалект является переходным между двумя основными наречиями единого языка коми: коми-зырянским и коми-пермяцким [28]. После создания в 1921 г. Автономной области Коми и в 1925 г. Коми-Пермяцкого национального округа группа оказалась вне пределов обоих этих национально-государственных образований, что повлекло за собой постепенную утрату ее членами своего этнического своеобразия.

Тем не менее группа продолжала сохраняться, ибо представляла собой довольно изолированное сообщество, которое отличалось от окрестного населения своей конфессиональной принадлежностью и языком (язьвинцы – староверы). Но по мере утраты языка и ослабления роли религии в жизни группы она все меньше выделялась из общей массы сельского населения Пермской области, а ее численность неуклонно сокращалась. По существу этническое самосознание сохраняли только люди старшего поколения, которые еще помнили язык и считали себя неким особым сообществом [29]. Но говорить о том, что язьвинцы – это этнографическая реальность сегодня вряд ли уместно, поскольку носителей этнического самосознания среди молодежи практически не осталось. Правда, в последние годы власти Красновишерского района Пермской области, где и сформировалась данная группа, предприняли усилия для воссоздания некоторых культурных традиций язьвинцев, сохранения исторической памяти через издание специальных буклетов

и брошюр, проведение конференций, формирование музейных экспозиций. Тем не менее, эти действия – лишь «инсценировка» этничности со стороны работников органов культуры и местных властей, которая не основывается на фундаменте прочной групповой идентичности.

Пока неясно, какие причины заставляют добиваться для данной группы статуса коренного малочисленного народа (а речь идет именно о народе!), поскольку ни экономической, ни политической мотивированности такое решение не имеет. Но очевидно, что речь идет о конструировании этничности.

Впрочем, общая тенденция развития этнических процессов состоит в том, что «фокус национального развития в классическом понимании этого слова смещается к взаимодействиям более крупного или более мелкого масштаба, чем нация, организованная посредством государственных институтов; относительным сокращением сферы действия государства»... [30]. Актуализация локальных идентичностей и концентрирование политических интересов на уровне локальных этнических сообществ вполне оправданны, поскольку на этом уровне легче осуществить мобилизацию этничности, а политические интересы и цели ясны и понятны большинству вовлеченных в деятельность локальных национальных организаций активистов. Более того, цели эти, как правило, весьма актуальны, и их реализация может иметь непосредственное влияние на реальное положение всех членов сообщества. Что же касается общенациональной мобилизации, то она сложнее уже хотя бы потому, что далеко не всегда ясны конечные цели национальных движений и реальный результат их деятельности для простых членов этнического сообщества. Отчасти поэтому практически все национальные движения переживают сегодня кризис и спад активности. Этот кризис логически объясним, но в данной статье мы не имеем возможности остановиться на нем более подробно из-за ее ограниченного объема и можем сослаться лишь на нашу публикацию, специально посвященную анализу этнополитических проблем, которые имеют место в финно-угорском движении, но являются общими для всех национальных организаций России [31].

Однако один важный аспект, который оказывает влияние на трудности в развитии национальных движений и на усиливающиеся процессы деэтнизации среди многих народов страны, нам представляется необходимым затронуть. Вышеизложенные материалы показывают, что этничность активно перемещается сегодня из сферы культурных ценностей в сферу ценностей символических. И для индустриальных обществ это вполне закономерно. Человек может не знать языка своих предков (что сплошь и рядом ныне имеет место), может не знать тра-

диций, не носить национального костюма, не заниматься традиционными видами деятельности и, тем не менее, ощущать себя членом определенного этнического сообщества, ибо для него это является важным социальным символом. Не секрет, что во время переписей населения, отвечая на вопрос о родном языке, некоторые люди называют тот язык, которым не владеют или владеют ограниченно. Язык в данном случае рассматривается ими как символическая ценность, как знак принадлежности к определенному этническому сообществу и потому его называют «родным». Национальный костюм, почти повсеместно вышедший из употребления, также рассматривается сегодня как некий культурный и этнический символ, что особенно заметно, к примеру, у усть-цилемов. То же самое можно сказать о некоторых элементах традиционной материальной культуры этноса, которые, будучи включенными в современный интерьер, выполняют не утилитарную, а символическую функцию. Условно говоря, символическая этничность сегодня замещает этничность культурную.

Казалось бы, в этой ситуации в идеологии национальных движений важнейшее место должны занимать те ценности и идеалы, к которым следует стремиться этносу, движения должны вырабатывать и предлагать членам этнического сообщества новый символический образ собственного народа («идеальный социальный портрет»), который отвечает духу времени. Но ничего этого нет в идеологии национальных движений сегодня. Только в Татарстане накануне проведения III Всемирного конгресса татар была сделана попытка поставить эту проблему, и главный идеолог властей Татарстана директор Института истории академии наук Республики Татарстан Р.Хакимов опубликовал в прессе серию статей под общим названием «Кто ты, татарин?» Правда, поиски ответа на принципиальный вопрос данной серии статей привели автора к неутешительным выводам [32].

Таким образом, если обобщить изложенные выше материалы и соображения, мы можем указать на некоторые парадоксы той общей этнодемографической, этнокультурной и этнополитической ситуации, которая складывается на европейском Севере России сегодня.

Первый парадокс состоит в том, что в наилучшем положении оказалась самая малочисленная и самая уязвимая этническая группа – саамы. Именно у них у первых этничность приобрела то символическое значение, ту символическую ценность, которая только и может в условиях острой конкуренции языков и культур обеспечить стабильность этноса или этнической группы. Более крупные этносы не смогли создать из этничности символический капитал и поэтому проигрывают в культурной конкуренции.

Второй парадокс состоит в том, что, несмотря на процессы так называемого «национального возрождения», усиление внимания к развитию национальных культур, национальной школы, несмотря на попытки этнической мобилизации, предпринятые национальными движениями, процессы деэтнизации среди большинства народов (о которых мы говорили) не только не остановлены, но даже усиливаются, что подтверждают не только демографические показатели, но главным образом состояние культурно-бытовой сферы.

Третий парадокс состоит в том, что этничность проявляется сегодня там и тогда, где и когда для этого уже нет реальных культурных оснований. Этничность порождается не логикой культурного развития, а логикой экономической и политической.

Но и сама политическая логика весьма противоречива, ибо именно тогда развитие многих этносов испытывает серьезные трудности, когда имеет место усиление процессов культурной эрозии и необходимы дополнительные стимулы для поддержания стабильности этнических сообществ (в том числе и политические), национальные движения оказываются неспособны поддержать этничность.

Конечно, наш анализ ситуации нуждается в уточнении и дополнении, он требует более детального рассмотрения всех сторон этнических, этнополитических и этнодемографических процессов на европейском Севере России, но, нам представляется, что проблемный характер этих процессов очевиден.

Нам представляется также, что более широкая дискуссия в обозначенном нами дискурсе может помочь решить некоторые важные проблемы современной этнополитики и принести пользу для собственно научных изысканий.

Литература

1. Топилин А.В. Межнациональные семьи и миграции: вопросы взаимодействия // Социологические исследования, 1995. № 7.
2. Финно-угорские регионы России. Стат. Сб. Сыктывкар, 2000.
3. Фаузер В., Загайнова Г., Климашевская Е. Этнический фактор демографического развития Республики Коми // Межнациональные отношения как фактор стабильности в многонациональном регионе. Сыктывкар, 2003.
4. Финно-угорский мир. Стат. Сб. Сыктывкар, 2004.
5. Попова Л.А. К вопросу об этнической самоидентификации // Северные регионы России: социально-экономические, демографические и этнические процессы. Сыктывкар, 2000; Шабасев Ю.П. Республика Коми: время кризиса и этнополитические воззрения молодежи РК // Идентификация идентичности. Т. 2. Этнополитический ракурс. М., 1998.

6. Шабаев Ю.П. Республика Коми: время кризиса и этнополитические воззрения молодежи РК // Идентификация идентичности. Т.2. Этнополитический ракурс. М., 1998.
7. Финно-угорский мир. Стат сб. Сыктывкар, 2004.
8. Там же.
9. Ульяновский В.И. Ненецкий автономный округ: динамика социального перелома // Вестник Поморского университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2003. Спецвыпуск.
10. Лукьянченко Т.В. Государственная политика и традиционная культура саамов. Проблемы возрождения // Расы и народы. М., 2002. Вып. 28. С. 116.
11. Пуллар Гордон Самоуправление коренных народов и политические институты на Аляске // Участие коренных народов в политической жизни стран циркумполярного региона: российская реальность и зарубежный опыт. Сборник материалов Международного круглого стола. М., 2003.
12. Рокина В.В. Ненецкий язык: быть или забыть? По итогам круглого стола // Ненецкая письменность и развитие национальных традиций народа: Материалы научно-практической конференции. Нарьян-Мар, 2003.
13. Полуянов Н.А., Шабаев Ю.П., Мальцев Г.И. Коми-Пермяцкий автономный округ: Проблемы социально-экономического и национального развития (Очерки, статьи, материалы). М., 2000.
14. Прибалтийско-финские народы. История и судьбы родственных народов. Ювяскюля, 1995; Сородичи по языку. Будапешт, 2000.
15. Клементьев Е.И. Вепсы: современная этноязыковая ситуация // Прибалтийско-финское языкознание. Сборник статей, посвященный 80-летию Г.М.Керта. Петрозаводск, 2003. С. 201-205.
16. Клементьев Е. Карелия // Межэтнические отношения и конфликты в постсоветских государствах. Ежегодный доклад. 2003. М., 2004.
17. Сорокин Питирим. Долгий путь. Сыктывкар, 1991.
18. Котов О.В., Рогачев М.Б., Шабаев Ю.П. Современные коми. Екатеринбург, 1996.
19. Финно-угорские регионы России... С.10.
20. Республика, 2003. 18 июля.
21. Зырянская жизнь, 2004. 9 авг.
22. Шабаев Ю.П. Перепись в Республике Коми: проблемы и издержки // Этнография переписи-2002. М., 2003.
23. Бернштам Т.А. Поморы: формирование группы и система хозяйства. Л., 1978.
24. Шабаев Ю.П. Кому нужны поморы? // Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. 2003. Бюллетень № 51.
25. Лукин Ю.Ф. Статус Ненецкого автономного округа: анализ и возможные изменения // Вестник Поморского университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2003. Спецвыпуск.
26. Андерсон Бенедикт Воображаемые сообщества. М., 2001.
27. www.finugor.komiinform.ru
28. Лыткин В.И. Коми-язьвинский диалект. М., 1961.
29. Чагин Г.Н. Язьвинские пермяки. Пермь, 1993.

30. Боришполец К.П. Национальное измерение глобального мира // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2001. № 1.

31. Шабает Ю.П. Конструирование нового национализма финно-угров России: конкуренция глобального и регионального // Мир России, 2004. № 3.

32. Беляков Р. Судьба татарской нации: дискуссия продолжается // Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. 2002. Бюллетень № 43.

Публикация осуществлена при поддержке программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Этнокультурное взаимодействие в Евразии» (проект «Этнодемографические процессы на севере Европейской России»).

Е.А.Цыпанов

**ЯЗЫКОВЫЕ ДАННЫЕ КАК МАТЕРИАЛ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ
МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ**

Сформулированная в заголовке тема по сути дела еще не была предметом анализа, ибо комплексное исследование данных коми языка применительно к изучению миграционных процессов у коми народа еще не проводилось. Это не означало, что по этой теме ничего еще не было проделано. Эта проблема была поставлена А.М.Мурыгиным, К.С.Королевым и В.А.Ляшевым в препринте «Миграционный фактор в развитии средневековых культур северного Приуралья» [Сыктывкар, 1984], где авторы попытались обосновать важность миграционных процессов в этногенезе коми народа и подчеркнули важность подобных исследований. В освещении хода этногенеза коми-зырян есть две принципиально разные точки зрения: а) традиционная точка зрения, признающая принципиальную роль миграции предков коми-зырян с территории Прикамья в бассейны Северной Двины, Вычегды, Лузы и Сысолы и далее на Удору, Ижму, Вымь и т.д., высказанная еще В.И.Лыткиным, Л.Н.Жеребцовым, Л.П.Лашуком и др.; б) точка зрения о большой древности проживания или освоения предками коми бассейнов Вычегды и Выми, не признающая фактов каких-либо миграций из районов Прикамья или сводящая их роль как несущественной в раннем этногенезе коми-зырян. Последнюю точку зрения последовательно проводит в своих работах Э.А.Савельева и другие последователи ее взглядов.

Языковые данные, дающие основу для подтверждения миграционных процессов или их освещения и изучения, структурно и содержательно разделяются на несколько видов:

а) общенациональная лексика, древние слова финно-угорского и общепермского происхождения, значения и формальная основа которых может указывать на миграционные процессы;

б) пласты заимствованной лексики, свидетельствующие о различных межэтнических контактах на различных, но вполне локализованных территориях;

в) ономастический лексикон (прозвища, фамильный состав) населения различных территорий и различных эпох (в данном разделе не рассматривается);

г) топонимы различного происхождения (в данном разделе не рассматриваются);

д) язык диалектов, территориальных разновидностей языка. Далее кратко рассмотрим языковые данные пунктов а, б, д применительно к изучению миграционных процессов.

Общенациональная исконная лексика любого языка является ярким показателем той исторической памяти любого народа, которая сохраняется в памятниках языка, в фольклоре, в верованиях, в традиционных этнонимах и т.д. Определенный интерес в подтверждении глобальных миграционных процессов в доисторические времена представляет такая лексика, которая обозначает природно-географические реалии той территории, где некогда проживал этнос или его предшественники. Речь идет о названиях тех деревьев, растений, животных, которые на территории современного проживания народа не прорастают или не проживают. В этом отношении важное значение имеют коми названия деревьев **нинпу** 'липа', **сирпу** 'вяз', **тупу** 'дуб', **бржипу** 'осокорь, черный тополь', сохранившиеся на протяжении столетий в памятниках письменности, разговорно-бытовом языке, топонимии и фольклоре. Однако язык сохраняет древние слова-наименования. В фольклоре во всех диалектах бытует слово **нинкбм** «лапоть», хотя это вообще не характерный вид обуви коми-зырян. Из названий фауны заслуживает название **колип** «соловей» и **кый** «змея». У них в течение истории языка произошел семантический сдвиг, колип в большинстве диалектов обозначает жаворонка, а кый, сохранившийся в нижневычегодском диалекте, обозначает пиявку, водяного червя. В целом корпус таких «южных» слов еще самостоятельно не изучен. В коми-пермяцких диалектах, как и следует ожидать, подобных слов больше, причем и там есть слова, не имеющие соответствующих реалий в Прикамье. Например, есть слово **лымдорчача** со значением «подснежник», хотя собственно подснежник там еще не растет. Не исключено, что предки коми некогда обитали еще южнее, чем сейчас проживают коми-пермяки. На это указывает и заимствованная от южных соседей лексика.

Изучение **заимствованной лексики** указывает на былое существование контактов с иноязычными народами-соседями, однако для изучения миграционных процессов гораздо важнее знать конкретную территорию, где осуществлялись межъязыковые контакты и хотя бы приблизительное время контактирования этносов. В глобальном аспекте изучения миграционных процессов у коми-зырян среди различных пластов

иноязычной лексики особенно важно изучение болгаризмов. Общеизвестно, что предки коми имели определенные контакты с булгарами (предками чувашей) где-то с VII в. н.э. после прихода болгар в Поволжье и основания ими Волжской Булгарии. Хотя по сравнению с удмуртским языком количество болгаризмов в коми языке значительно меньше, тем не менее они занимают значительное место в любом диалекте, например, **бус** 'пыль', **карта** 'хлев', **кольта** 'сноп', **кушман** 'редька', **зеп** 'карман' и др. Конечно, болгаризмов больше в коми-пермяцких диалектах, но ненамного. Некоторые болгаризмы затем в ходе истории языка заменили русские заимствования, например, в общенациональном языке употребляется недавнее заимствование **седлѳ** «седлѳ», но болгарское заимствование **ѳныр** «седло» сохраняется в лузско-летском диалекте. Вероятно, в древнюю пору в коми-зырянских диалектах болгарских заимствований было больше. Они утратились или были вытеснены русскими заимствованиями.

Булгаризмы в освоении этногенеза принципиально важны по той причине, что территория современного проживания коми-зырян не была контактной зоной коми-булгарского взаимовлияния. Отсюда выводится, что эти слова бытуют в языке этнического коллектива, который некогда проживал в этой контактной зоне.

Материал **коми-зырянских диалектов** по своим характеристикам также является важнейшим источником для изучения миграционных процессов. Особенности разговорного языка, их сравнение друг с другом уже не раз служили основанием для постулирования различных выводов о заселении, направлении заселения и т.п. Диалектный материал имеет свои особенности, и для использования их в качестве материала, свидетельствующего о миграционных процессах, необходимо иметь в виду, что:

во-первых, язык диалекта и говора формируется столетиями и представляет собой достаточно унифицированную систему, которая быстро нивелирует речь немногочисленных переселенцев;

во-вторых, территориально окраинные, пограничные с другими диалектные говоры, как правило, имеют многие схожие характеристики с окраинными говорами пограничных диалектов, что говорит и о перекрестных миграционных процессах;

в-третьих, исторически в диалектах идут два противоположных процесса – в окраинных диалектах консервируются древние особенности, в центральных диалектах происходит смешивание и унификация языковых особенностей, сглаживание диалектных различий под влиянием литературного языка. Тем не менее как языковые образования диалекты не исчезают.

Общепринято, что коми-зырянские диалекты значительно больше отличаются друг от друга, чем коми-пермяцкие. Причем для изучения миграционных процессов большую роль играет фактор древности формирования диалекта. Есть древние диалекты, о которых мы знаем из самых первых исторических сведений о заселении края, и есть более молодые диалекты, формирование которых напрямую связано с заселением коми новых территорий. К числу наиболее древних диалектов относятся лузско-летский, верхнесысольский, среднесысольский, нижневычегодский, вымский и удорский. Характер заселения территорий обитания представителей диалектов представлен на основании диалектных монографий следующим образом.

1) О формировании лузско-летского диалекта.

«Л.Н.Жеребцов предполагает, что население Прилузья в прошлом было связано с Пермью Великой на Каме, т.е. коми появились в Прилузье прямо с юга или даже с юго-запада, а не через Сысолу, как это может показаться на первый взгляд. Именно поэтому население этого района и его диалект имели свою специфику, что и явилось причиной выделения отдельной территориальной группы Лузской Пермцы.

Ряд фамилий указывает на тесные связи населения Прилузья с жителями бассейна Сысолы и Коми-пермяцкого автономного округа. Это обстоятельство косвенно помогает объяснить множество общих черт между южной группой диалектов коми-зырянского языка с коми-пермяцким языком.

Таким образом, можно сказать, что начало формирования лузско-летского диалекта уходит в глубь веков, окончательно он сложился где-то в XVII-XVIII вв. Как крайний диалект, он сохранил ряд черт общекоми языка в морфологии и лексике» [Т.И.Жилина. Лузско-летский диалект коми языка. М.: Наука, 1985. С. 3-5].

2) О формировании верхнесысольского диалекта.

«1. В настоящее время трудно сказать что-либо определенное о времени первоначального заселения верхней Сысолы, так как в археологическом отношении этот район совершенно не изучен. Однако косвенные данные позволяют говорить о раннем и энергичном использовании этих мест древними людьми, шедшими из бассейна Камы. Бассейн верхней Сысолы ими был, очевидно, освоен раньше и лучше и вследствие этого в последующее время в административном отношении объединен в одну волость с Верхокамьем.

2. Бассейн р.Кобры был освоен верхнесысольцами относительно поздно и, вероятно, не без участия прилузских коми, в состав земель которых Кобра входила еще в XV в. Одновременно можно считать, что

район Кобры был контактной зоной верхнесысольцев с прилузцами, что нашло отражение в диалектных особенностях кобринцев.

3. Основное ядро верхнесысольцев, несомненно, обитало там издавна, было достаточно устойчивым и определяло местную языковую и культурно-бытовую специфику. Однако документы отмечают некоторый прилив населения и из соседних волостей. Он способствовал сближению верхнесысольцев с соседями в этническом и культурно-бытовом отношениях, что также нашло отражение и в языке.

4. Этническая история верхнесысольцев показывает давность заселения этого района, подчеркивает определенную изолированность его от соседних коми (зырянских) районов и большую близость к Верхнему Камью, что несомненно должно было найти отражение в языке верхнесысольского населения». [Т.И.Жилина. Верхнесысольский диалект коми языка. М.: Наука, 1975].

3) О формировании среднесысольского диалекта.

«Отсутствие археологических и исторических данных не позволяет с достоверностью сказать, когда появились коми в бассейне Сысолы. Можно предположить, что заселение Сысолы шло в общем потоке переселения пермских племен на север, по-видимому, с бассейна Камы, поскольку более поздние исторические документы указывают на более или менее тесную связь сысоличей с жителями бассейна Камы.

Таким образом, можно сказать, что формирование среднесысольского диалекта длилось несколько столетий, его основные отличительные от других диалектов черты, на наш взгляд, должны были сложиться уже примерно к концу XVIII века» [Н.А.Колегова, Г.Г.Бараксанов. Среднесысольский диалект коми языка. М.: Наука, 1980. С. 3-5].

4) О формировании нижневыхегодского диалекта.

«В эпоху раннего железного века Вычегду заселяли ананьинские и гляденовские племена, культура их, как известно, связывается исследователями с финно-пермскими племенами. Таким образом, определенно о появлении финно-пермского населения на Вычегде можно говорить начиная с ананьинского времени или с эпохи поздней бронзы, представленной лебяжской культурой.

В формировании нижневыхегодских коми немаловажную роль сыграли также прибалтийско-финские племена. Нижневыхегодский диалект содержит свыше 50 заимствований, проникших из языка вепсов и карел. Кроме того, о пребывании карело-вепсов на нижней Вычегде говорит и топонимия.

В состав населения нижней Вычегды вошли русские, а также какой-то волжский компонент» [В.А.Сорвачева. Нижневыхегодский диалект коми языка. М.: Наука, 1978. С. 6-7]. Однако в древности носители

диалекта проживали много западнее, до устья Вычегды и в бассейне р. Вилядь. Древний вычегодский диалект был основой для формирования древнего удорского диалекта. Можно сказать, что переселения на Удору являются наиболее древней зафиксированной в исторических источниках миграционной волной.

5) О формировании удорского диалекта.

«Как свидетельствуют историки, самое раннее письменное упоминание о Вашке (1471 г.) указывает на историческую связь ее с Вычегодской землей. Постоянное коми население в Удорском крае до начала XVI в. проживало в основном в бассейне Вашки. Во второй половине XVI в. отмечены заметные переселения коми с Вашки на Мезень. В писцовой книге 1608 г. указано, что первые поселения удорцев (обитателей Вашского бассейна) на Мезени появились около 1585 г., в частности, д. Чернотурьевская и починок Пысса. Однако население на верхней Мезени ко времени начала переселения с Вашки уже имелось, и при этом не удорского (вашского) происхождения. Заселение верховьев Мезени происходило с Выми, откуда шел прямой путь по речке Елве до волока, через него в речку Ирву, впадавшую в Мезень. Этот путь имел первостепенное значение для всего Удорского края и в последующие века вплоть до первой четверти XX в. В связи с совместным расселением удорцев и гловцев по верхней Мезени, сближением и смешением их различия (языковые, антропологические) постепенно стерлись и сложился единый для обеих групп удорский диалект коми языка, единая культура, общий этноним» [В.А.Сорвачева, Л.М.Безносикова. Удорский диалект коми языка. М.: Наука, 1990. С. 4-7].

6) О формировании вымского диалекта.

«Долина Выми, несомненно, являлась одним из центров формирования народности коми. Река Вымь издревле играла исключительно важную роль в торговле Древнерусского государства и Волжской Булгарии с предками коми и зауральскими народностями.

Вымский диалект формировался в сложных условиях взаимовлияния нескольких языков и культур, а также смешения собственно зырянских диалектов. К концу феодального периода (XVIII в.) сложились те диалектные особенности, которые отличают вымский диалект от других коми диалектов. Исследователь диалекта В.А.Ляшев пишет, что вымский диалект сложился на базе общепермского языка: «Общекومی грамматическая структура в вымской речи составляет основное ее ядро». В структуре диалекта он выделяет также северо-западные языковые элементы, характерные для Нижней Вычегды, Вишеры, Выми, Ижмы». [Т.И.Жилина. Вымский диалект коми языка. Сыктывкар, 1988. С. 6-8]. Вымский диалект не характеризуется однородностью. Нижневымские

и отчасти средневымыские говоры имеют большое количество черт нижневычегодского диалекта. Вполне возможно, это прямой результат более поздних миграционных процессов.

Остальные диалекты начали формироваться уже в исторический период, современные носители диалектов заселили нынешние территории постепенно, причем можно выделить два диалекта центрального характера, в которых соединились особенности нескольких материнских диалектов. Это присыктывкарский и верхневычегодские диалекты, где исторически сложилось чередование звуков **л** и **в**, например, **ныв, нывлӧн, нылӧс, нылӧн**.

7) О формировании присыктывкарского диалекта.

«Некоторые соображения общего характера позволяют сказать, что заселение рассматриваемой территории шло со средней Сысолы в более позднее время и поселение в районе современной Шошки возникло раньше, чем в устье реки Сысола.

Первоначально население современного Присыктывкарья формировалось за счет естественного прироста населения первых поселений в условиях незначительного притока извне. Связи со средней Сысолой оставались устойчивыми; достаточно сказать, что еще в начале XVII в. угодьями по Локчиму совместно с устьесысольской и шошкинской церквями владели пажгинская и ибская церкви. В заселении Локчима в XVIII в. наряду с выходцами из Присыктывкарья активное участие принимали представители средней Сысолы» [Т.И.Жилина, Г.Г.Бараксанов. Присыктывкарский диалект и коми литературный язык. М.: Наука, 1971. С. 10-14].

8) О формировании верхневычегодского диалекта.

«Верхневычегодский диалект является одним из новых диалектов, сформировавшихся за последние два-три столетия на базе различных коми диалектов, носители которых заселяли верхнюю Вычегду с разных сторон: с Сысолы, Лузы, Нижней Вычегды (с территории ниже Сыктывкара); Выми и Удоры – с тех земель, на которых коми народ обитал с давних пор. В результате совместной жизни в течение столетий выработался на основе говоров насельников специфический диалект, характерный особой фонетикой, грамматикой и лексикой.

Верхневычегодское население в основном сложилось в XVII–XVIII вв. за счет переселенцев из самых различных районов Коми края: с Сысолы, средней и нижней Вычегды, Лузы, Выми и Удоры. О смешанном составе первоначального населения говорят писцовые книги и современные фамилии верхне-вычегодцев, совпадающие с фамилиями других районов Коми края». [В.А.Сорвачева, М.А.Сахарова, Е.С.Гуляев. Верхневычегодский диалект коми языка. Сыктывкар, 1966. С. 4-5].

Благодаря относительно позднему заселению в верхневычегодском диалекте сохранились более архаичные черты в фонетике, в первом слоге не употребляются звуки **ѓ** и **ы**, вместо них, как в ижемском диалекте, употребляют **э** и **и**, например, **бѓрдис** 'кага 'плачущий ребенок', **коктэм** 'безногий'. Однако южные говоры диалекта, где употребляется во всех позициях звук **л**, практически не изучены. Так, диалектная монография посвящена описанию вэ-эловых и нуль-эловых говоров. Появление и сохранение эловых говоров сс.Керчомья, Вочь, Дзоль, и т.д., очевидно, происходило благодаря также миграционным процессам с территории севера Коми-пермяцкого округа, а также с территории распространения среднесысольского диалекта.

9) О формировании печорского диалекта.

«Носителями печорского диалекта являются коми, проживающие по р.Печоре с ее притоками выше пос. Медвежской до д.Мамыль. С севера печорский диалект граничит с ижемским, с юго-запада – с верхневычегодским, а с юга – с одним из говоров северного наречия русского языка.

На вышеуказанном участке р. Печоры коми-зырянские селения начинают появляться с конца XVII в. В 1674 г. на устье Северной Мылвы возник маленький починок Кузьминский, ставший позднее Печорским погостом, а затем селом Троицко-Печорск.

В начале XIX в. печорские коми продвинулись выше Троицко-Печорска. Были основаны несколько починок по р. Илыч. Этнической границей между коми и русскими была д.Мамыль, где проживало смешанное коми-русское население.

Печора в рассматриваемых границах заселялась коми из различных районов, но среди переселенцев преобладали выходцы из средней Сысолы. В Формировании печорский коми некоторое участие принимали и русские. Печорский диалект принадлежит к группе эловых диалектов коми языка. Характерным для диалекта является то, что ему присущи черты в одних случаях свойственные среднесысольскому диалекту, в других – верхневычегодскому, или в нем в той или иной мере совмещаются и сосуществуют особенности обоих диалектов». [М.А.Саварова, Н.Н.Сельков, Н.А.Колегова. Печорский диалект коми языка. Сыктывкар, 1976. С. 3-6].

Печорский диалект относится к наиболее молодым, первые коми селения стали появляться на Печоре лишь с конца XVII в. Как и в верхневычегодском, диалект сохраняет немало архаичных особенностей в грамматике. Хотя заселение территории происходило выходцами различных диалектов, основные черты среднесысольского диалекта стали господствующими на всей диалектной территории.

10) О формировании ижемского диалекта.

«Массовое заселение этого края, с которым связано формирование ижемского диалекта коми языка, происходило относительно поздно. Первое поселение на р.Ижме – Ижемская слободка была основана коми выходцами из вымских и удорских селений и русскими, прежде всего выходцами из соседней Усть-Цилемской слободки, основанной в середине XVI в. (в 1544 г.).

Бассейн р.Усы был заселен выходцами из Мохчинской, Красноборской и других Ижемских волостей в конце XIX – начале XX в. до устьев р. Воркуты и р. Ельца. Колва возникла в 1820 г., Петрунь – в 1871 г. Население Колвы сложилось из осевших большеземельских ненцев и ижемских коми. Колвинские ненцы говорят на ижемском диалекте коми языка.

Во второй половине XIX в. ижемские коми переселились в Зауралье и на Кольский полуостров.

Базой для ижемского диалекта послужил вымский нуль-эловый диалект, который в основных чертах сложился в XIV–XVII вв.

К концу феодального периода (к концу XVIII в.) ижемские коми выработали те диалектные особенности, которыми они отличаются от других коми диалектов». [М.А.Сахарова, Н.Н.Сельков. Ижемский диалект коми языка. Сыктывкар, 1976. С. 4-5].

Хотя ижемский диалект сформировался относительно поздно, он содержит также немало архаичных особенностей, напр., во втором слоге сохраняются гласные э и и, особую парадигму II прошедшего времени.

Миграционные процессы можно изучить с помощью сравнительно-сопоставительного анализа диалектов, их говоров с соседними диалектами и говорами. В коми языкознании это направление еще не разработано, также как и историческая и ареальная диалектология. Диалектологи в основном предпринимали фронтальные описания конкретных диалектов. Особое значение имеет сравнение диалектных текстов, записанных в селах, входящих в контактные зоны. Причем сравнение должно обязательно быть многокомпонентным, включающим многие параметры как по фонетике и морфологии, так и по лексике. Такое исследование позволит выявить следы миграционных процессов более точно и конкретно.

Публикация осуществлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 04-06-80411).

А.Г.Мусанов

**ТОПОНИМИЯ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
В РЕСПУБЛИКЕ КОМИ. КРАТКИЙ ОЧЕРК**

Использование топонимов в целях этноисторических исследований имеет давние традиции. Изначально топонимику как науку рассматривали для решения этногенетических и исторических задач. Между тем результаты не всегда были положительными, поскольку анализ топонимии не был комплексным.

Со временем топонимические исследования вышли на новый уровень развития, когда каждый топоним стал рассматриваться в контексте окружающих его географических названий, т.е. в системе. Именно системность обеспечивает более надежные результаты в этноисторическом исследовании. Системность наблюдается на всех языковых уровнях топонимии и самый наглядный из них – лексический. Если представить полный список географических названий республики, то можно увидеть, что повторяющихся топонимов больше, чем раритетов. Такое явление объясняется тем, что в сходных естественно-географических условиях, условиях одинаковой культуры представления живущего на этой территории народа об окружающем их мире в основных, определяющих чертах едины. Это создает психологическую предпосылку для выбора одного и того же признака географического объекта в качестве основы номинации на разных участках территории. Например, замечено, что природный фактор преобладает в топонимах на ранних этапах развития общества, а установление частнособственнических отношений повлекло за собой появление наименований, указывающих на имя владельца или его социальное положение.

Коми топонимия достаточно последовательно отражает то, что целесообразно с точки зрения хозяйственного назначения. В соответствии с этим одни географические объекты получают названия, другие – нет, например, на территории коми мало безымянных водоемов (рек, озер, ручьев, прудов), и в то же время огромные лесные массивы не имеют конкретных названий и т.д. Такая направленность коми топо-

ними продиктована, очевидно, производящим характером культуры коми народа.

Изучение моделей образования топонимов также важно при этногенетическом и историческом исследованиях. Носитель языка вместе с языком усваивает и систему окружающих его топонимов, т.е. при необходимости названия географического объекта имядатель руководствуется усвоенными моделями номинации.

Современная топонимическая система республики содержит уникальную информацию о прошлом народов, их жизнедеятельности по освоению северных территорий, об их культуре и языке. Разнообразие коми топонимии, многочисленные случаи взаимодействия коми языка с другими языками нашли отражение в географической номенклатуре.

Основной пласт географических названий республики составляют **коми топонимы**.

Коми топонимическая лексика содержит большое количество терминов, отражающих тончайшие различия географических объектов по внешним признакам: месту расположения, характеру береговых линий рек, озер и склонов гор, наличию разных видов флоры и фауны, характеру выхода на земную поверхность водных источников и т.д. Широкая возможность детализировать географические объекты, не прибегая к описательности, является характерной особенностью языка народа коми. Это делает коми топонимический пласт весьма разнообразным по структуре и семантике.

Наиболее распространенным типом коми топонимов являются определительные конструкции, состоящие из основного слова, непосредственно отражающего географическую реалию, и определения, указывающего на отличительный признак данного объекта: *Выль/горт*, село, букв. «новый дом, новая деревня»; *Мича/эль*, ручей, букв. «красивый лесной ручей», *Сьӧд/ю*, река, букв. «черная река», *Ыджыд/вад*, озеро, букв. «большое лесное озеро», *Вой/вож*, река, букв. «северный приток», *Лун/вож*, река, букв. «южный приток». В качестве определения в коми топонимах довольно часто выступают антропонимы (имена, фамилии, отчества, прозвища), что объясняется конкретными социально-экономическими условиями освоения северных территорий. Как правило, при возникновении сельского поселения, которое было чаще однодворным, географическому объекту присваивалось имя основателя–первопоселенца: *Степан/пӧчинӧк*, починок, «починок Степана»; *Микӧл/шор*, ручей, Микӧл – от имени Николай–«ручей Николая»; *Петыр пӧчинӧк*, починок, Петыр – от имени Петр–«починок Петра»; *Офоня шор*, ручей, Офоня – от имени Афанасий–«ручей

Афанасия»; *Лудиковскöй/туй*, дорога, «дорога Лудыкова»; *Микайлыч/керка*, урочище, «изба Михайловича» и др.

Яркой особенностью коми топонимии является широкое распространение анатомической лексики, которая активно используется в качестве топоформантов. Названия частей тела человека и животных используются как для номинации географических объектов, так и для их характеристики: для номинации различных вогнутых и выпуклых форм земной поверхности, характеристики береговых линий водоемов и т.д., например: *Щелья/бож*, село, «нижняя часть береговой кручи, букв. крутой берег-хвост», *Адз/ва/вом*, село, «(село) в устье реки Адзва, букв. пойма-вода-рот», *Гырк/ю*, река, «река с обрывистыми берегами, букв. брюхо-река»; *Бурысь/шор*, ручей, «ручей с крутым берегом, букв. грива-ручей», *Сой/ю*, река, «приток-река, букв. рука, рукав-река»; *Сорса/эль*, ручей, «лесной ручей с горным гребнем, букв. гребень-ручей»; *Сьöльм/из*, гора, «серединная гора, букв. сердце-камень», *Лыа/сюр*, луг, «песчаная гряда, букв. песок-рог»; *Кельчи/юр*, село, «верхний конец пролива с плотвой, букв. плотва-голова» и т.д. Часто метафорические термины используются для номинации микрогеографических объектов: урочищ, полей, лугов, лесов и т.д.

Небольшой пласт коми топонимов составляют причастные конструкции, построенные по типу определительных словосочетаний. Обычно они многокомпонентны: *Вöрöнечö каян туй*, дорога, букв. «дорога, по которой забираются на сырую лесистую ложбину»; *Вийсьöм шор дор лог*, урочище, букв. «ложбина около ручья, где произошло убийство».

Активное участие в образовании коми топонимов принимают пространственные имена-послелого, указывающие на местоположение конкретного географического объекта в пространстве (внутри, вне, впереди, позади, в середине, сбоку, сверху, около, внизу, напротив, в промежутке и т.д.), например: *Лавер/шор/бок*, урочище, «(место) около ручья Лаврентия», *Кось/весь*, урочище, «(место) напротив порогов», *Ласта/выв*, урочище, «верх (выше) низменного луга», *Ты/пытшкöс/видз*, урочище, «луг внутри озера»; *Ди/сай*, урочище, «(место) за кочкой, островком»; *Яг/шöр*, урочище, «середина соснового бора» и т.д.

Суффиксальное словообразование топонимов встречается редко. В большинстве случаев оно указывает на древность топонима, в котором часто наблюдается семантическое изменение аффиксального элемента. В составе коми топонимов чаще всего встречаются следующие суффиксы: **-идз**, **-ыдз** (-öдз, -эдз) со значением преобладания чего-либо, принадлежности или местонахождение объекта: *Вылыдз*, река, букв. «верхняя (река)»; *Ёрыдз*, река, «река с омутами»; **-лань** со значением

указания направления, движения: *Кослань* (современное Кослан), село, букв. «к сухому месту, по направлению к суше»; **-õг**, (-эг) со значением признака по местоположению: *Межõг*, село, «(село) у излучины»; *Парчõг*, село, «возвышенное место»; **-ла** с указанием конкретного места: *Гõстила*, поселок, «гостиное место»; **-ин** (-ин), со значением общей характеристики местоположения предмета: *Бузганін*, урочище, букв. «шумное место»; Нёдзаин, урочище, «(место) с ложбиной»; **-а** (-я) со значением указания на место, изобилующее чем-либо; *Ключа*, урочище, «(место) с ключами»; *Козья*, урочище, «(место) с елками»; **-õд/-ыд** (-õда) со значением указания наличие чего-либо в данном месте: *Козйõд*, урочище, «ельник»; *Пожмõда*, урочище, «сосняк, сосновый бор» и некоторые др.

По данным исследований Коми топонимической экспедиции, традиционные коми топонимические модели географических названий распространены в южной части Республики Коми. Основной поток коми названий идет с южного направления на север и формируется в основном за счет гидронимов – небольших рек и озер, а также ойконимов и орографических названий. Однако крупные названия рек в этом направлении принадлежат языку не коми народа, например, прибалтийско-финско-саамские названия рек Летка, Лойма, Лёхта, Луза, Визинга и другие. Как известно, именно гидронимия является наиболее устойчивым во времени пластом географических названий.

Кроме того, данные лингвистики, археологии подтверждают контакты между коми и предками карело-вепсов в этом регионе и, скорее всего, происходили, как утверждает В.И.Лыткин, уже после распада общекоми периода, так как, например, в коми-пермяцком языке пока не обнаруживаются заимствования из прибалтийско-финских языков.

На территории Республики Коми **прибалтийско-финские** (карело-вепские) топонимы распространены на юго-западе: в низовьях рек Печоры, Вычегды, Выми, верховьях Мезени и в бассейне реки Лузы. К собственно прибалтийско-финским названиям относятся, например, следующие: *Охта*, река, левый приток реки Виляди: фин. ohto, кар. ohto, эст. ott «медведь»-«медвежья (река)»; *Какач* (Какас), река, правый приток реки Лузы; вепс. kakač, gagač «гагара»-«гагарья (река)»; сравните ручей Какус, озеро Какус в Архангельской области; *Лёхта*, река, правый приток реки Лузы; вепс. lähte, lähtä «колодец», «родник», «прорубь», эст. lätä «тж»-«родник-река»; сравните река Еговая Лехта в Архангельской области; *Летка*, река, правый приток реки Вятки: кар. liete, вепс. lete «песок, низкий песчаный берег»-«(река) с низким песчаным берегом»: сравните остров Летка на озере Лозское в Белозерском районе Вологодской области; *Матка/эль*, ручей, левый приток реки Сарью;

кар. *matka*, вепс. *matk* «путь, дорога, расстояние», саам. *muot'ke* «перешеек, дорога», *muotkki* «место, по которому проходит путь (перешеек или берег порога)» – «лесной ручей (у) дороги»: сравните река *Матка* в Коношском районе Архангельской области; реки *Малая Матка*, *Большая Матка* в Вельском районе Архангельской области.

По данным топонимических исследований, границы локализации прибалтийско-финских топонимов совпадают с географическими названиями **саамского** происхождения. Они встречаются в основном на Урале, в бассейне средней Мезени и Вашки, в нижнем течении реки Печоры, а также на Лузе и Выми: *Луза* (коми Луз); правый приток реки Юг; по мнению А.К.Матвеева, этот гидроним связан с саамским *лусс* (вторая основа *луз*) со значением «сёмга»-«сёмужья (река)»; *Сейда*, река, правый приток реки Усы: саамское *сейд*, *сейт* «священный камень, каменное божество (прибрежный камень или часть скалы) на берегу реки или озера»-«священная (река)»; *Субач*, река, правый приток реки Большой Лоптюги: саамское *субль* (*субь*) «осина» и *ач* – аффикс прибалтийско-финского типа, сравните вепс. *хапач* «гнилушка, гнилье»-«осиновая (река)»; *Шапкина*, река, правый приток реки Печоры: саамское *шабп* (*шаб*) «сиг (северная промысловая рыба из семейства лососевых)», русский суффикс с принадлежностным значением, «сиговая (река)». Из-за отсутствия данных, свидетельствующих о прямых контактах коми и древних саамов, трудно определить этническую принадлежность этих названий. По структуре они напоминают прибалтийско-финско-саамские названия. Возможно, топонимия саамского происхождения проникла в коми язык через посредство прибалтийско-финских и русского языков.

В северо-восточной части Республики Коми, на средней и нижней Печоре, в бассейнах рек Адзвы, Ижмы, Колвы, Усы, Цильмы и в верховьях реки Выми, коми топонимия граничит с географическими названиями **ненецкого** происхождения. Юго-Восточная граница их расселения, по А.И.Туркину, проходит по реке Щугор. На левом побережье, как отмечает исследователь, практически отсутствует ненецкая топонимия, за исключением двух-трех параллельных ненецко-обско-угорских названий.

Ненецкие топонимы содержат интересную информацию о культуре и жизнедеятельности ненцев, их обычаях и обрядах, мифологии и верованиях, а также отражают природные особенности тундрового ландшафта, животного и растительного мира и т.д. В основной массе ненецкие топонимы состоят из двух частей: определения, характеризующего объект, и географического термина, указывающего на род объекта. Многие из этих названий имеют аналоги на современной территории

обитания ненцев — в Ненецком автономном округе. К собственно ненецким географическим названиям на территории Республики Коми относятся, например, следующие: *Аячьяга*, река, приток реки Воркуты: нен. *Нгаяц/яха* из *нгаяц* «жирная», «изобильная», *яха* «река»-«жирная река», «изобильная река»; *Надота*, река, нен. *надо* «крутой обрывистый берег», *та*-суффикс наличия, «(река), имеющая крутые обрывистые берега»; *Манарага*, гора, нен. *мана* «медвежья лапа», *-рага* (*-раха*)-суффикс сходства, подобия, «(гора), подобная медвежьей лапе»; *Сабрейяга*, река; нен. *Сабряв/яха* из *сабряв* «глубокий», *яха*-«река»-«глубокая река»; *Сандивей*, река, левый приток реки Колвы: нен. *Сандябей* «глубокий»-«(река) глубокая»; *Воркута*, река, правый приток реки Усы: по-ненецки река называется Варкута/яха: нен. *варк* «медведь»; слово *варкута* «(место) изобилующее медведями» является причастной формой от глагола обладания *варкуць* «изобиловать медведями», *яха* «река»-«река, изобилующая медведями». Наличие значительного ненецкого пласта в коми топонимии служит неоспоримым доказательством длительных и тесных контактов носителей ненецкого и коми языков.

На востоке, граница условно проходит по западному склону Уральского хребта, в верховьях рек Вычегды и Печоры, коми топонимия соприкасается с названиями **обско-угорского** (хантыйская и мансийская) происхождения. А.И. Туркин обско-угорские названия хронологически делит на две группы: более ранние и более поздние. К первой группе относятся названия крупных водных объектов: *Выль*, река, правый приток реки Вычегды: хант. *емэнг* «святой, священный»: *Вычегда*, река, правый приток Северной Двины: хант. *вандзи*, *ванча*, *вандза* «трава, дёрн», манс. *вансинг*, *ваансенг* «поросший травой»; *Синдор*, озеро; по В.И. Лыткину начальная форма гидронима выглядела как *Сенгтор* и означала «туманное озеро», сравните манс. *сэнкв* «пар; туман» и *тур* «озеро». Ко второй относятся оронимы и гидронимы древнемансийского происхождения, распространенные на верхней Печоре и верхней Вычегде: *Оссия/ур*, гора на Северном Урале, южнее гор Пачамыльк и Хораиз: манс. *осься* «узкий», *ур* «гора, возвышенность»-«узкая гора»; *Сале/ур*, гора в верховьях реки Тэльпоз, на водоразделе рек Подчерем и Щугор: манс. *сали* «олень» и *ур* «гора, возвышенность»-«оленья гора»; *Топ/ур*, гора на Северном Урале, южнее горы Оссия/ур, на правой стороне реки Тэльпоз, левого притока реки Щугор: манс. *топ* «черпак», *ур* «гора, возвышенность»-«гора, (похожая) на черпак»; *Ахвтас/сяхль*, гора в верховьях реки Пирсью: манс. *Ахвтас* «камень», *сяхль* «вершина, гора»-«каменная гора».

Кроме того, в коми топонимии можно реконструировать **волжско-финские** названия. Такие топонимы встречаются, в основном, в бассейне

верхней Лузы, например: *Поч*, правый приток реки Летки. Русское название реки *Волосница* связано со словом *волость*. Волость – низшая административная единица в царской России, появившаяся в начале XV в. Аналогичные названия встречаются в бассейне реки Мезени со значением «край, конец деревни». В данном случае *Волостница/Волосница* обозначает «край, конец какой-то, чьей-то территории». Название реки *Поч*: имеет соответствие в лугово-марийском языке с тем же значением, сравните *rot's* «конец», фин. *ronsi* «конец ручки, ручка», коми *пон/пом* «конец»; сравните также река *Поча*, болото *Поча* в Архангельской области; река *Поча* в Вологодской области; *Лудонга*, озеро; мар. *лудо* «утка, утиный»-«утиное (озеро)»; сравните река *Лудоньга* в Архангельской области и некоторые др.

Русская топонимия Республики Коми составляет второй по величине слой и образует самый поздний топонимический пласт. Часть географических названий появилась буквально в последние десятилетия. Русские топонимы на коми территории стали появляться в процессе освоения северных территорий русскоязычным населением, которое началось в XI в. и приобрело массовый характер XIV в. в связи с вхождением Коми края в состав Русского централизованного государства. Русская топонимия, составляя огромный по величине слой, распределена крайне неравномерно: русские топонимы разбросаны по всей территории Республики Коми, преобладая в местах проживания русского старожильческого населения (Лойма, Спаспуруб, Усть-Цильма, Серегово, Усть-Вымь, Межег). В разное время компактные группы русских переселенцев были сосредоточены на верхней Лузе, верхней и нижней Печоре, нижней Вычегде, а также в районах промышленных центров: Воркуты, Инты, Ухты, Усинска, Печоры, Микуни и др., поэтому в этих районах наблюдается наиболее плотная концентрация русских топонимов.

Собственно русские географические названия образованы при помощи: 1) суффиксов: **-их(а)**: *Петруниха*, деревня; *Шазаруха*, деревня; **-иц(а)**, **-ниц(а)**: *Глушица*, река; *Волостница*, река; **-к(а)**: *Выставка*, деревня; *Слудка*, село; *Черемушка*, река; **-овк(а)**: *Березовка*, деревня; *Ольховка*, деревня; **-ан**, **-ян(ка)**: *Холодянка*, ручей; *Ворчанка*, ручей; **-чи**: *Гурьевчи*, деревня; *Володичи*, деревня; **-ов(о)**, **-ев(о)**: *Колобово*, деревня; **-ин(о)**, **-ин(а)**: *Бакулина*, хутор; *Вахнино*, деревня; **-ск**, **-овск**, **-евск**, **-инск**: *Андреевский*, починок; *Александровский*, починок; *Астафьевская*, деревня, *Кочергинская*, деревня; 2) приставок: *Загарья*, деревня; *Подсосновка*, деревня; 3) приставок и суффиксов: *Загарская*, деревня; *Заречье*; 4) без суффиксов; в качестве топонимов выступают имена существительные в форме

единственного (*Гарь*, деревня; *Чернь*, урочище) и множественного чисел (*Талицы*, деревня; *Мутницы*, деревня; *Березники*, деревня).

Интересные случаи представляют русские наименования, образованные при помощи словосложения и аббревиации. При первом способе, компоненты, входящие в состав топонима, объединяются при помощи соединительной гласной (*Лесопункт*, поселок; *Гостиногорка*, село) или без нее (*Усть-Вымь*, село; *Усть-Поруб*, урочище).

В зависимости от того, из каких компонентов складываются аббревиатуры, можно выделить несколько видов: а) буквенные или звуковые: *ГСМ*, часть поселка; «горюче-смазочные материалы», *СХТ*, деревня, «сельскохозяйственная техника», *РММ*, часть села, «ремонтно-механические мастерские» и т.д.; в) слоговые: *Леспромхоз*, часть села; «лесное промышленное хозяйство»; г) состоящие из части первого слова и целого второго слова: *Мехбаза*, база «механическая база»; *Фанзавод*, часть поселка, «фанерный завод»; д) состоящие из части первого слова и начальных звуков последующих слов: *Сельпо*, часть села, «сельское потребительское общество» и т.д. В целом на территории республики представлены традиционные структурно-семантические типы русских топонимов, имеющие место на собственно русских территориях, граничных с Коми республикой.

Русские источники XV–XVI вв., содержащие коми топонимы, являются бесценным источником для изучения истории коми языка, поскольку в географических названиях сохраняются многие фонетические закономерности, утраченные в современном языке. Например, древний этимологический звук *ô* (закрытое *o*), сохранившийся только в верхне-сысольском диалекте коми языка, оставил свой след в топонимии на всей территории проживания коми, передается как *у*, ср., коми *Койты-рус. Куальтый* (на карте 1586 г.) «озеро с токовищем»; коми *Сорма-рус. Сурма* (на картах 1586, 1608, 1646 гг.) «роща»; коми *Шойнаты-рус. Шунатуй* (на карте 1646 г.) «кладбищенское озеро» и т.д. Аналогично исчезнувший из коми языка в XV–XVII вв. носовой звук *ŋ*, нашел отражение в русских соответствиях коми топонимам, сравните коми *Веньдін-рус. Вендинга/Венденга* (на карте 1608 г.) «место у устья реки Венью»; коми *Визин-рус. Визинга/Визенга* (на картах 1581, 1608 гг.) «место, где имеется металл»; коми *Коздин-рус. Коздинга* «устье реки Косью». В некоторых топонимах, заимствованных русскими, коми шепелявые согласные [с'] и [з'] передаются древнерусскими мягкими [ш] и [ж], например, коми *Збвсьборт-рус. Жешарт/Жешертъ* (на картах 1585–1986 гг.) «долина ручья Збвшор»; коми *Коськ-рус. Кошки* (на карте 1608 г.), коми *Сюзьяб-рус. Сужаиб* (на карте 1608 г.) «дятловая возвышенность»; коми *Сисеса/эль-рус. Шисес* «река с извилиной» и др.

Разнообразие топонимии Коми свидетельствует об интенсивных контактах народов, населявших эту территорию в древности и в настоящее время. В зонах активного языкового взаимодействия родственных и неродственных народов наблюдается появление большого количества гибридных названий, а также в параллельном употреблении разноязычных названий для наименования одного географического объекта. Выделяется несколько типов **гибридных топонимов**:

I. Гибридные **русско-коми** названия чаще всего образованы двумя способами: а) присоединением русского определяющего слова к коми географическому термину, например: *Зиля/нюр*, болото, рус. *зыля* «солончак, солончаковое, ржавое болото», коми *нюр* «болото»-«ржавое болото»; *Бутка/мыш*, урочище, рус. *Бутка*, коми *мыш* «задняя сторона»-«(место) за будкой»; б) присоединением русского определения к коми топониму: *Большая Ньюла*, река; *Большой Ошка/ёль*, ручей; *Нижний Лун/вож*, река.

II. Гибридные **коми-русские** названия состоят из коми определения (обычно существительного или прилагательного) и русского определяемого слова, например: *Жут/поле*, поле, коми диал. *жут* «болотистое место, поросшее кустарником», рус. *поле*-«поле у болотистого места, поросшего кустарником»; *Важ/пашня*, пашня, коми *важ* «старый», рус. *пашня*-«старая пашня».

III. К гибридным **ненецко-коми** названиям можно отнести следующие: *Ензоруй/ты*, озеро, нен. *ензоруй* «прозрачный», коми *ты* «озеро»-«прозрачное озеро»; *Салюку/ю*, река, правый приток реки Адзвы: нен. *саяко* «небольшая возвышенность», коми *ю* «река»; *Халмер/ю*, река, правый приток реки Силоваяха: нен. *хальмер* «мертвый», «покойник», коми *ю* «река» – «мертвая река»; *Сябу/шор*, ручей; нен. *сябу* «поганая (женская) нарта», коми *шор* «ручей» – «поганый ручей»; *Янэй/мыльк*, урочище, ненецкое *янэй* «очень далекий», коми *мыльк* «возвышенность» – «очень далекая возвышенность». Наряду с собственно гибридными названиями на ненецко-коми контактных территориях наблюдается параллельное употребление коми и ненецких названий, например: коми *Адз/ва* – нен. *Хырмор* «луговая река»; коми *Ус/ва* – нен. *Сабрей/яга* «глубокая река»; *Ния/ю* – нен. Харута, «(река) поросшая лиственницами» и др.

IV. Гибридные **обско-угорско-коми** названия: *Мыл/ва*, река, левый приток реки Печоры; хант. *мил* «глубокий», коми *ва* «вода» - «глубокая вода (в значении река)», *Ук/ю*, река, левый приток реки Илыч; обско-угорское *ухт*, *угхт* «река», «протока», коми *ю* «река»-«река (с) протокой» и т. д. Имеет место также параллельное употребление коми и мансийских названий, например: коми *Ичёт/бёлвана/из* – манс. *Мань/*

пуну/нёр «малая гора идилов», коми *Кос/из* – манс. *Тосам/ахвтаc/тумп* «гора сухого камня», коми *Эж/ва* – манс. *Вычегда* «луговая река» и др.

V. Гибридные **прибалтийско-коми** названия: *Сар/ю*, река, правый приток реки Выми: вепс. *sar'* «остров (на озере, реке), отдельно стоящий лес (обычно хвойный)», коми *ю* «река» – «островная река»; *Нем/ю*, река, левый приток реки Вычегды: фин. *niemi*, кар. *n'iem*, *n'emі*, вепс. *n'em*, вод. *nemi*, эст. *neem* «мыс», коми *ю* «река»-«река (с) мысом»; *Мёдзов/дзиб*, урочище; фин. *metsa*, кар. *mett's'a*, вепс. *mets*, эст. *mets*, *mots* «лес», коми *дзиб* «гора, возвышенность»-«лесная возвышенность» и др. Имеются случаи параллельного употребления коми и прибалтийско-финских топонимов, например: коми *От* – приб.-фин. *Коквица* «большое, широкое, просторное (место)»; сравните фин. *коко* «величина, объем, размер», *вица*-суффикс русского языка.

Наличие на территории Республики Коми нескольких разных по происхождению топонимических пластов подтверждается археологическими и историческими данными. При этом не надо думать, что пласты отделены друг от друга непреодолимыми границами. Наоборот, каждый последующий слой впитывает в себя наиболее жизнеспособные элементы предшествующего. Кроме того, коми географические названия обнаруживают прямые связи с субстратной топонимией Русского Севера и Волго-Окского междуречья.

Публикация осуществлена при поддержке программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Этнокультурное взаимодействие в Евразии» (проект «Этнодемографические процессы на севере Европейской России»).

М.Д. Игнатов

**СОБСТВЕННОЕ ИМЯ «ЗОЛОТОЙ БАБЫ»
И ЭТИМОЛОГИЯ ГИДРОНИМА «ОБЬ»**

Вопрос о верховном женском божестве средневековых пермян-язычников, так называемой ЗОЛОТОЙ БАБЕ, имеет уже давнюю историю и обширную литературу, однако ее собственное имя до сих пор остается не выявленным. В данном исследовании предпринимается попытка восполнить этот пробел.

Обзор основных источников и научных публикаций по вопросу о ЗОЛОТОЙ БАБЕ был сделан достаточно обстоятельно еще в конце XIX в. Д.Н.Анучиным [4, с. 277-282], а позднее дополнен М.П.Алексеевым [2, с. 116-121], что избавляет нас от необходимости подробно останавливаться на этом вопросе, поэтому к истории вопроса мы будем обращаться лишь в меру необходимости в ходе исследования данной темы в новом аспекте.

Как известно, верховное языческое божество пермян, засвидетельствованное в источниках под названием ЗОЛОТАЯ БАБА, впервые упоминается в Новгородской 1-й Софийской летописи под 1398 годом в связи со смертью Стефана Пермского, где отмечается, что пермские «...неверные человеки [т.е. вычегодские язычники коми-зыряне, среди которых миссионер Стефан Пермский насильственно внедрял христианскую религию – М.Д.] ...молятся идолам, огню и воде, и камню, и Золотой бабе» [36, с. 250]. Это сообщение дает основание предполагать, что в конце XIV в. какое-то изображение ЗОЛОТОЙ БАБЫ находилось еще в Вычегодском крае, вероятнее всего, в районе бассейна реки Вымь, где располагался тогда центр религиозной жизни вычегодских пермян-язычников. Следует отметить в этой связи, что река ВЫМЬ имеет параллельное коми название ЕМВА, происходящее от первоначального *ЕНМ-ВА, которое, по достаточно убедительному предположению, впервые высказанному еще И.А.Куратовым, означает дословно «божья вода; божья река» (от коми ЕН(М) «бог, божество; божий, божественный; изображение божества, икона, кумир», коми ВА «вода; река»), а село Усть-Вымь, по мнению И.А.Куратова, называлось раньше ЕН-ДИН

«место подле бога» [19, с. 258; более подробно по этому вопросу см. 17, с. 33-42].

В 1517 г. в Кракове выходит книга польского историка М.Меховского о России, в которой он, со слов русских военнопленных, очутившихся в Польше, сообщает ряд сведений о ЗОЛОТОЙ БАБЕ. Он пишет, что «...идол Zlotababa ... стоит за областью, называемой Вятка» [23, с. 116]. Сообщаемое Меховским местонахождение ЗОЛОТОЙ БАБЫ теперь довольно точно локализуется уже в Пермском крае в бассейне реки ОБ-ВА, правого притока реки КАМЫ.

В середине XVI в. на Западе появляются множество публикаций о Золотой бабе, в которых указывается, что теперь она располагается уже за Уралом в низовьях сибирской реки ОБЬ. В известной книге С.Герберштейна «Записки о Московитских делах», опубликованной впервые в 1549 г., говорится: «Вниз по реке Оби, с левой стороны, живет народ калами, которые переселились туда из ОБИОВЫ и Погозы. ...Золотая баба, т.е. Золотая старуха, есть идол, находящийся при устье Оби, в области Обдоре, на более дальнем берегу. ...Рассказывают, или, выражаясь вернее, баснословят, что этот идол «Золотая старуха» есть статуя в виде некоей старухи, которая держит в утробе сына, и будто там уже опять виден еще ребенок, про которого говорят, что он ее внук. Кроме того, будто бы она там поставила некие инструменты, которые издают постоянный звук наподобие труб» [11, с. 125].

В этой записи Герберштейна содержатся важные для нашей темы сведения, которые нуждаются в разъяснении. Под названием ОБИОВА, очевидно, имеется в виду территория бассейна реки ОБВЫ, правого притока реки Камы. «Долина Обвы чрезвычайно плодородна и представляет самую населенную часть (Пермской) губернии» [47, с. 244]. Коми слово ОБ, имеющее современное значение «сестра отца, тетка (по отцу)», в уважительно-ласкательном значении произносится в форме ОБ+, в результате чего название реки приобретает форму ОБ+-ВА, превратившийся в записях Герберштейна в ОБИОВЫ. Упомянутый Герберштейном топоним ПОГОЗА – это искаженное немецкой транскрипцией русское слово ПОГОСТ «поселение с церковью», досл. «гостевое место». Под этим названием здесь имеется в виду, очевидно, село Усть-Вымь, или же городок Чердынь, откуда в период XV–XVI вв. некоторая часть коренного населения, наиболее стойких приверженцев языческой религии, «народ КАЛАМИ» по Герберштейну, т.е. народ коми, из-за насильственных действий и произвола православных миссионеров, беспощадно истреблявших все языческие святилища и святыни, вынуждены были переселяться подальше от этих насильников и бежать за Уральские горы, в низовья реки Обь, унося туда с собой самые дорогие для них

святыни – изображения своих наиболее почитаемых языческих божеств и духов. Очевидно, среди таких святынь имелось у них вылитое из золота, или просто позолоченное скульптурное изображение какой-то языческой богини верховного ранга, ставшая потом известной среди русских под описательным названием ЗОЛОТАЯ БАБА. Такие предположения надежно подтверждаются некоторыми более поздними свидетельствами. Например, еще в начале XVIII в. Григорий Новицкий писал об этом: «Како же по сих сей остяцкий народ в сия вселися страны начнеше от дня святого Стефана Великая Пермы епископа – известно есть: сей бо первый проповедник ... скверну идолобесия от стран Великия Пермы начат прогонати, тогда мраком идолским одержимыя. Пермьне света истины евангельской благодати божией бежаша в сия полуночния страны, укривахуса zde, где и доселе тмою идолобесия пребываху. ... Сии же, что вниз по Оби, непременно глаголют наречием пермским, зане сии егда через Камень, иже от Пермы прилежать, перейдоша, ... сохраниша неизменно язык свой пермьский» [32, с. 39]. Об этом же позднее сообщал и Н.А.Абрамов: «Издrevле в сем (Обдорском) крае было много чтимых идолов: ... большею частью занесены из Перми в XIV столетии, когда св. Стефан крестил Пермь. Известнейшие из идолов были: КУМИР ВЫЛИТЫЙ ИЗ ЗОЛОТА [выделено нами. – М.И.]. ... У жителей Большого Атлыма доселе сохраняется предание, что предки их, в числе нескольких семейств, пришли сюда из Перми с шаманом Памсотником» [1, с. 339, 346].

Итак, следует считать соответствующим исторической действительности сообщения источников, что какое-то особо чтимое изображение языческого верховного женского божества средневековых пермьей, известное среди русских под названием ЗОЛОТАЯ БАБА, в конце XIV или в первой половине XV в. было перенесено из Пермского края за Урал в бассейн реки – ОБЬ. Показательно, что и само это название сибирской реки – ОБЬ – тоже считается пермским по происхождению многими исследователями [61, с. 36; 54, с. 6-7; 42, с. 96; 65, с. 310; 16, с. 21; 49, с. 109-111], однако этот гидроним до сих пор не имеет сколько-нибудь удовлетворительной этимологии, и по этой проблеме все еще идет острая полемика среди исследователей [20; 27; 29; 31, с. 184; 43, с. 112; 12].

Первые попытки этимологизации названия реки ОБЬ были предприняты еще в середине XVIII в. почти одновременно двумя членами Российской Академии наук, Г.Ф.Миллером и И.Е.Фишером, причем оба они высказывали по этому вопросу схожие мысли. И.Е.Фишер изложил их более отчетливо, поэтому гипотезу Миллера-Фишера по этимологии гидронима ОБЬ приведем здесь в его редакции. «Вероятнейшее мнение есть сие, что имя Сибирь произошло от Пермьков, или от Зырян: ибо

сии последние задолго до завоевания россиянами Сибири отправляли торги в нижних местах реки Оби, а по им и имя то стало известно в России. Они же самые реке, УМАР называемой (татарами), дали имя ОБЬ, и лежащую близ ее устья страну назвали ОБДРОМ, не упоминая (уж) о других именах у ОБИ, СОСВЫ и тамошних окрестных мест, которые очевидно тоже зырянские.

Сказывали мне, что ОБЬ значит ТЕТКУ. Если сие правда, то кажется, что сие имя больше ласкательное, нежели подлинное собственное сей реки так, как в такую почти силу Донские казаки реку Дон, желая к ней показать свою ласку, называют матушкою. На персидском языке АБ значит ВОДУ, а ДОР в имени ОБДРОЕ, есть слово персидское же и значит ВОРОТА или УСТЬЕ. Теперь спрашивается токмо, как персидские слова перешли к зырянам» [44, с. 3-4].

Многие позднейшие исследователи вопроса этимологии гидронима ОБЬ с некоторыми вариациями повторяли гипотезу Миллера-Фишера, чаще всего без всяких упоминаний авторов «вероятнейшего мнения». Убежденными сторонниками пермско-зырянской гипотезы происхождения гидронима ОБЬ выступают в своих исследованиях этого вопроса И.Н.Смирнов [42, с. 96], Д.К.Зеленин [16, с. 21], В.Штейниц [49, с. 109] и др. А.И.Шёгрэн истолковывал название реки ОБЬ как имеющее значение «талая вода», «(река) снежной (воды)» (из коми диал. ОБ «сугроб») [65, с. 310].

Б.Мункачи поддерживал персидскую версию в гипотезе Миллера-Фишера и выводил название реки ОБЬ из древнеиранского ААРІ «вода» [58, с. 156], но эта этимология отвергалась некоторыми исследователями по фонетическим соображениям [55, с. 440; 43, с. 112]. Однако большинство современных исследователей этого вопроса все же придерживаются персидской (древнеиранской) гипотезы происхождения гидронима ОБЬ с предполагаемым нарицательным значением «вода», «река» [48, с. 127; 20, с. 49; 27, с. 9; 29, с. 400; 31, с. 184; 22, с. 191, 272 и др.]. Странники этой гипотезы обосновывают свои этимологии тем, что «... имя ОБЬ (предположительно) связано с иранским АБ «вода» (переходящим в ОБ, например, в таджикском)» [40, с. 121].

Интересная гипотеза о происхождении названия реки ОБЬ и параллельного угорского названия этой реки – АС была высказана Хинфальви в его статьях «Язык северных остяков» и «Народ и земля вогулов», опубликованных на венгерском языке. Предположения Хинфальви сводятся к следующему. Так как сибирская река ОБЬ изобилует рыбными богатствами и является кормилицей для живущих там остяков и вогулов, то и называют они ее на своем языке словом АС, что означает также «отец; дед, старик». В своих песнях и легендах они

величают эту реку, ласково называя ее «Батюшкой-кормильцем» и «Рыбьеобильным Отцом». Точно такими же словами – АС и ОБ, ОБ+, АБ+ (ostj.wog. ASZ, AS, ОБ, ОБI, sygj. ABO, wog. ABO) уважительно называют они медведей, которые являются там величайшими хищными зверьми. В то же время остяки и вогулы воспринимают все реки, впадающие в Обь (=) Ас, в некотором смысле как малых детей этой большой реки, а поэтому и величают они ее словом ОБЬ, который у них в различных диалектных формах ОРА, ОВА, АВА означает также «отец» и «дядя», точно так же как вогульско-остяцкое слово AS, ASZ, ASZE означает «отец; дед, старик» [58, с. 9, 75, 84].

Этимология параллельных названий реки Обь, предложенная Хинфальви, была самым решительным образом отвергнута А.Каннисто на том сомнительном основании, что он, Каннисто, не обнаружил приведенных в статьях Хинфальви значений для лексем ОБ и АС в словарях хантыйского языка Паасонена и Вихмана [55, с. 440], – сомнительном потому, что Хинфальви засвидетельствовал реально существующие значения для этих лексем в угорских языках.

Даже в школьных словарях хантыйского языка, составленных на основе казымского и шурышкарского диалектов, приводятся хант. АСИ «отец» и СЯСИ «дедушка»; общеизвестно также, что манс. АСЬ означает «отец». Эти лексемы с незначительными фонетическими вариациями засвидетельствованы и в языках других диалектных групп хантов. Так, из сообщений И.Е.Фишера известно, что у енисейских остяков-ассанов, обитавших в Красноярском уезде, Верховный Бог, т.е. «Отец небесный» называется на их языке ЭС или ЭШ (OSS oder OSCH), у аринов – ЭС (ESS), у кетов и койбалов – ЭШ (ESCH) [54, с. 139], а из «Сравнительного словаря...» Палласа выясняется, что во многих наречиях западно-сибирских народов, а в том числе и у енисейский остяков понятие «отец» обозначалось одним и тем же словом, но с незначительными фонетическими изменениями в различных диалектных группах – АБ`ОБ`ОП: камасинское АБА, койбальское АББАДА, ассанское и котское ОП, инбацкое ОБ и т.д. и т.п. [34, с. 9]. В наиболее полном из существующих словарей хантыйского языка, в словаре Карьялайнена эта лексема в том же значении «отец» приводится в вахской диалектной форме ОПАМ [57, с. 66]. В своем словаре К.Ф.Карьялайнен приводит также данные о существовании в языческом пантеоне казымских и обдорских хантов верховного небесного божества, «Отца небесного», «...которого они (остяки) в своих молитвах называют ООРОЛ (Казым.) и ООВОЛ (Обдорск.), но жертв ему никаких не приносят» [57, с. 70]. Имя этого божества, «Отца небесного», легко поддается этимологизации, так как оно состоит из двух хорошо известных терминов родства: общеугорского

*ОРЭ > хант. ОР(Э) `ОВЭ «отец» и общепермского *POL или *P+L «дед, дедушка, отец отца, также уважительное обращение к старику» [21, с. 228]. Первоначальное двусложно-гибридное имя-эпитет этого божества *ООР(Э)-POL в результате стяжения смежных созвучных -P(Э) и PO-закономерно должно было обрести форму ООPOL с дословным первоначальным значением «отец (Бога-) отца», т.е. «Господь небесный». Об этом верховном божестве енисейских остяков В.И.Анучин сообщает: «По представлениям енисейских остяков, творцом и повелителем вселенной является ЕСЬ – антропоморфное существо мужского пола. ЕСЬ обитает где-то выше седьмого неба в прозрачном дворце. Он совершенно не вмешивается в дела земные, предоставив это духам и шаманам» [3, с. 3]. Как уже было показано выше, на языке обских угров (хантов и манси) имя этого божества произносится в форме АС, ААС, и его же именем они называют реку ОБЬ, в бассейне которой они обитают уже многие века. Но, вероятно, из-за безразличия этого божества к повседневным нуждам людей собственное имя его – ААС – в языке обских угров постепенно теряет свое сакральное значение и обретает обычные значения «отец», «дед», «старик-хозяин», а затем начинает восприниматься как название реки Обь, которая действительно является «отцом-кормильцем» для людей, живущих на ее берегах.

Из научной литературы хорошо известно, что в пантеоне языческих божеств обских угров, наряду с верховным божеством неба мужского пола АС-ТОРУМ (ostj. Num-tooram-aasam, Nord-ostj. Tooram-aasi, Wog. Numi-taaram-aasam) [56, с. 251, 265], досл. «Владыка неба – Аас», существовала также верховная богиня КАЛТАСЬ, засвидетельствованная в мифологии и фольклоре обских угров под множеством разнообразных сложных названий: ostj. Kaltas-imi, досл. «Калтась – сестра (верховного бога)», Wog. Kaltas-san-taaram «Калтась – мать небесная» и др. названия-эпитеты (подробно об этом см. [56, с. 173-180; 45, с. 31-38]. По толкованию К.Ф.Карьялайнен имя этой обско-угорской богини – КАЛТАСЬ – по происхождению своему вовсе не угорское, а заимствовано из пермских языков: «Как ни странно, имя этого важнейшего божества – KOLTAS – ANKI `KALTOS-EEKWO – не чисто угорское, что выявляется из первой части двусложного названия. Составляющие ее слово KOLTAS не остяцкое и не вогульское, а пермское по происхождению. ...Важное положение и большой престиж богини KOLTAS в угорском пантеоне вытекает из того, что она всегда почиталась как дарительница деторождаемости и она же определяла весь жизненный путь людей; на эти обязанности ее указывает уже ее имя KOLTAS, первоначальное значение которого предположительно означало «побуждающая, порождающая, производящая», как об этом можно судить

по удмуртскому слову KILDIS в имени удмуртского божества KILDIS-IN, соответствующего имени угорской богини KOLTAS» [56, с. 175, 177].

Предположение Карьялайнена не лишено оснований: как известно, удмуртский теоним КЫЛДЫСИН, КЫЛЧИН имеет современное христианское значение «ангел», но присутствие в этом двусложном теониме общепермского термина IN «мать» дает основание предполагать, что первоначально этот термин относился к женскому божеству (ср. удм. IN, IN: KILTSIN, KIWTSIN «ангел», KILDINI «зародиться». Общеп. *EN, IN «мать» [21, с. 332]. Очевидно, во времена язычества удмуртский теоним КЫЛДЫСИН употреблялся как эпитет верховной богини, Богини-Матери, подчеркивая ее порождающие функции, функции плодородия. Сопоставление этого теонима с названиями-эпитетами угорских верховных женских божеств – КАЛТАСЬ-АНГКИ, КАЛТАСЬ-ЭКВА, КАЛТАСЬ-ИМИ, КАЛТАСЬ-ШАНЬ и др. подкрепляет такое предположение. Но, несомненно, у пермской богини плодородия, Богини-Матери, т.е. верховного женского божества раньше имелось также и собственное имя, которое было предано забвению главным образом в результате агрессивной экспансии христианской религии во все пределы обитания пермских и угорских народов. Таким образом, в деле реконструкции пермско-угорского языческого пантеона существует проблема выявления собственного имени верховного женского божества. Как нам представляется, проблема эта разрешима с привлечением всех разнообразных источников по этому вопросу и опираясь на сравнительный метод исследований.

Наиболее достоверно собственное имя пермско-угорской верховной богини, очевидно, было засвидетельствовано еще в XVIII в. одним из участников первых русских академических экспедиций, И.Георги. В 1773 г. он побывал в Пермском крае и на реке Чусовой в деревнях Бабенки и Копчик, наблюдал и довольно подробно описал о проведении местными жителями двух главных религиозных праздников, сопровождавшихся языческими обрядами жертвоприношений и молениями в языческом святилище, расположенном в глухом лесу. Из его описаний хорошо видно, что во второй половине XVIII в. языческие верования и традиционные обряды у коренных жителей этих деревень были уже сильно контаминированы с христианскими. Так, первый из двух главных праздников рассматривался местными жителями как встреча Нового года, но проводился он в день Пасхи: «Они считают этот праздник за день сошествия Бога на землю, в чем надо видеть наступление весны; при этом все молитвы обращены к солнцу» [53, с. 591].

Другой главный праздник жителей-язычников из деревни Бабенки на Чусовой, по описанию И.Георги, бывает на второе новолуние после

первого главного праздника и проводится он в честь какого-то языческого божества, именуемого АНК-ОБО (АНКООВО). «В этот день... в жертву приносятся плоды и животные; из птиц предпочитают лебеди. Кроме того предлагают в дар божеству молоко, водку, пиво» [53, с. 595].

По степени важности праздника (второй после главного, вернее, один из главных в году), по времени проведения его (весна) и по составу жертвенных даров божеству (плоды, лебеди, молоко) можно сделать заключение, что под названием АНК-ОБО аборигены на Чусовой упоминали имя своего языческого женского божества верховного ранга. Этимологический анализ имени этого божества подтверждает такое предположение.

Первый компонент этого двусложного теонима – АНК – представляет собой очень древний пермско-угорский термин, имеющий значения «женщина» и «мать» (ср. хант. «ОНК, ОНКО «мать»; коми АНЬ «женщина»; венг. АНУА «мать»; манс ОАН «бабушка со стороны матери»; доперм. *АНЭ «мать, женщина» [21, с. 33]. Применительно к божествам женского пола этот термин неизбежно обретает значение «богиня, Богиня-мать». Так, например, интересующая нас Обдорская Золотая баба, т.е. ЗОЛОТАЯ БОГИНЯ в коми фольклоре фигурирует под названием ЗАРНИ-АНЬ, где слово АНЬ имеет значение «женщина-богиня». В хантыйских названиях верховного женского божества АНК-ЈУg, ЈЭg-АНКЭ, АНКИ-ПУГОС, досл. «божественный дух (Богини-) Мать» (хант. ЈЭg и ПУГОС означают «божественный дух»). В древнетюркском языке слово АНА представлено в значении «мать» [13, с. 43], но генетически родственный ему и допермскому *АН'З- тюркское слово ЭНКЭ у крещенных татар имеет значение «богоматерь» [5, с. 30]. Нам представляется, что в более широком синхроническом и диахроническом аспектах пермско-угорский, т.е. допермский термин *ЭНЭ «женщина; мать; богиня-мать» состоит в генетическом родстве с фонетически близкими и равнозначными терминами, представленными во многих древнейших языках ностратической ойкумены: хет. АННА-, лув. АННИ «мать», греч. аууіз «бабушка, мать отца или матери», арм. НАН «бабушка», лат. АНУS «старуха», «сибилла», «прорицательница», др.-в.-нем. АНА «бабушка» [9, с. 766]; др.-греч., АНАНКЕ, в греческой мифологии божество необходимости, неизбежности; мать МОЙР – вершительниц судьбы человека» [25, с. 75]; абх. АНАН, АНАНА «мать», АНАНА-ГУНДА, в абхазской мифологии богиня плодородия, охоты и пчеловодства, покровительница деторождения. По поверьям, выступает иногда в облике пчелиной матки» [25, с. 75].

Вторую составляющую часть интересующего нас двусложного названия языческого религиозного праздника в честь божества АНК-

ОБО можно истолковывать двояко: во-первых, как известное уже нам хантыйское слово ОБ, ОП, АБА «Отец (небесный)»; во-вторых, как коми слово ОБ, в уважительно-ласкательной форме ОБ+ «тетка, сестра отца». В первом случае название праздника истолковывается дословно «(праздник в честь верховной богини-) матери (Бога-) Отца небесного». Во втором случае получается угорско-пермский гибридный вариант, и название этого праздника будет означать дословно «(праздник в честь Богини-) Матери – сестры (Бога-) Отца небесного». Как видим, в обоих случаях буквальный первоначальный смысл получается почти один и тот же, – различие заключается лишь в том, что угры представляли свою верховную богиню в качестве матери Бога-Отца небесного, а пермяне, которые, возможно, позаимствовали это название богини у угров, первоначально рассматривали ее как сестру Бога-Отца, но затем этот родственный термин закрепился за ней в качестве ее имени, что подкрепляется целым рядом фактов, о чем будет сказано ниже. Примечательно, что Богиня-Мать КАЛТАСЬ у манси – соответствующая параллель остячко-пермской богине АНК-ОБО – в их религиозно-мифологической традиции представлена тоже как сестра верховного божества – Владыки неба АС, но одновременно и в качестве его жены. Вот что пишет по этому поводу В.Н.Чернецов: «Под именем TORUM-SAN и KALTAS я встречал упоминание о ней [т.е. о верховной богине – М.И.] (см. В.Чернецов, Вогульские сказки, с. 21) чаще всего как о старшей сестре [ТОРУМА, т.е. Бога-Отца небесного – М.И.]. ...Таким образом мы видим соединение в одной и той же паре (верховных божеств), с одной стороны, брата и сестры, а с другой – мужа и жены. (Случай не единственный в обско-угорском фольклоре; в таких же отношениях стоят ХОТАЛ ЕКВА «солнце» и ЕТРОС ОИКА «месяц» [45, с. 37].

Гибридные пермско-угорские названия, которые особенно часто встречаются в традиционной сакральной лексике этих народов, логично объясняются из того общеизвестного факта, что в регионе Приуралья они многие века проживали не только по соседству, но и в перемешку друг с другом.

Если верно наше предположение о том, что пермяне-язычники свое верховное женское божество именовали пермским словом ОБ, ОБ+ досл. «сестра (Бога-) Отца (небесного)», то легендарное ее золотое изображение, известное под русским названием ЗОЛОТАЯ БАБА и коми названием ЗАРНИ-АНЬ «Золотая богиня», должна была именоваться у них ОБ-ЕН, букв. «кумир богини Об» (коми ЕН «бог»; изображение божества, икона, кумир»), или же просто ОБ, ОБ+. И в таком случае, когда пермяне-язычники, спасая свою традиционную веру и святыни от разбойных деяний христианских миссионеров, вроде Стефана Храпа, в

конце XIV века убегали за Урал, унося с собой в низовья реки АС ее золотое изображение, то это место, где было устроено ее новое святилище, непременно должно было получить ее имя – ОБ-ДОР, досл. «место возле (святилища богини) ОБ» (коми ДОР имя-последок «место возле, около чего-л.»). Постепенно и саму великую сибирскую реку АС новопоселенцы-пермяне стали называть в честь своей верховной богини – ОБЬ.

Топоним ОБДОР обычно истолковывается исследователями в позднем узком значении его – «место возле реки Обь, низовья реки Обь, Обдорский край» (от коми ДОР «место возле, около чего-л.»). [43, с. 98, там же литература вопроса].

Теофорная сущность пермского по происхождению топонима ОБДОР подкрепляется некоторыми топонимами в этом районе, непосредственно связанных с ним по происхождению. Так, например, общеизвестный городок ОБДОРСК (по-ненецки САЛЕ-ХАРД, досл. «Мысовой городок») в низовьях реки ОБЬ, «основанный при покорении Сибири в 1593 году на правом берегу реки Полуя, который отсюда в 8 верстах впадает в Обь, [1, с. 61], расположен напротив ЙОНДИРСКОЙ ПРОТОКИ Оби, на левом берегу которого раньше существовало поселение ЙОНДИРСКОЕ, имевшее параллельное название ВЬЛЬ-ПОЗЛИНСКОЕ. На рукописной карте венгерского путешественника Антала Регули, составленного в 1846 году, эти названия засвидетельствованы в форме JONDIRSKOE ILI WILPOSLINSKOE [64]. Эти топонимы явно пермские по происхождению и легко этимологизируются на почве коми языка, с учетом незначительных фонетических искажений, характерных для угорских наречий: угор. JON-DIR * < коми JEN-DOR, досл. «(поселение) около святилища с изображением языческого божества», компонент -СКОЕ в ойкониме ЙОНДИРСКОЕ представляет собой распространенный русский топонимический суффикс; WIL-POSLINSKOE * < коми ВЬЛЬ-ПОЗ, досл. «новое гнездо, т.е. новое поселение» (коми ВЬЛЬ «новый, новое», ПОЗ «гнездо; в переносном смысле «дом; семья», компоненты -LIN- и SKOE – русские топонимические суффиксы).

Таким образом, становится очевидным, что все эти топонимы -ОБ-ДОР, ОБ-ДОР-СК, ЙОН-ДИР-СКОЕ * < ЙЕН-ДОР и ВЬЛЬ-ПОЗЛИНСКОЕ смыслово взаимосвязаны и синонимичны; ойконим ВЬЛЬПОЗЛИНСКОЕ представляет собой усеченное метафорическое название того же самого места ОБ-ДОР и ЙЕН-ДОР с дословным значением «новое поселение (возле святилища богини Об)». Эти названия, наряду со многими другими пермскими по происхождению топонимами в Западной Сибири, наглядно подтверждают сообщение Г.Новиц-

кого: «Сии же, что вниз по Оби, непременно глаголют наречием пермским, зане сии егда через Камень, иже от Пермы прилежить, перейдоша, ...сохраниша неизменно язык свой пермский» [32, с. 39].

Наше предположение о том, что под корнесловом JON *< перм. JEN в приведенных выше топонимах подразумевалась именно богиня ОБ, а не какое-либо другое божество, подтверждается этимологией топонима одной родо-племенной группы ненцев – OBJONDIR, засвидетельствованный И.Е.Фишером в его «Сибирской истории»: «Живущие у реки Мезени (Самоядь) называют себя OBJONDIR, а Пустозерская или Югорская Самоядь именуют себя ХАЗОВО» [54, с. 117].

Этноним ненцев ОБЙОНДИР не поддается этимологизации на основе ненецкого языка, потому что он представляет собой коми название небольшой группы ненцев, переселившихся на Мезень с низовой реки ОБ, где они обитали раньше вблизи святилища богини ОБ, где хранилось раньше знаменитое золотое изображение ее, закономерно называвшееся по-коми ОБ-ЕН, досл. «кумир богини Об». Таким образом, этноним ОБЙОНДИР *< коми ОБ-ЕН-ДОР должно было означать дословно «(люди, проживавшие раньше) около святилища богини Об». Нет ничего необычного в том, что какая-то кочевая группа ненцев называла себя по названию местности, где они раньше проживали, а название местности оказалось пермским по происхождению. Примечательно и то, что многие ненцы, как, например, КОЛВИНЦЫ (и этот топоним ненцев тоже пермское по происхождению) еще в прошлом XIX в. полностью перешли на коми язык, т.е. озырянились.

Предположение о том, что пермское название сибирской реки ОБ является теофорным и происходит от имени верховного женского божества пермян-язычников – богини ОБ, ОБ+, считавшаяся по их традиционным воззрениям сестрой верховного божества – Бога-Отца небесного, подтверждается этимологическим анализом всех других параллельных названий этой реки на языках народов, проживающих в бассейне Оби. Сводку параллельных названий сибирской реки ОБ приводит в своей статье на эту тему М.Ф.Розен [40, с. 123], однако этимологий всех этих названий в научной литературе нами не обнаружены.

Отдельные диалектные группы селькупов именуют реку ОБь по-разному: одна группа называет ее ЭМА, ЭМЕ, ЕМЕ; другая – КОЛД, КОЛТТЕ, КОЛТТУ, КОЛТА; третья – НЬЯКЕЛ-КУЛД, НЬЯКЕЛ-КОЛД [40, с. 123].

В известных словарях селькупского языка А.Кастрена и Й.Эрдеи приводятся диалектные формы лексемы ЕМА, ЕМЕ, ІМА, имеющие современные узуальные значения «мать; женщина; жена» [51, с. 254; 52,

с. 35, 46]. В этих словарях селькупские глоссы КОЛД, КУЛД, КОЛТА и НЬЯКЕЛ не приводятся, но А.Кастрен в другой работе засвидетельствовал их как диалектные селькупские названия реки ОБЬ со значением «Дух, Душа»: «Из юрт, виденных нами (на берегу реки Обь) ...заслуживает внимания: ...КАЛТАГОРСКАЯ (от самоедск. слова KOLDA – Обь. Это обыкновенное название у томских самоедов, так же, как и KUAL, собственно KUAL, откуда KUALDA, KOLDA, т.е. «дух, душа» [18, с. 258].

В другом параллельном названии реки Обь на селькупском языке – НЬЯКЕЛ – достаточно прозрачно выделяются два общесамодийских слова: НЯ, (НЬЯ) «сестра», «жена» [30, с. 335] и *КЭЛ «рыба» (селькуп. QELI, QEELI «рыба» [52, с. 67], ненецк. ХАЛЯ «рыба; рыбный»).

Таким образом, селькупское название реки Обь – НЬЯ-КЕЛ-КОЛД следует истолковывать дословно «(река) жены рыбного Духа», или «(река) сестры рыбьего бога», а в более развернутом виде – *«(река) Богини-Матери (Обь) – жены (или же сестры) рыбьего бога (Ас)».

Другие диалектные формы названия Оби – КОЛД, КОЛТА и т.п., вероятнее всего представляют собой предельно усеченные формы (эллипсисы) от первоначального сложного названия реки, сакрально-теофорного характера по происхождению. Соответственно и первую группу селькупских названий реки Обь – ЭМА, ЭМЕ, ЕМЕ следует этимологизировать как имеющие первоначальное дословное значение *«(река богини-) Мать», или же *(река) жены (рыбьего бога Ас)» (селькуп. ЭМЕ, ЕМЕ «мать», ЕМА, ИМА «жена»).

В различных наречиях тюркского языка река Обь именуется с незначительными вариациями – УМАР, ОМАР, ЭМАР, АМАР, АК-УМАР, УМАР-ЫЙМАР, УМАР-ЙУМАР [38, с. 1790; 40, с. 123]. Никаких этимологий для этих названий Оби в научной литературе не имеется.

Не трудно заметить, что тюркские названия реки Обь по форме близки к селькупским названиям этой реки – ЭМА, ЭМЕ, ЕМЕ, представляющими собой, как уже было показано выше, селькупские термины родства по женской линии – ЕМЕ (ЕМІ) «мать» ЕМА, ИМА (ІМА) «жена», но существенно отличаются от них наличием в составе названий конечного элемента -R, или же -AR (в случае элизии). Так как в древнетюркском языке засвидетельствовано слово УМА «мать» [13, с. 611], а финальный элемент в тюркских названиях реки Обь – -R (или -AR) можно рассматривать как суффикс, применявшийся в древнетюркском для образования имен собственных и прилагательных от именных основ (ср. др.-тюрк. АНА «мать», АНАР – имя собств., УМА «мать», УМАР – имя собств. [13, с. 9, 43, 65, 611], то на основании всего этого правомерно будет предположить, что тюркские названия реки Обь –

УМАР, АМАР, ЭМАР (и другие диалектные формы) имеют такие же первоначальные дословные значения, как и названия этой реки в различных наречиях у селькупов – ЭМЕ * «(река богини-) Мать».

Если предположить, что в тюркском названии реки Обь – УМАР произошла элизия и первоначальная форма его была *УМА-АР (UMAR), то в конечном элементе его -R * < -AR можно усматривать еще и субстратную именную основу AR- со значением «водный поток; вода; река». Именно с такими значениями засвидетельствована именная основа AR- в целом ряде угорских и индоевропейских языков: например, венгерск. AR «течение; поток», манс. ARI «речка»; в индоевропейских языках основа AR-, AUER- также связана с понятием «текущая вода», «река» [62, с. 80-81; 50, с. 131-139; 29, с. 57], и даже в самом тюркском языке в чагатском наречии имеется слово AAR «вода» [41, с. 167].

По достаточно обоснованному мнению целого ряда авторитетных исследователей средняя и верхняя области бассейна реки Обь входят в древнейшую индоиранскую языковую зону и представляют собой индоиранский гидронимический ареал в южной части Сибири [33, с. 42 и карта на с. 59; 14, с. 17]. Принимая во внимание эти факты можно предположить, что тюркское название реки Обь – УМАР * < УМА-АР происходит от двух именных слов: УМА «мать» и AR «река; вода», сочетание которых (с учетом элизии гласных и усеченных слов из первоначального полного названия) дает первоначальное дословное значение *«река (богини-) Мать», или же *«(богиня-) Мать (в образе) реки».

Некоторые исследователи высказывали мнение, что тюркское название реки Обь – АК-УМАР означает дословно «Белая большая река», от тюрк. AQ «белый», UMAR * «большая река» [38, с. 88; 43, с. 112; 40, с. 121 и др. авторы]. Но такая этимология представляется нам в корне ошибочной. Во-первых, слово УМАР ни к каких источниках не засвидетельствовано в значении «большая река» или просто «река»; во-вторых, название этой величайшей реки, обожествляемой всеми древними народами, обитавшими в ее бассейне, едва ли допустимо истолковывать в узуально-профанном значении вообще.

Хорошо известно, что слово AQ в тюркских языках, кроме своего обычного значения «белый, светлый» имеет также переносное значение «цвета чистоты и непорочности как в вещественном, так и в духовно-эстетическом смысле» [59, с. 44], а в сакральном аспекте это слово имеет значения «священный, божественный, истинный»; в киргизском и уйгурском наречиях тюркское слово AQ и поныне имеет значения «Истина», «Бог» [38, с. 96]. Все эти факты дают нам надежное основание этимологизировать тюркское название реки Обь – АК-УМАР * < AQ-УМА-

AR как имеющее первоначальное дословное значение *«Священная река (Богини-) Мать», или же *«Богиня-Мать (в образе) реки».

Такая этимология гидронима АК-УМАР подтверждается этимологией еще одного тюркского названия реки Обь – УМАР-ЫЙМАР, УМАР-ЙУМАР, УМАР-ДЬУМАР. Значения слов, составляющих вторую часть в этих сложных тюркских названиях Оби, пока что никак не истолковывались в научной литературе и в словарях. Но не труднее заметить, что все три варианта второй части названий состоят из того же самого тюркского названия реки Обь – УМАР * < UMAAR, усложненного тюркской глагольной основой ЫЙ-, < ЫД- «посылать, ниспосылать (с неба)». Примечательно, что эта глагольная основа, при помощи суффиксов, образует целый ряд других тюркских слов сакрального уровня: ср. тюрк. ЫЙЫК, ЫЙ, IDUQ, IK, УЈУК «(посланный богом и потому:) священный», «святыня»; духи рек, гор, долин; фетиш, предмет преклонения, почитания» [41, с. 649; 13, с. 217].

Таким образом, несколько затемненные фонетическими искажениями тюркские диалектные названия реки Обь – ЙУМАР, ДЬУМАР, ЫЙМАР (* < ЫЙ-УМААР) представляют собой всего лишь синонимичные диалектные формы выше рассмотренного тюркского названия реки Обь – АК-УМАР и этимологизируются с подобным же ему дословным значением *«Священная река (Богини-) Мать». Начальный компонент УМАР во всех этих трех усложненных диалектных названиях Оби, очевидно, является более поздним добавлением и представляет собой довольно типичный для тюркских языков плеоназм, т.е. стилистическую избыточность. Следовательно, эти диалектные названия реки Обь – УМАР-ЫЙМАР и тому подобные будут означать дословно *«река (Богиня-) Мать, ниспосланная (Богиней-) Матерью-рекой».

Как известно, один из двух крупнейших истоков Оби – река КАТУНЬ, обитавшими на ее берегах тюркскими народами издавна считалась началом основного русла реки Обь, поэтому гидроним КАТУНЬ можно рассматривать как один из параллельных названий реки Обь, и с этой точки зрения выявление этимологии этого гидронима представляет для нашей темы особый интерес.

Многие исследователи, высказывавшиеся по вопросу этимологии гидронима КАТУНЬ, отмечают, что это название связано с понятием о женщине высокого положения. «Имя (реки) Катунь значит госпожу, княгиню» [37, с. 29]. «Монгольское название ХАТУНЬ или КАТУНЬ-ГОЛ, что значит «Царица-река» [7, с. 259]. «Название «Катунь», очевидно, происходит от турецкого слова «кадын», что значит «женщина высокого положения», или «уважаемая». ...У некоторых тюркских народов этот термин имел еще более широкое значение, так как он

употреблялся в смысле «владычица». Поэтому реке и дано название «Катунь» – «царица рек» [46, с. 52]. «По-видимому, название КАТУНИ в Горном Алтае исходит из др.-тюрк. КАДЫН/ХАТУН – женщина, госпожа, повелительница – и связано с древним обычаем народов возвешивать и преклоняться перед большими реками, горами» [26, с. 217].

Популярные топонимисты Э.М.Мурзаев и В.А.Никонов выступили с решительными возражениями по поводу толкований гидронима КАТУНЬ, подобных вышеприведенным, полемично объявляя их «наивными продуктами народной этимологии, лишенными здравого смысла и логики географии» [27, с. 9-10], утверждая со своей стороны, что название реки КАТУНЬ (КАТУН, ХАТАН, КАДАН и др. диалектные формы этого гидронима) якобы происходит из древнетюркского слова КАТЫН/ХАТАН с ныне утраченным значением «река» [27, с. 10; 28, с. 190-191; 29, с. 240; 31, с. 184]. Несомненная ошибочность такого категорического мнения Э.М.Мурзаева и В.А.Никонова по вопросу этимологии гидронима КАТУНЬ была убедительно показана в работе И.Г.Добродомова [12, с. 141]. Их заблуждения по этому вопросу становятся особенно очевидными в контексте данного нашего исследования по этимологии гидронима ОБЬ.

Основываясь на выявленном выше положении, что все параллельные названия реки Обь на различных языках и наречиях связаны с понятием о верховном божестве языческого пантеона, представляемого в традиционных воззрениях народов, обитавших в бассейне этой реки, в качестве Владычицы (а иногда и в качестве Владыки) реки Обь, можно предположить, что название одного из главных истоков ее – река КАТУНЬ представляет собой также сакральное-геофорное название. Очевидно, древнетюркско-монгольский женский почтительный титул КАТЫНЬ“ХАТУН“КАДАН и др. диалектные формы его, наряду с современными узуально-профанными значениями «женщина высокого положения», «жена важного человека», «госпожа», «царица», в более древний период имел еще и сакральное значение *«главная богиня», «Великая Богиня-Мать», «верховная Царица небесная», «всевышняя госпожа»... Такое предположение подтверждается этимологическим анализом самого термина КАТЫН/КАДАН/ХАТУН, первоначальную форму которого можно представить как двусложное слово *КА-Т-ЭН(Э), состоящее из двух древнейших слов ностратического диапозона: КА, QA «главный», «величайший», «первоначальный» (ср. тюрк.-монг. QAQAN «каган», досл. «главный хан», «великий правитель», состоящий из двух слов: QAN“XAN «правитель, повелитель, хан, царь» и QA «главный, великий»: кит. KE «великий» [63, с. 62]; тиб. KA «начало», «происхождение», «первый» [39, с. 23]; др.-и.-е. KA «голова», «глава»,

«царь», «имя собственное или же эпитет многих верховных древнеиндийских богов» [60: s.v. KA]; второй компонент в термине *KA-T-ЭН(Э) – *ЭН(Э) > AN «женщина», «мать», «богиня; богиня-мать» – уже рассмотренный нами выше ностратический термин. Интервокальный элемент -T-, -D- в тюрк.-монг. термине КАТЫН/ХАТУН/КАДАН, очевидно, является неэтимологической фонемой, вставляемой между двумя словами на стыке гласных для благозвучия или же с целью предотвращения элизии в сложном слове, неизбежной при соединении в одно слово составляющих слов КА и ЭН(Э), в результате чего новый двусложный термин получил бы форму KAN, порождающую семантические ассоциации со словом XAN/QAN «хан, правитель, царь». Ярким примером, подкрепляющим такое предположение, является этимология староузбекского термина ОТУН/АТУН, генетически родственного термину ХАТУН/КАДАН, как об этом достаточно убедительно пишет А.Гафуров: «С нашей точки зрения, слово ОТУН связано с термином ХАТУН. Теперь посмотрим, какова же могла быть эта связь.

Во времена Тимура ханские жены имели особый титул или почетное прозвище. Их называли «агахатун». ... В мусульманских странах титулы, относящиеся к лицам высшего сословия, постепенно распространялись и на лиц из других слоев феодального общества. ... Но когда эти титулы употреблялись в повседневном общении людьми, не владеющими литературным языком, закрепляющим произношение, они претерпевали фонетические изменения вследствие закона сокращения, или экономии произносительных усилий, действующих во всех языках. Поэтому в разговорной речи слово АГАХАТУН быстро подверглось стяжению. Вероятно, начали произносить АХАТУН или АГАТУН, а потом уже АТУН/ОТУН» [10, с. 97].

Как известно, староузбекский термин АГА/A:KA «после женского имени означает принцессу или родственницу хана» [8, с. 60], т.е. по своему значению очень близок к более древнему почетному женскому титулу ХАТУН/КАДАН с его узуальным значением «знатная женщина; госпожа; царица». Таким образом, новосозданный почетный женский титул АТУН/ОТУН представляет собой типичный плеоназм и истолковывается дословно «величественная, главная царственная госпожа». Но этим титулом теперь величают в Средней Азии не царственных особ женского пола, а всего лишь образованных женщин, учительниц и наставниц, пользующихся особым уважением. А когда роль наставницы начинала выполнять женщина из высшего сословия, то к ее обычному титулу ХАТУН/КАДАН стали прибавлять еще и прозвище ОТУН [10, с. 96-98]. Таким образом, этот пример наглядно показывает, как на

протяжении уже исторического времени один и тот же термин претерпевал разнообразные формальные и семантические изменения.

В подтверждение нашего предположения о первоначальном теофорном характере названия реки Катунь можно привести еще целый ряд примечательных фактов. Так, например, в религиозно-мифологической традиции якутов слово «хотун ... прибавляется к названию местности (города, реки), пользующейся почетом и к именам божеств женского пола» [35:3536]. В шаманской мифологии бурят «...среди (божеств и духов земли) следует назвать также хозяйку озера Байкал АБА-ХАТУН» [15, с. 106]. Это имя верховной богини – владычицы озера Байкал истолковывается некоторыми исследователями из современных обычных значений в бурятском языке древнейших сакральных терминов АБА и ХАТАН/ХАТУН «матушка-госпожа» [25, с. 198], но в контексте нашего исследования есть все основания предполагать, что более древнее истинное значение этого теонима должно было быть дословно *«верховная богиня-мать Аба».

Н.Я.Бичурин сообщает, что еще в начале XVIII в. во дворе китайских императоров в Пекине существовал действующий шаманский храм Тханцзы, в котором ежевечерне совершались камлания с жертвоприношениями верховным тунгусским божествам – Онготам, среди которых он упоминает также имя божественного персонажа женского пола – КАТУНЬ-НОИНЬ [6, с. 57-59].

Итак, можно считать, имеется множество веских оснований, подтверждающих наше предположение о том, что многочисленные параллельные названия реки ОБЬ на различных языках древних народов, обитавших в бассейне этой реки, являются этимологически синонимичными, сакрально-теофорными по характеру и представляют собой по существу благоговейно-почтительные имена-эпитеты верховных языческих божеств в традиционных воззрениях этих народов. Однако в более позднее время, в результате тотальной агрессивной экспансии во все эти регионы новейших «мировых» религиозных идеологий – христианства, ислама, буддизма и коммунизма – непримиримо враждебных языческим верованиям, традиционным культам и опирающейся на них традиционной культуре, первоначально сакральные и теофорные значения всех этих различных параллельных названий реки Обь (равно как и многих других традиционно сакральных когда-то названий и терминов) постепенно снижались, подвергались деградации и профанации, прежние сакральные значения их забывались и все названия стали восприниматься на уровне узуально-профанных значений слов, входящих в эти названия. И как уже было отмечено выше, некоторые исследователи, не разобравшись во всей сложной истории этой проб-

лемы, усматривают в современных значениях всех этих названий, «...в этом букете господ, княгинь, тетушек, бабушек [и дедушек тоже – М.И.] лишь логику народной этимологии, но менее всего присутствия здравого смысла и ... логики географии» [27, с. 9-10]. Однако теперь, когда мы выяснили, что наши далекие предки в местах своего обитания наиболее значительным и жизненно важным для них географическим и природным объектам давали имена и эпитеты своих особо почитаемых верховных божеств и духов, во всех этих значениях топонимов, вызывающих споры и сомнения, появляется «здравый смысл и логика».

Как известно, в Европе и Азии имеется большое количество топонимов, образовавшихся от древнейшего корнеслова ностратического диапазона ОВ/АВ (*ОР/Э/) и различных диалектных форм его, зачастую в составе сложного названия, – одних только гидронимов насчитывается несколько десятков [14, с. 15; 29, с. 400]. Выявление этимологии каждого из них нуждается в отдельных исследованиях, но уже сейчас можно высказать предположение, что многие из них являются по происхождению теофорного характера.

На основании данного исследования можно высказать также предположение, что от коми названия-эпитета пермской верховной богини ОБ – ЗАРНИ-АНЬ(+) происходит один из этнонимов коми народа – ЗЫРЯНЕ, который мог иметь первоначальную форму *ЗАРНИ-АНЬ(+)ЛЫ ЭСКЫСЬЯС, досл. «почитатели золотой богини», который в русском произношении превратился в ЗЫРЯНЕ, а в мансийском – САРАН-КУМ, «человек-зырянин».

Условные знаки

* – знак реконструкции формы слова, а также предполагаемое значение слова или словосочетания.

A>a – слово **a** происходит от слова **A**.

Сокращения

Языки и диалекты: абх. – абхазский; арм. – армянский; венг. – венгерский; греч. – греческий; доперм. – допермский; др.-в.-нем. – древневерхненемецкий; др.-и.-е. – древнеиндоевропейский; др.-инд. – древнеиндийский; др.-тюрк. – древнетюркский; кит. – китайский; лат. – латинский; лув. – лувийский; манс. – мансийский; монг. – монгольский; ненец. – ненецкий; общеперм. – общепермский; селькуп. – селькупский; тиб. – тибетский; тюрк. – тюркский; удм. – удмуртский; хант. – хантыйский; хет. – хетский.

Букв. – буквально; диал. – диалект; досл. – дословно.

Литература

1. Абрамов Н.А. Описание Березовского края. СПб., 1857.
2. Алексеев М.П. Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей. Иркутск, 1941.

3. Анучин В.И. Очерк шаманства у енисейских остяков. СПб., 1914. (Сборник Музея антропологии и этнографии АН СССР. № XVII, т.2. Вып. 2).
4. Анучин Д.Н. К истории ознакомления с Сибирью до Ермака // Древности. Труды Московского Археологического Общества. М., 1890. С. 227-313.
5. Ахметьянов Р.Г. Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья. М., 1981.
6. Бичурн Н.Я. Китай в гражданском и нравственном состоянии. СПб., 1848. Ч. 4.
7. Бичурин Н.Я. Замечания на статью о исследовании вершин Сыри Аму-Дарьи // Записки Русского Географического Общества, кн. III. СПб., 1849. С. 254-260.
8. Будагов Л. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. СПб., 1869. Т. 1.
9. Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1984. Ч. I-II.
10. Гафуров А. Имя и история. М., 1987.
11. Герберштейн С. Записки о Московитских делах. СПб., 1908.
12. Добродомов И.Г. Не «река», а «женщина» (о достоверности топонимических этимологий) // Этническая ономастика. М., 1984. С. 138-143.
13. Древнетюркский словарь. Л., 1969.
14. Дульзон А.П. Древние топонимы Южной Сибири индоевропейского происхождения // Топонимика Востока. Новые исследования. М., 1964. С. 15-16.
15. Жуковская Н.Л. Бурятская мифология и ее монгольские параллели // Символика культов и ритуалов зарубежной Азии. М., 1980.
16. Зеленин Д.К. Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии, ч. II // Сборник Музея антропологии и этнографии. Л., 1930. № 9.
17. Игнатов М.Д. О происхождении различных названий реки ВЫМЬ // Linguistica Uralica, XXVI. Таллинн. С. 33-42.
18. Кастрен М.А. Путешествия Александра Кастрена по Лапландии, Северной России и Сибири (1838-1844); 1845-1849 гг.) // Магазин земледелия и путешествий. М., 1860. Т. 6, ч. II.
19. Куратов И.А. Заметки и статьи о народе Коми, его языке и историческом прошлом // И.А.Куратов. Художественной произведенияе. Сыктывкар, 1939. I том.
20. Лебедев М.А. Река Обь // Омская область, 1940. ОмГИЗ. № 7.
21. Лыткин В.И., Гуляев Е.С. Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970.
22. Матвеев А.К. Географические названия Урала. Свердловск, 1980.
23. Меховский М. Трактат о двух Сарматиях. М., 1936.
24. Миллер Г.Ф. Описание Сибирского царства. СПб., 1750. Т. I.
25. Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. I-II. М., 1980-1982.
26. Молчанова О.Т. Топонимический словарь Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1979.
27. Мурзаев Э.М. Центральноеазиатские топонимические миниатюры // Топонимика Востока. Новые исследования. М., 1964. С. 9-11.
28. Мурзаев Э.М. Очерки топонимики. М., 1974.

29. Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. М., 1984.
30. Ненецко-русский словарь. М., 1965.
31. Никонов В.А. Краткий топонимический словарь. М., 1966.
32. Новицкий Г. Краткое описание о народе остяцком. Новосибирск, 1941.
33. Оранский И.М. Введение в иранскую филологию. М., 1960.
34. Паллас П.С. Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею величайшей особы, ч.1. СПб., 1787.
35. Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. М., 1959. Т. 1-3.
36. Полное собрание русских летописей. СПб., 1879. Т. IV.
37. Полунин Ф. Географический лексикон Российского государства. М., 1773.
38. Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1893.
39. Рерих Ю.Н. Тибетско-русско-английский словарь с санскритскими параллелями. М., 1983. Вып. I.
40. Розен М.Ф. Имя реки Обь // Известия Алтайского отделения Географического общества СССР. Горно-Алтайск, 1970. Вып. II. С. 120-124.
41. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974.
42. Смирнов И.Н. Пермьки // Известия Общества Археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Казань, 1891. Т. 9, вып. 2.
43. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1971. Т. 3.
44. Фишер И.Е. Сибирская история. СПб., 1774.
45. Чернецов В.Н. Фратриальное устройство обско-угорского общества // Советская этнография. М., 1939. Вып. 2. С. 20-42.
46. Чихачев П.А. Путешествие в Восточный Алтай. М., 1974.
47. Шишонко В.Н. Пермская летопись, второй период. Пермь, 1882.
48. Шостакович В.В. Историко-этнографическое значение названий рек Сибири // Очерки по земледелию и экономике Восточной Сибири. Иркутск, 1926. С. 115-130. (Известия Восточно-Сибирского отдела Русского Географического общества, т. XLIX. Сборник секций Земледелия, вып. 2).
49. Штейниц В. Из топонимики Северного Пообья // Вопросы географии, 1962. № 58. С. 109-111.
50. Dauzat A. La toponimie francaise. Paris, 1946.
51. Castren M.A. Wörterverzeichnisse aus den Samoedischen Sprachen. St.Pb., 1855.
52. Erdely J. Selkupisches Wörterverzeichnis. Budapest, 1969.
53. Georgi I.G. Bemerkungen einer im Russischem Reiche in den Jahren 1773 und 1774. St.Pb., 1775.
54. Fischer J.E. Sibirische Geschichte von der Entdeckung Sibiriens bis auf die Eroberung dieses Landes durch die russische Waffe. St.Pb., 1768. Bd. 1.
55. Kannisto A. Zur etimologie des volkernames ostjake // Memories de la Societe Finno-ougrinne, 1928. № 58. S. 400-415.
56. Karjalainen K.F. Die Religionen der Juga-Völker, Bd. 2. Folklore Fellows Communications, v.11, № 44, 1922.
57. Karjalainen K.F. Karjalainens Ostjakisches Wörterbuch. Helsinki, 1948. Bd. 1-2.
58. Keleti Szemle. Budapest, 1911. № 2.
59. Laude-Cirtautas I. Der Gebrauch der Faberzeichnungen in der Turkdialekten. Wiesbaden, 1961.

60. Monier-Williams M.A. Sanskrit-Englisch Dictionary. Oxford, 1970.
61. Müller G.F. Sammlung Russischer Geschichte. St.Pb., 1763. Bd. VIII.
62. Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1949. Bd. 1.
63. Ramstedt G.I. Alte türkische und mongolische Titel // Journal de la Societe Finno-ougrienne. Helsinki, 1951. № 55/2.
64. Reguly A. Ethnographisch-geografische Karte des nördlichen Ural Gebietes, entworfen auf einer Reise in den Jahren 1844-1845 von Anton Reguly, St.Pb., 1846. *(Рукописный оригинал этой карты хранится в архиве библиотеки Российского географического общества в Санкт-Петербурге, архивный номер 278, К-17774).*
65. Sjögren A.J. Gesammelte Schriften. St. Pd., 1861. Bd. 1-2.

Публикация осуществлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 04-06-80411).

О.И.Уляшев

**ПРЕДАНИЯ О ВОЗНИКНОВЕНИИ НЕКОТОРЫХ ПОСЕЛЕНИЙ
НА ТЕРРИТОРИИ КОМИ КРАЯ**

В фольклоре не только коми, но и многих других народов, особое место занимают тексты о происхождении тех или иных поселений. Предания о происхождении населенных пунктов представляют собой гибкое и разнообразное сочетание сюжетов и мотивов мифологического, этногенетического, этиологического, этимологического и эпического характера, поскольку основной их целью является обоснование прав на владение и использование неким человеческим сообществом некоего пространства. Во многом мифологическими можно назвать этимологические предания о «назывании» того или иного места проплывающим, проходящим историческим лицом (Стефан Пермский, Пётр I и т.д.), эпическим героем (Тювэ, Мелейка), или просто народом. Разумеется, сам факт именованья и обоснование названия чаще всего псевдоэтимологичны и псевдоисторичны, но при этом, в образноэмоциональной форме передается важность локального исторического события, по крайней мере, для небольшой группы людей. В любом случае название, наделение именем становится актом освоения, приручения места, до этого момента бывшего чужим и неизвестным.

Факт освоения предком неосвоенного пространства становится главным доводом для обоснования права на существование конкретного человека (рода, народа) в конкретном локусе. Именно поэтому в преданиях почти всегда подчеркивается, что первопоселенцы (первые люди) приходят на ничьи земли и там поселяются. Частично к такого рода текстам можно отнести и распространенные рассказы о приходе коми на земли, занятые чудью, отличающейся странностями поведения, быта, образа жизни, т.е. не совсем «правильным» народом. Возможные «угрызения исторической совести» при этом снимаются сюжетами о превращении чуди в мифический народ, до сих пор скрытно проживающий по соседству, о ее добровольном уходе в другие земли (= самопогребении) или смешении с новыми людьми. Таким образом, чудь или полностью исключается из дальнейшей истории поселенцев (с глаз

долой и с сердца вон), или признается одним из компонентов, сформировавших новое население (новую культурную группу).

Мифологическими и эпическими сюжетами предания о первопоселенцах апеллируют к древности и подчеркивают трудности, возникшие и преодоленные в борьбе с природными стихиями и враждебными племенами. Обращением к прошлому, таким образом, подчеркивается исконность (заслуженность) прав на землю, поэтому часто предания о первопоселенцах вступают в разногласия с историческими фактами, отбрасывая реальные события иногда на сотни лет назад. И, тем не менее, невозможно утверждать, что предания являются абсолютным художественным вымыслом. Во-первых, в любом случае остается неоспоримым сам факт заселения (поскольку все существующее имеет свое начало), а, во-вторых, точность датировки часто определяется характерным для коми отсчитыванием своей родословной именно от первопоселенца. В частности, имея генеалогическую цепь «от первоначальника», можно с достаточной степенью достоверности рассчитать время возникновения сел, деревень, починков, которым насчитывается до 500 лет. А в ряде случаев обращением к родословным, к устной родовой истории можно обогатить и оживить сухую датировку исторических процессов, особенно касающихся населенных пунктов, возникших относительно недавно (XIX–XX вв.), уточнить экономические, исторические, демографические и прочие причины перемещения населения внутри и вне этноареального пространства. Во всяком случае, параллельные исследования с сопоставлением текстов письменной и устной истории, раскрывают широкие научные перспективы.

Представленные ниже тексты, разумеется, не охватывают ни в географическом, ни в фольклорно-историческом плане всю территорию поселений Коми. Эту небольшую подборку можно рассматривать лишь как иллюстративный, пробный материал для сравнительного анализа, небольшую выборку из того, что уже зафиксировано, продолжает фиксироваться в ходе фольклорно-этнографических экспедиций на территории Коми.

С. Адзавом. Интинский р-н.

Первыми в Адзавом пришли оленеводы: Савита Ивановна с мужем Янзиновым Егором. Олени пали. Муж был ненец, оттуда фамилия пошла. Оленей было мало. Землю не обрабатывали. Жили за счет промысла (охоты), от писания такого не кормились. Двухэтажный дом стоял на мысу у впадения ручья, напротив кладбища. Родители Савиты жили в д. Лар Вань Иг, приходили с тундры и уходили к Уралу. Ненцы приходили торговать. **(Канева Анастасия Степановна, 1899 г.р., урож. д. Дресвянка возле Косью, проживает в Адзавом. Зап. Уляшев О.И., 23 апр. 1992 г.)**

Д. Бадьёльск. Усть-Куломский р-н.

По Чисталеву в 1756 г. основан Бадьёльск, 220 лет отмечали, а я думаю: не меньше 300 лет уже. Колено у меня с Вольдина: Ёврам став (род Авраама). По коленам я считаю (около 40 лет каждое), 300 лет получается. Вольдинские были Авраам-Ефим-Семён, потом в Бадьёльск сын Семёна, Конон поселился. От него: Конон-Трофим-Никифор-Василий-Пётр-Егор, и я – Евгений. Места есть здесь – Конё горём (Пашня Конона), Конё тыла (подсека Конона), это от моего предка, который первым поселился. А в честь детей прадеда назвали речку. За посёлком Вольский есть Васьпийан ёль (Речка сыновей Василия), впадает в Рочвож, а Рочвож – уже в Нившеру. (Уляшев Евгений Егорович, 1927 г.р., урож. д. Бадьёльск. Зап. Уляшев О.И., 12 июня 2003 г.).

С. Васькино. Усинский р-н. Мутно-Материкский с/с.

Я жил в деревне Васькино. Деревню называют Васькиным. Первым заселился там старик, по имени Васька, потому и называют Васькино. Я там работал два месяца и говорил с друзьями на их языке. Вместо «иг» говорят «эг» ... Васькино от нас в двадцати одном километре за рекой, возле реки. Оно от нас южнее.

От нас есть деревня Зверенеч, двадцать три дома. Она от нас на восток, двадцать километров. Зверинцем назвали потому, что там раньше было много зверей. Мать мне говорила. (Инф. Филиппов Константин Ксенофонович, род. 26.08.1921г. в с.Мутный Материк (Сем Ондрей) на р.Усть-Уса // *Syrjänische Texte. Band II. Komi-Syrjänisch: Izma-, Pechora- und VYM-dialekte. Gesammelt von T.E.Uotila / Übersetzt und herausgegeben von Paula Kokkonen. Helsinki. Suomalais-Ugrilainen Seura. 1986. S. 120*).

С. Весляна. Усть-Вымский р-н.

Село Весляна (стоит) между двумя рекам – Вымью и (ее притоком) Весляной. Старые люди рассказывали, будто между двумя реками когда-то было явление Николая с зажженной свечой. (Люди) увидели горящую свечу и поставили (на том месте) крест. Мыс весь был покрыт лесом. Позже поселились (на этом месте) и построили часовню. Часовня была построена в честь явленного Николая. К милостливому Николаю (люди) приходили отовсюду, чтобы от болезней излечиться. Приедут, бывало, из Турьи, из д.Кони, привезут Николаю в жертву телёнка, корову – обещанное да от болезней, от испуга. Кто первым поселился, давно ли, этого не знаем. Этот рассказ уже еле помним как во сне (виденное). (Габова Парасковья Антоновна, 1880 г.р., урож. с. Весляна. Зап. 1946 г. Жилиной Т.И. // Жилина Т.И. Вымский диалект коми языка. Сыктывкар, 1998. С. 432).

С. Вольдино. Усть-Куломского р-на.

а) Первыми в село пришли три брата, Онись Кипрей, Онись Мелей и Пров. Кипрей и Мелей поселились на месте Чоййыв, а Пров – на Пров шор «Ручей Прова». Потом говорят пришел еще брат Иван, но его не пустили к себе, и он дом поставил на холме Иван ыб. А пришли они, говорят, с Удоры, через Оч парму напрямую, со всей скотиной и семьёй и хозяйством. От них мы и ведем

свой род. Почему-то два рода называют Кипрей род и Мелей род, а Прова не вспоминают. Наш род от Кипрея, если меня считать, я буду: Онись Кипрей Онтрэп Поотап Ёгор Петір Епим Карп Илля Наталь. (**Уляшева Наталья Ильинична, 1896 г.р., ум. 1985 г. Зап. Уляшев О.И., июль-авг. 1981 г. .**)

б) Мне еще мать матери рассказывала, сюда, мол, вначале, как коми пришли, чудь уже жила. На реке Воль эти три брата, которые пришли, хотели поселиться. И чудь их не пустила. И братья здесь поселились, спустились ниже. Чуди, мол, раньше много было, но коми их потом вытеснили, уничтожили. Смотри, мест сколько: Чудьювад, Чудин чурк, Чудин лыва, Чудин ты. Теперь вот эти, палеонтологи что ли, ищут. (**Уляшев Олег Ливерьевич, 1965 г.р., с.Вольдино. Зап. Уляшев О.И. 28 июня 2003 г.)**

С. Вотча. Сыктывдинского р-на.

Сам я с Вотчи, Волся, по-коми. Самая крайняя деревня у нас в Вотче. Так мне отец рассказывал, что, когда коми туда пришли, там чудь жила. А рядом с нами там есть бор большой. Так, они, говорят, там жили. Вначале чудь и коми друг друга расстреливали из луков, стрелы пускали, воевали, а потом, отец говорил, отношения наладились. Стали они тесно жить, и даже, по словам отца, наш род с этой чудью связан. Их кровь в нас тоже течет. Археологи искали там, раскапывали. (**Анонимный информатор, пригл. 1950 г.р., урож. с.Вотча, с 1964 г. проживает в Сыктывкаре. Зап. Уляшев О.И., 17 сент. 2003 г. .**)

С. Глотова. Удорский р-н.

а) Рядом с Глотова был какой-то зверь, Глот, который глотал телят, коров, овец, коней. Какой-то знахарь превратился в что-то мохнатое, дал себя проглотить и изнутри изрезал ножом, потом вышел. Тушу Глота отнесло 5 км ниже по течению на Глот видз. А место, где жил зверь, назвали Глотова. (**Коми легенды и предания / Сост. Ю.Г.Рочев. Сыктывкар, 1984. С.81-82.**)

б) В Слободу кто первый пришел, не знаю. Говорят с Выми были. А назвали Глотовой Слободой по имени чудовища. То ли рыба большая, то ли еще какой зверь, как кит появился. Скотину глотал на переправах. Потому и назвали Глот. Один человек смелый нашелся и говорит: «Зашейте меня в коровью шкуру». Нож взял, зашили и бросили в воду. Его Глот и проглотил, а он изнутри брюхо разрезал и вышел. Вот село и назвали Глотова, а в трех верстах есть луг, куда тушу Глота отнесло течением и к берегу прибило. Тот луг назвали Глот видз «Луг Глота». Говорят, из ребер Глота столбы делали на ворота. Долго стояли. (**Вурдова Александра Григорьевна, 1915 г.р., в с. Глотова Удорского р-на, с 1975 г. жила в с. Вольдино, ум. 19 июля 1998 г. Зап. Уляшев О.И., 1992 г.)**

С. Дон. Усть-Куломский р-н.

а) Странники проплывали: «Как это село назовем?» «Озеро, говорят, раскаленное (дон)». А день солнечный, озеро красное все. «Ну если раскаленное, то и назовем Дон». И теперь – Дон. (**Fokos-Fuchs D.R. Volksdichtung der Komi-Syrjänen. Budapest, 1951. S.207.**)

б) Название Дон дали по озеру. А насчет озера есть две версии. Одни говорят, что так назвали из-за того, что на заре поверхность горит, как раскаленная «дон». Другие – что озеро рыбой богатое, дорогое «дона». Раньше

ведь сюда со всех сторон приезжали. В Часово, Зеленец барками увозили рыбу. Здесь озера до сих пор так называются: Часса ты, Зеленец ты. (Нестеров Анатолий Ананьевич, 1951 г.р., Зап. Уляшев О.И., авг.1999 г.).

С. Керчомья. Усть-Куломский р-н.

а) А в Керчомье первые жители поселились сначала в Лемтыбож. Потом, там сыро, и поэтому переселились в деревню Турья: туда, где кедр стоит. Парень под этим кедром повесился, и крест там ставили под деревом. (Уляшов Андрей Степанович, 1956 г.р. Зап. Уляшев О.И., 5 авг. 1999 г.).

б) Вначале заселились в Лемтыбоже. Но там, говорят, очень берег высокий, и пришли сюда. Сначала в деревню Турья, потом сюда спустились. На месте старицы тогда река текла, близко. И в обе стороны, оказывается текла: одна половина – в одну сторону, другая – в другую. Потом пересохла, поменяла русло. Старики говорили: «Молодежь слишком легко живет, поют и пляшут, и Бог, мол, реку повернул». При дедах Вычегда развернулась. «Вот, мол, теперь живете – ничего не знаете. Старые люди, мол всё знали». (Самарина Александра Егоровна, 1916 г.р.. Зап. Уляшев О.И., 6 авг. 1999 г.).

в) Старые люди пришли из Москвы. Убежали люди. Патриарх Никон веру стал менять. И они убежали. Дошли до Вычегды. И там старица есть. Рядом со старицей сначала шалаш сделали и стали жить в бревенчатом шалаше «керчом». И странники стали на лодках мимо проплывать. Смотрят: из очень толстых бревен бревенчатый шалаш сделан. «Коли из таких толстых бревен сделали шалаш, это село вечно будет называться Керчомья». И теперь Керчомья. (Fokos-Fuchs..., S. 206.).

С. Корткерос. Корткеросский р-н.

а) В старину, говорят, был Железный Старец. Он, говорят, поедал всех людей. И поэтому весь народ исчез. Так я где-то слышала. Потом пришел сюда один беглый человек. Стал плыть по Вычегде и услышал в каком-то месте петушиный крик. И поселился там. Этот беглый человек стал повсюду ездить, рыбу ловить. И вот как-то он неподалеку от Вычегды обнаружил чудские ямы, они находятся в местечке Ыджыд йёр. Там в старину потаенно жили люди. Эту яму, этот холм мы до сих пор называем чудской ямой. Вот он и построил себе дом в местечке Ыджыд йёр. Беглый человек поселился, и с тех пор снова люди пошли от этого беглого. Железный Старец, оказывается, поедал людей постепенно. А от этого беглого человека потом снова люди пошли. Этот человек был русским, не коми. А уже потом превратился в коми. (Коми ..., С. 68-69).

б) Первым на Корткеросскую гору пришел беглый человек. А раньше ведь беглых называли казаками. Казак построил себе дом в верхнем конце Корткероса и стал жить. А тогда кругом лес был. И вот услышал, как петух кричит. Взял топор и отправился с топором на петушиный голос. Затёсы делает. Попал к своему соседу, с кем одновременно вверх поднимался. Из Юр «Каменная Голова» того звали, остановился он на реке Кия, там тот остановился, а казак поднялся по Вычегде. (Коми..., С. 74-75).

Дер. Кошки. Усть-Вымский р-н.

Однажды Стефан Пермский поплыл по Выми на каменном плоту. Он ездил в верховья Выми крестить. Кого смог окрестить – окрестил, а кто в чудские ямы зарылся. Выше Серёгова напротив Кошек, или по-коми деревни Кось, есть порог, очень большой, прямо-таки бурлит вода, кипит. Стефан и крикнул: «Стань гладким, порог!» И не стало порога, выровнялась вода. (Коми..., С.25).

С.Кужба. Усть-Куломский р-н.

Странники плывут по Вычегде. И говорят: «Это место как назовем?» Один и говорит: «Я не умею» (Me og куж). Тогда другой говорит: «Ну если не умеешь, так пусть и называется Куж (Умею)». (Fokos-Fuchs..., S.206).

С. Латьюга. Удорский р-н.

В деревне Койнас два брата жили и сестра Иуда. Они все рассердились (рассорились), все знахари что ли были. Оникый сюда пришел, еще сотрудник был у него. Иуда там осталась. Там, в Койнасе на Юду молятся, Юда там похоронена в Лешуконском районе. До Вожгоры плывешь дальше, там возле ручья и жили. (Павлова Анна Власовна. Зап. Уляшев О.И., 1992 г. 18 ноября).

Дер. Лымва. Корткеросский р-н.

а) В деревню Лымва люди прибыли из Ивановской (Джияна). Это мне ещё дед рассказывал. В Ивановской, говорил он, были двое Поповых, Большой Егор и Малый Егор. Малый Егор был очень маленького роста, но с очень широкими плечами, а Большой Егор высокого роста, и тоже широкоплечий. Оба были очень сильными. Оба вели крестьянское хозяйство, а в Ивановской стало тесновато, там особенно развернуться негде, и они решили, мол, сходим поищем новых земель для поселения. Вот эти двое Поповых и поехали в Лымву. С ними больше никто не поехал туда. Мой дед был тоже Егор и тоже Попов, но не из их рода. Вот они и, говорят, стали первыми жителями Лымвы. (Коми..., С.54-55).

б) Был такой человек Пармен. Он был первым жителем. И теперь это место называется гора Пар. Было это около двухсот лет назад. Нет, было ведь два брата: Пар Иван и Пар Елизар. Семь мужиков не смогли сдвинуть с места большой камень, а вот Пар Иван поднял. Им было неохота ходить к реке за водой. Гора длинная и высокая, так они снег растопят и пьют. Вот поэтому и речку назвали Лымва. Под гору неохота было спускаться. (Коми..., С.60-61).

в) Сюда в Лымву первыми поселились три брата-богатыря. Они прибыли с горы Пар, что возле села Нёбдино. Вот имен их не знаю. У них детей не было, умерли, и Лымва опустела. После них прибыли из деревни Ивановской Поповы. Здесь теперь у всех фамилия Поповы. Они растапливали снег, так как им лень было ходить за водой к реке, с тех пор название деревни Лымва.

А вот под часовой-то камень лежит Прибыли, как рассказывают, откуда-то другие богатыри, то ли воровать, то ли в поисках богатств. И вот, кто поднимет этот камень, тот и сильнее всех. Богатырь, который прибыл, поднял камень только до поясного ремня. А здешний богатырь поднял выше головы. И прибывший сказал: «Здесь мне делать нечего». Ушел.

А камень этот раскололи и положили под часовню. Снизу приезжали, со стороны Сыктывкара.

Лымвинские богатыри женатыми были, только не расплодись, дети не рождались. (Жоми..., С.61).

г) Иван из Лымвы.

Жили-были Пётр Осипович с женой. У них было два сына и одна дочь. Старшего брата звали Иваном, младшего брата – Степаном. Иван и Степан в тысяча восемьсот сорок пятом году осенью поехали рыбу лучить. Ивану по сердцу пришлось пахотная землявозле р.Лымва. От Нившеры будет в пятидесяти километрах. Когда они вернулись после лучения рыбы, Иван сказал отцу, что он женится и будет жить на р.Лымва, где нашел веселое место.

Иван на другой год в тысяча девяносто сорок шестом <? 1846 г.> году женился и поднялся жить на р.Лымва на веселой горе. И стал жить очень хорошо. Хлеб очень хорошо родился, рыбу-мясо и дичь и зверей очень много ловил. У самого Лымва Ивана было очень много силы богатырской. У него было три сына и две дочки. Одного звали Лымва-Иван-Оонь, другого – Лымва-Иван-Степан, третьего звали Лымва-Иван-Кирэ.

Как-то Лымва Иван на лодке поплыл до устья Вишеры рыбу лучить. А возле погоста Вишеры жил поселенец, Турэ Митрей, который заселился первым на Погосте. Он увидел, что кто-то по Нившере ночью плывет с огнем, лучит рыбу. И Турэ Митрей в лодку сел, и стал догонять Ивана, убить за то, что в чужой реке рыбу лучит. Но Лымва Ивана Турэ Митрей не догнал. Лымва Иван добрался до дома до рассвета. А Турэ Митрей к Лымва Ивану доплыл в восемь часов утра. И с Лымва Иваном стали спорить. И Лымва Иван разозлился и говорит: «У меня мельница есть в трех километрах от дома, ниже по р.Лымва. Возле мельницы есть камень. Если сможешь принести под мои окна, после этого я буду тебе самый лучший друг. И ни разу не приду на твою реку рыбу лучить».

Лымва Иван и Турэ Митрей спустились к мельнице. И Турэ Митрей стал поднимать камень. Но камень выше колена Турэ Митрею не поднимается. И бросил. А Лымва Иван разозлился и камень на плечо взял и без всякой передышки донес до дома и под окна бросил камень. Камень до половины ушел в землю. Камень приблизительно был в тридцать пудов. После этого Турэ Митрей испугался Лымва Ивана и сказал, что: «Брат, я тебя догонял, чтобы убить, но не догнал. Теперь я тебе буду младший брат». И Турэ Митрей обратно сплавился домой.

Через два дня у Лымва Ивана медведь задрал двух коров. И к трупам коров поставил медвежий капкан, к дереву привязал капкан. Медведь очень злой был. Дня через три с сыном Степаном пошли медведя ловить. Поднялись по р.Лымва на лодке до того места, где капкан был поставлен. Лымва Иван стал подниматься к капкану. А Степан остался в лодке. И Степану говорит, что: «Когда я брошусь в лодку, ты оттолкнись веслом до середины реки».

И рёв медвежий слышен. Лымва-Иван поднялся к медведю. И медведь на него бросился. В третий раз дернулся, и оборвалась цепь капкана, и медведь стал гнаться за Лымва Иваном. Лымва Иван бросился в лодку, и медведь за ним. И медведя Лымва Иван утопил в воде и сплавил домой на лодке. Так

Лымва Иван за свой век поймал сто пятьдесят пять медведей. И дичи много ловил. И рыбой-мясом кормил семью.

И к семидесяти пяти годам Лымва Иван умер. И три брата после женитьбы разошлись друг от друга, и стали хорошо жить, охотясь на зверя-птицу. **(Инф. Габов Иван Михайлович, род. 19.09.1910 в с.Одыб (Нившера) Сторожевский (ныне Корткеросский р-н) // Syrjänsche Texte. Band IV. Komi-Syrjänsch: Ober-Vuchegda dialekt. Gesammelt von T.E.Uotila / Übersetzt und herausgegeben von Paula Kokkonen. Helsinki. Suomalais-Ugrilainen Seura. 1995. ss.60-63).**

С.Нившера. Корткеросского р-на.

Одыб-то по-русски Нившера назвали по реке, не знаю, чем «Одыб» не понравилось. Тут, говорят, чуди жили. Так когда Стефан-то пришёл, чуди убежали. Одна девушка-чудь бежала, уронила сапог, когда через ручей переходила. Назвали Сапега шор, потом шубу уронила, место тоже назвали по ее шубе – Сись паса, а потом и сама утонула в реке вот отсюда и Ньывсер, Ньв сер, значит. **(Инф. Габов Андрей Афанасьевич, 1931 г.р., с. Нившера. Зап. Уляшев О.И. дек. 1989 г.).**

С.Нюмыд. Усть-Куломского р-на.

Давно разбойники по реке плыли, доплыли до устья реки Нюмыд и говорят: «Ну, брат, эта река будто улыбнулась (нюмдэма), будто улыбается (нюмъялэ)». «Ну, если улыбается, пусть и будет Улыбчивая, Нюмид». И теперь Нюмид. **(Fokos-Fuchs..., S.208).**

Д.Пасвомын. Корткеросский р-н.

Тюво и Лёва пришли откуда-то в Богородск. Тюво поселился в 25 км выше по Вишере от Богородска, а Лёва в Пасвомын (Паслотчом), в 12 км от Богородска в стороны Нившеры. Они были не местными. Может русскими, может коми тоже, но не Богородские. Оба были знахарями. У Тювэ детей не было, хотя был женат. У Лёва потомки до сих пор есть. **(Коми..., С.80-81).**

С.Петрунь. Интинский р-н.

А) Первопоселенцы Петрунь – Петровичи: Симон, Пётр, два Ивана. Дома стояли навстречу. Посередине был крест, высотой около 6 м. Возможно, использовали вместо церкви. **(Филиппов Егор Виссарионович, 1934 г.р., с. Петрунь. Зап. Уляшев О.И., 27 апр.1992 г.).**

Б) Дед мой, Семяшкин Феофан Михайлович, из д. Ластва. На строительстве надрезал неприметно туесок посередине до тончайшего внутреннего слоя. Налил воду и поставил, а когда подняли туесок, половина выпала и вода пролилась. Тогда сказали: вот, мол, как лекарь сделал. С тех пор и прозвали Лекарем. У первопоселенца, Петра, дом уже стоял (второй после Симона), когда Феофан сделал избушку типа охотничьей на крыше, до того ходили с оленями, жили в чуме. Зинаида во время постройки качала Ивана в люльке, привязанной к березе. **Семяшкин Иван Григорьевич, муж С.А.П., внук Куштысева Евстафия Марковича, который переселился из Саранпауля один. (Роман чукор), косторез был. Жена у него была Анастасия Алексеевна. Родовая кличка Тшолкун. Его**

ударят, щелкнут, а он сердится. Так и пошло. (Семьяшкина Августа Павловна, 1926 г.р., с. Петрунь. Зап. Уляшев О.И., 27 апреля 1992 г.).

С. Прунт. Усть-Куломский р-н.

Вода, мол, прутом идет, сильной струей, сказали проплывающие по реке люди. Ну, если прутом идет, пусть река и называется Прунт. И теперь Прунт. И село тоже стали называть Прунт. (Fokos-Fuchs..., S.206).

Поч. Пугдым. Корткеросский р-н.

Тювö и Лёва пришли откуда-то в Богородск. Тювö поселился в 25 км выше по Вишере от Богородска, а Лёва в Пасвомын (Паслотчом), в 12 км от Богородска в стороны Нившеры. Они были не местными. Может русскими, может коми тоже, но не Богородские. Оба были знахарями. У Тювэ детей не было, хотя был женат. У Лёва потомки до сих пор есть. (Коми..., С. 80-81).

Дер. Пузла. Усть-Куломский р-н.

А) Рядом с нами стоят Николая Терентьевича и Павла Терентьевича дома. Николай Терентьевич – отец Семёна Николаевича из Вольдино. У них братья еще были – Андрей Терентьевич и Алексей Терентьевич.

Мать у меня была Марья Петровна, бабушка по матери Марфа Тимофеевна, а отец Пётр Васильевич. Он и поставил этот дом, около ста лет уже дому. Уходили из Пузлы в Сибирь, потом вернулись обратно, в Вольдино, там им землю не дали, вернулись обратно в Пузлу. (Слепнёва (Уляшева) Нина Николаевна 1935 г.р., д. Пузла Усть-Куломского р-на. Зап. Уляшев О.И., 28 июня 2001 г.).

Б) Мне восемьдесят шесть лет. В день Рождества будет восемьдесят семь. Пузле, по расчетам матери, сто и пять лет. Я, оказывается, родилась от основания Пузлы через восемнадцать лет. Вначале пришли Петр Васильевич, Терентий Васильевич, Филипп Васильевич и Павел Васильевич, четыре брата. Сама я от Терентия Васильевича: *Ондрей Пиля Олеш Семэ Вась Керень Оне Нина*. Вот как получается. Под этим Федосеевым домом сначала сделали маленькую избушку. Отсёда с пригорка расчистили подсеку. Сначала Пётр Васильевич пришёл, потом братья. Я деда ещё помню немного. Года четыре было: дед, мол, помер. И отец на другую половину меня выносил.

Вот ты про Карпа Ефимовича говоришь, здесь его брат был, Прокопий Ефимович. У Прокопия на кресте после смерти родовой знак был. Из Бадёльска в Сибирь уходил. Потом вернулся в сорок шесть лет без документов. Староверы были. Жена померла, когда в Сибирь ходили. И не дали ему жену попы. (Уляшева Нина Андреевна, род. 1915 г.р., ум. 2002г. с. Пузла. Зап. Уляшев О.И., 28 июня 2001 г.).

Поч. Расыб Усть-Куломский р-н.

А) В Расыбе в этом году уменя просили участок под застройку, я отказал, говорю, старые люди говорили: жизни, мол, не будет, нечего и мучаться там. А Фрида Эммануиловна тоже там была и говорит: «Иван Никитич, мол, знает старое, просто так не скажет. Лучше, мол на другом месте посмотрим место».

(Уляшев Иван Никитич, род. 16 янв. 1939 г., ум. 19 сент. 1996 г. с.Вольдино. Зап. Уляшев О.И., 11-12 сентября 1992 г.).

Б) В Расыбе дом поднимали. И заночевали мужики возле избы. А пришел откуда-то мужик к ним, нищий не нищий, крестьянин не крестьянин. Говорит: «Построили, мол, конечно, но жизни не будет. Здесь, мол, хлеб будет вымерзать. Мужики спрашивают: «Кто такой знающий?» «Я, мол, Николай. Из Богородска, мол, утром вышел, надо до следующего утра На Печору дойти». А потом, мол, пропал. А в Расыбе жизни так и не получилось. Хлеб вымерзал. Плохо жили. **(Уляшев Семён Николаевич, род. 1912 г., ум. в 1986 г. с.Вольдино. Зап. Уляшев О.И., в марте 1984 г.).**

В) Раньше в Расыбе заселились. У костра мужики спят. Пришел мужик какой-то: «Можно ли, мол, портянки просушить? В Вишере, мол, ноги промочил, не могу просушиться». «Разве так быстро дошел», – мужики смеются. «Да, совершенная правда, мол, обедал там сегодня». И мужик сказал: «Ладно, мол, надо, мол, на Печору идти. Меня к утру ждут. Спаси бог, мол, вас». Потом про место сказал: «Красивое, мол, конечно, место, и весело тут, но здесь, говорит, жизни не будет». А в Расыбе жизни и не получилось. Хлеб все время замораживало. Теперь вот только останки домов остались. А мужик это сказал и пропал. **(Уляшева Наталья Ильинична, 1896 г.р., ум. 1985 г. с.Вольдино. Зап. Уляшев О.И., июль-авг. 1981 г.).**

С.Сторожевск. Корткеросский р-н.

Сторожевск по-коми называется Шойнаты «Озеро-кладбище» потому, что это было озеро, где были трупы. Оказывается в старину здесь сражалась чудь, чудь с чудью, с обеих сторон чудь. И трупы, оказывается, сбрасывали в озеро. И озеро сплошь покрылось трупами, человеческими трупами. Вот потому и озеро назвали Озером-кладбищем. Так рассказывают, а правда ли это, как знать. После тех событий, может, уже много столетий прошло. Конечно, много лет уже минуло, не в наши времена было. **(Коми..., С.18).**

С.Ульяново. Усть-Куломский р-н.

А) Ульяновский монастырь существовал давно. Маленькая деревушка была ещё во времена Стефана Пермского. С Урала набегали разбойники другой национальности. Ограбили монастырь и девушку Ульянию с собой взяли. Она выпрыгнула из лодки в Вычегду и утопилась. Место, где она утонула, назвали Ульяново. Напротив этого места и был построен Ульяновский Троицко-Печерский Стефановский монастырь. **(Коми..., С.76.).**

б) Улляна дорас часовня воолэма. Ся шышгяс локтасны Печерасянь. Ся сотасні часовнятэ. А оотик ныв воолэма Улляна, рочнас, дерт, зське Ульяна да. Сіес шышгясід босьтасні. А Уллянайд ёна нін воолэм ентэ тоодэ да ваас шыбитчас, мед шышгяслі не сюрні. Ся воояс, да вооеминсэ шувасні Улляна. А Перимса Степанід локтас да строоитас манастыртэ. Водзе мунас шышгяс боорсяид да Печераад на вичко лэптас, Троицкеяд, Мылдінад. **(Уляшев Семён Николаевич, 1912-1986гг. Зап. Уляшев О.И., март 1984 г.).**

Д.Чудопольская. Сыктывдинский р-н.

Чудопольская деревня по-коми называется Важ му «Старое поле», по-русски – Чудопольская. Первыми туда прибыли две семьи: Порошкины и Русановы. Одна семья – три брата: Иван Тимофеевич, Андрей Тимофеевич и Павел Тимофеевич; другая семья – мой дед и его четверо сыновей. Моему отцу тогда было еще всего пять лет, без штанов еще бегал. Они прибыли из Белозерска. По-русски Белозерск, по-коми Виям. Пять километров от деревни Красная. Там раньше было сорок домов, сейчас уже ничего нет. Ежегодно затопляло. Оказывается, до окон вода доходила, поэтому вынуждены были уйти оттуда.

А те две семьи стали строиться на Старом поле. От деревни Красная в полукилометре. И вот как только стали валить деревья, по утрам стали раздаваться звуки плача. По утрам-то тихо, поэтому и слышно. Три утра подряд плакали. Потом перестали. Оттуда недалеко есть озеро, называется Чодопи. Пошли в лес к оконечности озера Чодопи, а там три ямы, наподобие картофельных ям, на четырех сваях земля поднята. Чудь туда забралась, сваи выдернула и сама себя захоронила. Им, видимо, жить больше нельзя было, они людей боятся, не показываются им на глаза, прячутся. А так как решили себя захоронить, так и начали стонать-плакать. (Коми..., С.26-27.).

Содержание

<i>Введение</i>	3
<i>Жеребцов И.Л.</i> К вопросу о роли климатического фактора в истории финно-угорских народов	5
<i>Волокитин А.В.</i> Древние поселения северного Приуралья	44
<i>Селезнева О.М., Васкул И.О.</i> Новые данные об этнокультурных связях населения европейского Северо-Востока и Зауралья в эпоху железа	52
<i>Королев К.С.</i> Климатический фактор в этногенезе коми-зырян (по археологическим материалам средней Вычегды)	58
<i>Кленов М.В.</i> Европейский Северо-Восток в XI–XIV вв. (к вопросу о системе расселения)	63
<i>Мацук М.А.</i> Миграции населения Коми края в XVII в.: причины явления (теория и историография)	77
<i>Семенова Д.В.</i> Брачное поведение коми крестьян во второй половине XIX в.	85
<i>Хайдуров М.В.</i> Численность и структура духовного сословия в Коми крае в пореформенный период (конец 1860-х – 1890-е гг.)	91
<i>Батырбаева Ш.Д.</i> К вопросу о достоверности материалов переписи населения 1926 г.	103
<i>Безносова Н.П.</i> Естественное движение населения Республики Коми в 1926–1940-х гг.	111
<i>Якоб В.В.</i> Численность и социальная структура крестьянства Коми области в 1930-е гг.	126
<i>Игнатова Н.М.</i> Численность спецпереселенцев в Коми АССР в 1930–1950-е гг.	136
<i>Шабаев Ю.П.</i> Новые явления в этнодемографических, этнокультурных и этнополитических процессах на европейском Севере России	157
<i>Цыпанов Е.А.</i> Языковые данные как материал для изучения миграционных процессов	180
<i>Мусанов А.Г.</i> Топонимия и исторические исследования в Республике Коми. Краткий очерк	189
<i>Игнатов М.Д.</i> Собственное имя «ЗОЛОТОЙ БАБЫ» и этимология гидронима «ОБЬ»	199
<i>Уляшев О.И.</i> Предания о возникновении некоторых поселений на территории Коми края	220

**ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ
ПРОЦЕССЫ НА КРАЙНЕМ СЕВЕРЕ ЕВРАЗИИ**

*Сборник научных трудов
Выпуск 1*

Научное издание

Оригинал-макет – Н.К.Забоева

Редакционно-издательский отдел Института языка, литературы
и истории Коми НЦ УрО Российской АН.
167982 г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26.
Компьютерный набор. Уч.-изд. л. 14,0. Тираж 300 экз.

Отпечатано с оригинал-макета в типографии «Полиграф-сервис»
ЧП Сысуев А.Н. Лицензия ПЛД 19-40.
г. Сыктывкар, ул. Ленина, 4, тел. 21-48-36